

ISSN 1993-1824

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

3/2020

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 13, № 3

Июль – сентябрь 2020

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал "Региональные социальные процессы" сменил название на "Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика" в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор
М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеев А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенов К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силин А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 306
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkowl@tyuiu.ru

Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993–1824

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 13, No. 3

July – September 2020

**PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL
INSTITUTIONS**

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings of higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

**Editor-in-Chief
M. L. Belonozhko**

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriulik V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 306
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), главный специалист Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенев Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан, кандидат исторических наук

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, заведующая кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseyenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Batyrova Nazygul Tursynkhanovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Hasanov Elnur Latif oglu

PhD (Doctor of Philosophy in History), Senior specialist of Ganja branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco - Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinayida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Independent analyst and consultant, associate researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Yensenov Kanat Alekseevich

Candidate of historical sciences, leading researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, candidate of historical sciences.

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Michail Urievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Nagymzhanova Karakat Mukashovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Sartbekova Nurzhan Koodoevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Ukubasova Galia Sagandykovna

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (The Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Белоножко М.Л., Белоножко Л.Н., Овеян М.М. Влияние человеческого потенциала на развитие Арктики	9
Макарова Г.И. Территориальный брендинг в работах российских ученых	22
Шайхисламов Р.Б., Садретдинова Э.В., Асадуллина Г.Р. Конструкты «родной язык» в представлениях жителей мегаполиса (на примере г. Уфы)	35
Жулева М.С. Морально-этическая составляющая профессиональной культуры государственного служащего	47
Моложавенко В.Л., Абрамовский А.Л., Шутова Н.А. Укрепление основ духовного развития общества через формирование семейных ценностей у подростков, оставшихся без попечения родителей	55
Попова О.И., Гагарина Н.М. Влияние геобренда региона на развитие экспортной деятельности вузов	73
Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. О модели формирования доверия в российском высшем образовании	84
Рожков Е.В. Процессы национализации в 2010–2019 годах: общественные итоги	98
Медведев А.В. К вопросу об эмиграционных настроениях молодых россиян	108

CONTENTS

Belonozhko, M.L., Belonozhko, L.N., Oveian, M.M. The impact of human potential on the development of the Arctic	9
Makarova, G.I. Territorial branding in the works of Russian scientists	22
Shaikhislamov, R.B., Sadretdinova, E.V., Asadullina, G.R. Constructs “native language” in the representations of megalopolis residents (on the example of Ufa)	35
Zhuleva, M.S. Moral and ethical component in professional culture of public servant	47
Molozhavenko, V.L., Abramovsky, A.L., Shutova, N.A. Strengthening the basics of the spiritual development of society through the formation of family values in adolescents left without parental care	55
Popova, O.I., Gagarina, N.M. Impact of geobrand of the region on the development of export activities of universities	73
Zborovsky, G.E., Ambarova, P.A. On the model of formation of the trust in Russian higher education	84
Rozhkov, E.V. The nationalisation in 2010–2019: social results	98
Medvedev, A. On the issue of emigration sentiments of young Russians	108

ВЛИЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НА РАЗВИТИЕ АРКТИКИ

Марина Львовна Белоножко¹, Лидия Николаевна Белоножко¹, Мясник Микаелович Овеян¹

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена происходящими процессами глобализации, которые затрагивают все сферы жизнедеятельности общества: международные отношения, социальную сферу, экономику, политику и другое. Процесс глобализации также подвергается влиянию факторов, среди которых можно выделить ограниченность ресурсов на фоне возрастающего потребления. Арктическая зона представляет собой одну из таких территорий. Освоение этих земель, а также имеющихся здесь ресурсов делают приоритетным вопросы социального развития регионов этой территории. Другими словами, можно говорить о процессе структуризации социального пространства в рамках активизации экономической политики на Арктических территориях. Соответственно, человеческий потенциал становится фактором развития этих территорий, оказывающим на данный процесс прямое влияние. Данная статья раскрывает концептуальные подходы к пониманию человеческого потенциала, его влиянию на развитие Арктических территорий в рамках начавшегося неоиндустриального освоения. Достоверная аналитико-диагностическая информация о реальном состоянии человеческого потенциала в данном макрорегионе, а также его влиянии на развитие региона будут способствовать принятию эффективных решений в рамках освоения данной территории и реализации инвестиционных проектов, которые, в свою очередь, эффективно повлияют на обеспечение человеческими ресурсами. Основная цель статьи заключается в выявлении влияния человеческого потенциала на развитие региона для возможности выработки решений относительно улучшения положения трудовых ресурсов, как основной составляющей человеческого потенциала капитала. В работе используются логический и сравнительный методы, а также методы анализа (статистический) и синтеза. В статье рассматриваются основные подходы к понятию «человеческий потенциал», анализируются методики оценки влияния человеческого потенциала на развитие Арктики, а также интерпретируются статистические данные на основе сравнительного анализа территорий Арктической зоны. Сделан вывод о существующих проблемах и возможных направлениях их решения. Статья представляет практическую ценность в рамках организации управления социально-экономическими процессами на уровне территорий.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, трудовой потенциал, человеческий потенциал экономики, человеческий потенциал, Арктическая зона.

The Impact of Human Potential on the Development of the Arctic

Marina L. Belonozhko¹, Lidia N. Belonozhko¹, Myasnik M. Oveian¹

¹*Department of Marketing and Public Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The relevance of the study is conditioned upon the ongoing processes of globalization, which affect all spheres of society, including: society, economy, international relations, politics, and other areas. The globalization process is also influenced by factors that include limited resources against the background of increasing consumption. All this led to an emphasis on territories of a geo-economic nature of strategic importance. The Arctic zone is one of such areas. The development of these territories, including the resources available therein, prioritize the issues of social development of the regions of this territory. In other words, this refers to the process of structuring social space within the framework of intensifying economic policy in the Arctic territories. Accordingly, human potential becomes a factor in the development of these territories, which has a direct impact on this process. This paper allows to consider conceptual approaches to understanding human potential, its impact on their development within the framework of the recently initiated neo-industrial development of the Arctic territories. Reliable analytical and diagnostic information on human potential and its real condition in this macroregion, as well as its impact on the development of the region will contribute to the adoption of effective decisions in the development of this territory, and, accordingly, within the framework

of investment projects can provide an opportunity to more effectively supply them with human resources. The main purpose of the paper is to identify the influence of human potential on the development of the region for the possibility of developing decisions concerning the improvement of the situation of labor resources as the main component of human potential. Research methods: The work uses the dialectical and materialistic method of cognition and the general scientific, special, and private scientific methods based on it. In particular, the work uses logical, comparative, analysis methods (namely, statistical, etc.), synthesis. The paper discusses the main approaches to the concept of human potential, also examines approaches to the methodology for assessing the impact of human potential on the development of the Arctic, analyzes statistical data in comparison with the territories of the Arctic zone. The conclusion is made about the existing issues and possible directions for their solution. The paper is of pragmatic value in terms of organizing the management of socio-economic processes at the level of territories.

Keywords: labor resources, labor potential, human potential of the economy, human potential, Arctic zone.

Введение

Одной из приоритетных задач политики государства, имеющей стратегическое значение, является освоение Арктических территорий. Интерес к данным территориям проявляют и многие другие страны, почти не имеющие к ней никакого прямого отношения (Франция, Китай, Япония, Германия и некоторые другие). Причина столь пристального интереса — Северный морской путь, который связывает Азию и Европу, позволяющий более рационально использовать ресурсный потенциал данных территорий. Процессы глобализации диктуют новые вызовы в развитии как отдельных регионов, так и государства в целом. Все более жесткие условия развития требуют своевременного реагирования структур, как управленческих, так и политических, которые, учитывая геополитическую ситуацию и особенности социально-экономического потенциала страны, формируют траекторию ее поступательного движения. Добывающая отрасль, с учетом доминирования нефтегазового сектора, играет значимую роль не только в экономике страны, но и в ее национальной безопасности, что в рамках процесса глобализации делает важным для государства освоение Арктических территорий. Усиление значимости этих территорий, изменения в характере человеческой деятельности и растущее производство предопределили акцентирование внимания на проявлении человеческих возможностей в специфических условиях жизнедеятельности [1]. Многие авторы отмечают недостаточное внимание к научному обеспечению процессов освоения Арктических территорий, это касается и социологического, и междисциплинарного аспектов [2].

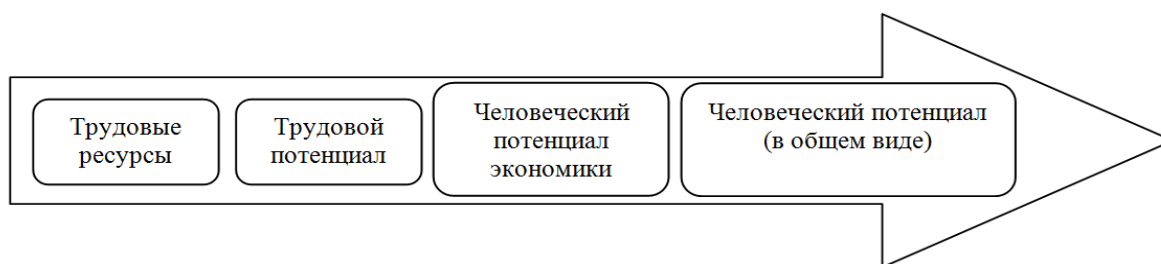
Научное сопровождение имеет особое значение для реализации таких направлений неиндустриальности, как создание индустриального базиса для реализации человеческого потенциала в суровых природно-климатических условиях. Основу таких территориально-промышленных комплексов составляет совокупность производства и логистики, которые требуют научно-технического сопровождения и высококвалифицированного трудового ресурса [3]. В свою очередь, привлечение высокого уровня специалистов предполагает обеспечение комфортными условиями проживания, влекущее социальное обустройство территории не только для постоянного проживания, но и для временного нахождения работников, гарантирующее сохранение интересов коренных народов Севера [4].

Исследования в области человеческого потенциала и его влияния на развитие территорий проводились такими авторами, как В.Л. Марков и А.Р. Бахтизин, а также В.А. Ильин и М.К. Горшков [5]. Достаточно интересны подходы к освоению Арктических территорий в контексте решения социально-экономических проблем А.А. Шабуновой [6], А.Н. Пилясова [7] и многих других авторов. Заслуживают внимания в современных условиях исследования Н.В. Говоровой [8], которая поднимает вопрос о преобладании сложных и противоречивых демографических тенденций в Арктическом регионе. Вместе с тем, вопрос влияния человеческого потенциала на развитие Арктики нельзя назвать достаточно изученным, поскольку обозначилась явная потребность в проведении системных исследований, цель которых заключается в разработке направлений улучшения положения населения Арктических территорий как главного фактора развития и их эффективного освоения [9].

Литературный обзор

В отечественной научной литературе, также как и в трудах зарубежных авторов отсутствует конкретное и однозначное определение понятия «человеческий потенциал». Для понимания содержания категории «человеческий потенциал» целесообразно проследить эволюционный процесс ее смыслового наполнения (рисунок 1), взяв за основу взгляды различных ученых [10]. Именно в рамках экономической науки было положено начало формирования подходов к категории «человеческий потенциал», которое стало следствием развития таких категорий, как «рабочая сила», «трудовые ресурсы», «трудовой потенциал». Появление данного понятия обусловлено, прежде всего, ростом значения качественных характеристик населения (человеческого фактора) в производственном процессе.

Рисунок 1. Эволюция понятия «человеческий потенциал»

Источник: составлено авторами по материалам К.А. Гулина и А.П. Ермолова [1].

Под понятием «трудовые ресурсы» часто подразумевается численность трудоспособного населения, которое можно отнести к количественной характеристике. Тогда как под «трудовым потенциалом» предполагается рабочая сила, имеющая как экономические, так и социальные качественные характеристики. В таком контексте проявляются те личностные свойства человека, которые могут применяться в производственном процессе, а именно: навыки, знания, способности [11]. И.С. Маслова рассматривает такое понятие, как «личный трудовой потенциал», характеризующее показатели человека и отражающее его интегральную дееспособность, возникновение которой происходит из единства качеств человека как члена общества, как части населения, как совокупного работника и как трудового ресурса [12]. В данной ситуации учитываются качественные и количественные характеристики, а также производительные способности человека.

По мнению В.К. Егорова, «человеческий потенциал» — более объемное понятие, включающее «трудовой потенциал», который рассматривает в свою очередь только трудоспособное население, второе значение понятия учитывает все население в совокупности [12]. В данной ситуации «трудовой потенциал» реализуется при определенном ограничении — в рамках производственной деятельности, при этом «человеческий потенциал» включает в себя также и межличностные отношения, и досуг помимо трудовой деятельности. Рассматривая этот вопрос с точки зрения экономической науки, с появлением понятия «человеческий потенциал» возникает новая категория, включающая как качественные, так и количественные основные характеристики участия населения в экономическом процессе, а также учитывающая прямые и косвенные способности населения в производстве. Таким образом, появляется понятие «человеческого потенциала в экономике».

И.В. Соболева рассматривает данную категорию как запас физического и нравственного здоровья, накопленного населением, который охватывает качество гражданской, предпринимательской и творческой активности, профессиональной и общекультурной компетентности. Данный запас реализуется в структуре потребностей и разнообразных сферах деятельности [13]. Другими словами, «человеческий потенциал в экономике» — это одновременно и система потребностей нетрудоспособного населения, которая косвенно

участвует в производстве и экономике, и их трудовой потенциал в совокупности [14]. Само понятие человеческого потенциала носит более широкое определение и зависит не только от производственной деятельности, но и от совокупности личностных характеристик, способностей, навыков и знаний человека. В рамках исследования можно выделить и понятие «человеческий потенциал территорий Арктики», которое дали зарубежные ученые М. Laruelle [15] и А. Paasi [16]. Данную категорию авторы рассматривают как совокупность таких характеристик людей, которые позволяют судить в большей или меньшей степени о возможностях участия в новом воспроизводстве Арктического региона, а также об их перспективах жизни на этих территориях.

В контексте исследования необходимо рассмотреть, что представляют собой Арктические территории не только с точки зрения географического положения, но также и с учетом стратегического ресурса России. Арктика — это северный «пояс» России, особое региональное измерение страны с огромной территорией, простирающейся от крайних точек российских границ в Европе и до пределов России в Азии, от Кольского полуострова и до Чукотки. Эти земли объединены единством суровых природно-климатических условий, богатством природных ресурсов, огромным потенциалом развития морского транспорта (Северного морского пути) — с Запада на Восток, вдоль всего российского Арктического побережья (рисунок 2).

Рисунок 2. Арктический регион РФ

Источник: составлено авторами по материалам Д.В. Бешейко и Л.Н. Липатовой [17].

Арктический регион играет важнейшую роль в обеспечении государственной безопасности России — именно здесь проходят самая протяженная внешняя морская граница страны, длина которой превышает 20 тыс. км, а также кратчайшие пути сообщения между Европой и Азией (морские пути), Евразией и Северной Америкой (воздушные пути). Российские территории составляют около 1/3 всей сухопутной Арктики, а Арктическая зона Российской Федерации (АЗ РФ) — около 20 % от всей территории страны. Более половины всего населения Арктики (2,5 млн чел.) проживает в России — это представители 41 коренного народа России, а также различных старожильческих русских субэтнических групп, выработавшие уникальную культуру и образ жизни, который обеспечивает естественную гармонию человека и природы на Крайнем Севере [17; 18].

Арктический регион является колоссальной потенциальной ресурсной базой, что касается месторождений газа и нефти. В Арктике находятся значительные запасы минеральных ресурсов: в регионе располагается около 11 % мирового запаса кобальта, приблизительно 40 % мировой добычи палладия и технических алмазов, а также $\approx$ 15 % мировой добычи платины. Россия располагает абсолютным преимуществом по принадлежащим ей объемам арктических запасов всех вышеперечисленных ресурсов. Именно в Арктике Россия добывает 90 % никеля

и 60 % меди. Арктика богата и биологическими ресурсами: на территории Российской Федерации сосредоточено около 80 % всего арктического биоразнообразия [19]. Российская часть Арктики выделяется достаточно высоким уровнем экономики, обеспечивает около 11 % национального дохода России и около 20 % ВВП страны. При этом каждый из арктических регионов России имеет свои отличительные особенности, как с точки зрения географического положения, природных условий, ресурсов, экономической структуры, так и с точки зрения человеческого потенциала. Обобщая результаты анализа литературных источников, можно сказать, что обеспечение экономической безопасности региона является одной из важных задач, а также приоритетным моментом в комплексе проблем безопасности страны.

Материалы и методы

Основным методом исследования при анализе влияния человеческого потенциала на развитие Арктики является метод исследования статистических данных или статистический анализ. В рамках основного материала для статьи выступили статистическая и социологическая информация, собранная из официальных источников, на основании которой будет проведен анализ, позволяющий охарактеризовать потенциал в исследуемом регионе и его влияние в целом на развитие региона. В данном контексте можно использовать систему показателей, которая, в свою очередь, отражает человеческий потенциал и развитие Арктического региона, а также дает возможность дать характеристику состояния и тенденций. Разобьем по группам основные показатели, характеризующие экономическое развитие региона (таблица 1).

Таблица 1. Основные показатели, характеризующие экономическое развитие региона

Направление	Показатель
Социально-демографическое	Динамика численности населения Динамика коэффициента демографической нагрузки Динамика показателей миграционного процесса
Здоровье	Динамика уровня заболеваемости на 1 000 человек населения
Образование	Динамика выпуска квалифицированных рабочих и служащих Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры
Уровень жизни населения	Динамика реально начисленной заработной платы Динамика населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума
Экономическое развитие	Динамика доли валового регионального продукта, произведенного в Арктической зоне Российской Федерации, в суммарном валовом региональном продукте субъектов Российской Федерации (в процентах) Динамика индекса промышленного производства Динамика индекса промышленного производства по отраслям Уровень безработицы Динамика экономически активного населения

Источник: составлено авторами.

Изменения, которые выявлены при исследовании предлагаемых показателей, помогут выявить благоприятные или неблагоприятные тенденции в развитии региона. Данные показатели исследуются с учетом динамики только за 2016–2018 гг., в связи с отсутствием в официальных источниках большей части данных за 2019 год. В качестве эмпирической базы исследования выступили территория Арктики и входящий в состав Арктической зоны Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО).

Состав Арктической зоны России представлен следующими территориями: Архангельская область (а также ряд входящих в нее муниципальных образований, включая Архангельск); территории Республики Коми, представленные муниципальным образованием и городским округом Воркута; территории Красноярского края (город Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, а также Туруханский район); несколько северных улусов

территории Республики Саха (Якутии); часть земель и островов Северного Ледовитого океана; Мурманская область; Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО); Чукотский автономный округ; Ненецкий автономный округ. Общая площадь арктических владений России составляет ≈ 3 млн км² (18 % всей территории РФ), в том числе 2,2 млн км² суши, где проживает около 2,4 млн человек. Это менее 2 % населения России и около 40 % от общего населения всей Арктики. ЯНАО — это территория, входящая в состав Арктической зоны и занимающая почти пятую ее часть. Данный регион представляет значительный интерес для нас, поскольку его ресурсный потенциал в перспективе будет основой энергетической стратегии РФ. Территория региона является неоднородной как в социальном, так и в экономическом плане. Неоднородность в социальном плане обусловлена компактным проживанием аборигенных этносов, а в экономическом — формированием мощностей, связанных с производством сжиженного газа и размещением кластеров, связанных с нефтедобычей и газодобычей.

Результаты и обсуждение

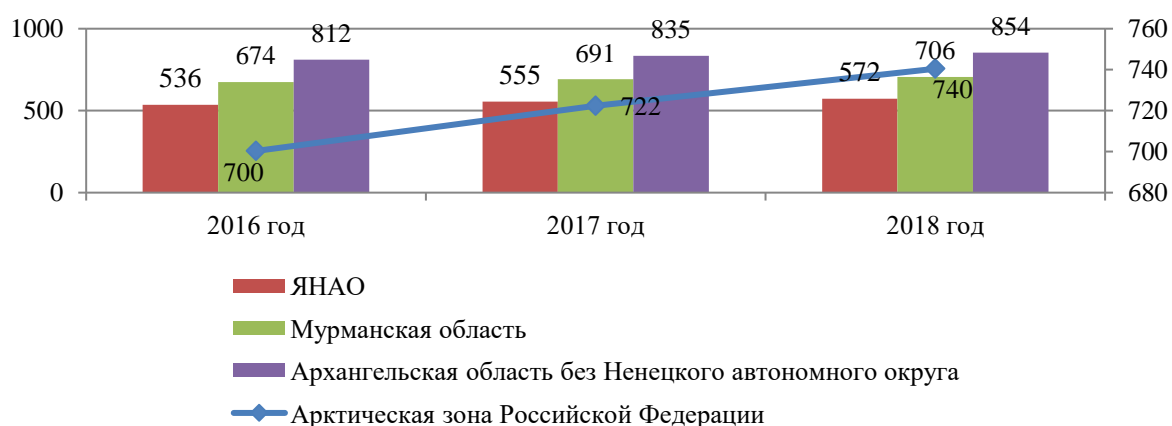
Целью исследования является возможность получения общей тенденции влияния человеческого потенциала на развитие Арктики с акцентом на ЯНАО. Учитывая предложенные для анализа показатели, рассмотрим социально-демографическое состояние региона. Динамика населения представлена на рисунке 3.

Рисунок 3. Динамика численности населения в целом по Арктической зоне РФ и отдельных ее регионов, чел.

Источник: составлено авторами по материалам официальной статистики Росстата по Арктической зоне РФ [20].

В данной ситуации относительно населения всего Арктического региона наблюдается некоторое снижение численности. При соотношении динамики численности населения ЯНАО с регионами, которые имеют наибольшую численность и также являются частью Арктической территории России, можно утверждать, что ЯНАО — это регион с растущей численностью, на фоне общего его снижения. Рост населения в ЯНАО обусловлен группой населения, относящейся к категории населения старше трудоспособного возраста. Еще одним показателем, характеризующим социально-демографическое состояние региона, является динамика коэффициента демографической нагрузки (рисунок 4). На рисунке 4 представлено соотношение 1 000 человек трудоспособного возраста на 760 лиц нетрудоспособного возраста.

Рисунок 4. Динамика коэффициента демографической нагрузки в целом по Арктической зоне РФ и отдельных ее регионов

Источник: составлено авторами по материалам официальной статистики Росстата по Арктической зоне РФ [20].

В целом можно отметить, что происходит рост демографической нагрузки, как в целом по Арктической территории, так и по отдельным ее территориям. Более интенсивный прирост в ЯНАО составляет 3 % от предыдущего периода, тогда как по другим сравниваемым регионам чуть выше 2,5 и 2,0 % соответственно. Динамика представленных показателей говорит о старении населения ЯНАО. Динамика миграционного процесса представлена в таблице 2.

Таблица 2. Динамика миграционного процесса в целом по Арктической зоне РФ и отдельных ее регионов, чел.

Регион	Год								
	2016			2017			2018		
	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
Арктика РФ	121	135	-14	123	137	-14	126	138	-12
Архангельская область без Ненецкого АО	21	23	-2	21	25	-3	22	25	-2
Мурманская область	38	43	-4	39	43	-3	39	43	-4
ЯНАО	36	39	-3	35	37	-2	36	37	-1
	283	774	491	163	581	418	052	787	735

Источник: составлено авторами по материалам официальной статистики Росстата по Арктической зоне РФ.

В целом можно отметить отрицательное значение миграционного процесса на территории Арктики, поскольку количество выбывших превышает количество прибывших в регионы. Наименьшее выбытие отмечается в ЯНАО. В 2018 году отмечается увеличение количества прибывших в ЯНАО, а количество выбывших остается почти на уровне 2017 года. Основу миграционного процесса составляют работники, которые осуществляют трудовую деятельность вахтовым методом. Поскольку, если рассматривать заработок на территории Арктической зоны (это будет рассмотрено далее), он в разы больше, например, Челябинской области и некоторых других областей, что и привлекает рабочую силу извне. Рассмотрим некоторые качественные характеристики человеческого капитала Арктической зоны. На рисунке 5 представлена динамика уровня заболеваемости на 1 000 человек населения.

Рисунок 5. Динамика уровня заболеваемости на 1000 человек населения в целом по Арктической зоне РФ и отдельных ее регионов, чел.

Источник: составлено авторами по материалам официальной статистики Росстата по Арктической зоне РФ [20].

Если рассматривать в целом Арктический регион, то можно отметить снижение уровня заболеваемости населения. Однако если анализировать только ЯНАО, то наблюдается постепенный рост уровня заболеваемости относительно предыдущих периодов. Уровень образования можно охарактеризовать динамикой выпуска квалифицированных рабочих и служащих, а также численностью студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры (таблица 3).

Таблица 3. Динамика выпуска квалифицированных рабочих и служащих, а также численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, в целом по Арктической зоне РФ и отдельных ее регионов, тыс. чел.

Регион	Выпуск квалифицированных рабочих и служащих			Численность студентов, обучающихся в вузах		
	Год					
	2016	2017	2018	2016	2017	2018
Арктическая зона Российской Федерации	2,0	2,0	1,0	23,0	22,0	22,0
Архангельская область	2,6	2,8	1,5	19,1	19,0	18,6
Мурманская область	1,0	0,8	0,8	9,8	8,8	7,9
ЯНАО	0,8	0,8	0,7	1,6	1,0	0,8

Источник: составлено авторами по материалам официальной статистики Росстата по Арктической зоне РФ [20].

Также можно отметить снижение квалифицированных кадров не только на территории Арктики, но и в крупных ее регионах. Динамика показателей уровня жизни населения, которая является стимулирующим фактором для трудовых ресурсов и основной составляющей человеческого потенциала региона, представлена в таблице 4. Помимо всего прочего, необходимо отметить стимулирование населения к трудовой деятельности посредством увлечения оплатой труда. В ЯНАО данный показатель растет менее быстрыми темпами относительно других.

Таблица 4. Динамика показателей уровня жизни населения в целом по Арктической зоне РФ и отдельных ее регионов

Регион	Реально начисленная заработная плата работников организаций (в % к предыдущему)			Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (в % от общей численности)		
	Год					
	2016	2017	2018	2016	2017	2018
Арктика РФ	99	102	108	14	13	13
Архангельская область	100,0	102,5	110,7	14,9	13,9	12,5
Мурманская область	99,2	101,7	108,4	12,0	11,3	9,9
ЯНАО	100,8	104,9	105,0	7,1	6,1	5,8

Источник: составлено авторами по материалам официальной статистики Росстата по Арктической зоне РФ [20].

Также необходимо отметить снижение численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума. Основным макропоказателем развития Арктического региона является валовый региональный продукт (рисунок 6).

Рисунок 6. Динамика доли валового регионального продукта (ВРП), произведенного в Арктике РФ, в суммарном ВРП субъектов РФ в сопоставлении с динамикой ВРП некоторых регионов Арктики РФ

Источник: составлено авторами по материалам официальной статистики Росстата по Арктической зоне РФ [20].

Данный показатель является основной характеристикой развития территории. В целом можно сказать, что ЯНАО вносит один из самых значительных вкладов в ВРП Арктической зоны и на протяжении определенного периода происходит рост ВРП ЯНАО. Динамика индекса промышленного производства по ЯНАО, в сравнении с некоторыми регионами Арктической зоны, представлены в таблице 5. Необходимо отметить, что происходит рост индекса промышленного производства в ЯНАО. Относительно предыдущего периода его возрастание составило почти 20 %, которое коснулось отрасли добывающей промышленности, основной специализации региона.

Таблица 5. Динамика индекса промышленного производства по ЯНАО в сравнении с некоторыми регионами Арктической зоны

Регион	Индекс промышленного производства								
	Всего			По виду деятельности «Обрабатывающая промышленность»			По виду деятельности «Добыча полезных ископаемых»		
	Год								
	2016	2017	2018	2016	2017	2018	2016	2017	2018
Архангельская область	100,0	132,4	100,8	99,1	137,1	100,2	109,5	110,7	120,0
Мурманская область	105,6	110,6	102,1	105,5	114,5	104,1	107,0	108,5	101,2
ЯНАО	104,6	109,0	117,9	104,6	101,2	99,2	104,3	111,0	122,0

Источник: составлено авторами по материалам официальной статистики Росстата по Арктической зоне РФ [20].

По отрасли обрабатывающей промышленности происходит спад индекса промышленного производства. Проведенная оценка показателей дала возможность выявить негативную тенденцию относительно человеческого потенциала в Арктике, и такая ситуация наблюдается во многих регионах. Примером может служить ЯНАО. Развитие региона имеет сырьевую направленность, поэтому рост индекса промышленного производства происходит по отрасли «Добыча полезных ископаемых», в которой задействованы в основном «вахтовики» из других регионов. В других отраслях наблюдается нехватка кадров, одной из причин которой является снижение трудоспособного населения. Необходимо отметить, что ситуация в рамках влияния человеческого потенциала на развитие Арктики складывается достаточно неоднозначно, такого же мнения придерживается и автор Н.В. Говорова в своей работе «Человеческий капитал — ключевой актив хозяйственного освоения Арктических территорий» [8].

При определенных тенденциях относительно населения (его снижения, роста миграционных процессов, роста коэффициента демографической нагрузки) происходит рост некоторых промышленных показателей. Также наблюдается повышение уровня жизни населения относительно доходов, но, даже несмотря на это, существует нехватка квалифицированных кадров [21]. В данной ситуации необходим определенный перелом в развитии человеческого потенциала в таком регионе, как ЯНАО, а также Арктической зоны в целом. Это возможно при условии повышения качества жизни и благосостояния населения, создания многих других условий с учетом тяжелого климата, а также предоставления условий для самореализации северян как личностных, так и профессиональных качеств. Авторская позиция заключается в том, что объективная реальность и растущая необходимость освоения Арктических территорий требуют существенных изменений и работы над недостатками в развитии человеческого потенциала, задержании и увеличении трудовых ресурсов в каждом из регионов с учетом уже имеющихся наработок и новых вызовов времени.

Выводы

Проведенная оценка показателей дала возможность выявить негативную тенденцию относительно человеческого потенциала в Арктике, и такая ситуация наблюдается во многих регионах. Примером может служить ЯНАО как один из самых значительных регионов Арктической территории РФ. Положительным моментом является рост численности региона, однако рост демографической нагрузки показывает, что это увеличение связано с ростом населения, возраст которого выше трудоспособного. Миграционный процесс показывает рост прибывших и снижение прироста выбывающих, но, несмотря на это, миграционный прирост — отрицателен. Динамика миграционного прироста связана с прибывающими работниками, осуществляющими деятельность вахтовым методом. Также необходимо отметить негативную динамику показателей здравоохранения, что обусловлено ростом

заболеваемости населения из года в год. Наблюдается недостаточное количество высококвалифицированных кадров, причина которого — снижение трудоспособного населения. В связи с тем, что развитие региона в основном имеет сырьевую направленность (добыча полезных ископаемых), в данной отрасли привлечены в основном «вахтовики» из других регионов. Авторская позиция относительно путей решения проблем заключается в следующем:

- необходим определенный перелом в развитии человеческого потенциала в таком регионе, как ЯНАО, а также в Арктической зоне в целом. Это возможно при условии повышения качества жизни и благосостояния населения, создания многих других условий с учетом тяжелого климата, а также предоставления условий для самореализации как личностных, так и профессиональных качеств северян.

- необходима постепенная проработка развития человеческого потенциала и каждого направления по улучшению благосостояния населения (в частности, здравоохранения и продовольственного обеспечения), качества и уровня жизни на основании уже имеющихся наработок.

Благодарности

Данная статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 19-29-07355 «Человеческий капитал Арктического региона в концепции пространственного развития России»).

Библиографический список

- [1] Гулин К.А., Ермолов А.П. Национальная промышленная политика России в рамках неоиндустриального вектора развития: концептуальные подходы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 6. – С. 58–77.
- [2] Hill F., Caddy C. The Siberian curse: How communist planners left Russia out in the cold. – Washington: Brookings Institution Press, 2003. – 240 p.
- [3] Belonozhko M.L., Silin A.N. Russian North: Change of Social Situation // Middle-East Journal of Scientific Research. – 2013. – No 16(2). – P. 150–155.
- [4] Кокис К.А. К вопросу о формировании арктической политики РФ // Арктика и Север. – 2015. – № 19. – С. 81–95.
- [5] Горшков М.К., Ильин В.А. Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений): монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – С. 93–120.
- [6] Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Смолева Е.О. Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 2. – С. 29–47.
- [7] Пилясов А.Н. Города-базы Арктического фронта // Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России. – Москва: Кодекс, 2016. – С. 503–529.
- [8] Говорова Н.В. Человеческий капитал — ключевой актив хозяйственного освоения арктических территорий // Арктика и Север. – 2018. – № 31. – С. 52–62.
- [9] Лысенко Е.А., Майорова Л.Н. Кластерный анализ предприятий сферы сельскохозяйственного туризма // Российское предпринимательство. – 2019. – Т. 20, № 3. – С. 679–696.
- [10] Федотов А.А. Человеческий потенциал и качество населения: подходы к определению // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 3–2(42). – P. 44–49.
- [11] Гюрджинян А.А. Управление развитием человеческого потенциала Арктического региона // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019. – № 6. – С. 1–7.
- [12] Егоров В.К. Особенности условий формирования человеческого потенциала нового поколения в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 3. – С. 100–113.

- [13] Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. – Москва: Наука, 2007. – 202 с.
- [14] Лысенко Е.А. Динамика формирования фермерских хозяйств и перспективы их возможного развития // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2013. – № 11(59). – С. 22.
- [15] Laruelle M. New mobilities and social changes in Russia's Arctic regions. – Routledge: London and New York, 2017. – 216 p.
- [16] Paasi A. Place and region: Regional worlds and worlds // Progress in Human Geography. – 2002. – No 6. – P. 802–811.
- [17] Бешейко Д.В., Липатова Л.Н. Особенности развития человеческого потенциала в арктических регионах Российской Федерации // Научное обозрение: электронный журнал. – 2020. – № 1. – С. 1–8.
- [18] Желонкина Е.Э., Пафнутова Е.Г., Бойценюк Л.И. Создание и анализ математической модели антропогенного воздействия на локальную экологическую систему // В сборнике: Биологическое разнообразие – основа устойчивого развития. (22 мая 2019 г.). Материалы международной научно-практической конференции. – Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, 2019. – С. 70–77.
- [19] Липатова Л.Н., Градусова В.Н. Развитие человеческого потенциала России: основные достижения и угрозы // Регионоведение. – 2019. – № 2. – С. 310–330.
- [20] Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/region_stat/arc_zona.html (дата обращения: 11.05.2020).
- [21] Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Социальное моделирование — новый компьютерный прорыв (агентно-ориентированные модели). – Москва: Экономика, 2013. – 295 с.

References

- [1] Gulin, K.A., & Ermolov, A.P. (2015). National industrial policy of Russia in the framework of the neo-industrial development vector: conceptual approaches. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 6, 58–77.
- [2] Hill, F., & Caddy, C. (2003). *The Siberian curse: How communist planners left Russia out in the cold*. Washington: Brookings Institution Press.
- [3] Belonozhko, M.L., & Silin, A.N. (2013). Russian North: Change of social situation. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 16(2), 150–155.
- [4] Kokis, K.A. (2015). On the formation of the Arctic policy of the Russian Federation. *Arctic and North*, 19, 81–95.
- [5] Gorshkov, M.K., & Ilyin, V.A. (2015). *Russian society: Transformations in regional discourse (results of 20 years of measurement)*. Vologda: ISEDT RAS.
- [6] Shabunova, A.A., Kalachikova, O.N., Leonidova, G.V., & Smoleva, E.O. (2016). Exclusion as a criterion for identifying socially vulnerable groups. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2, 29–47.
- [7] Pilyasov, A.N. (2016). Base cities of the Arctic Frontier. In *Geography issues. No 141. Problems of regional development of Russia* (pp. 503–529). Moscow: Kodeks.
- [8] Govorova, N.V. (2018). Human capital is a key asset in the economic development of the Arctic. *Arctic and North*, 31, 52–62.
- [9] Lysenko, E.A., & Mayorova, L.N. (2019). Cluster analysis of agricultural tourism enterprises. *Russian Business*, 20(3), 679–696.
- [10] Fedotov, A.A. (2020). Human potential and population quality: Definition approaches. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 3–2(42), 44–49.
- [11] Gyurdzhinyan, A.A. (2019). Managing the development of human potential in the Arctic region. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 6, 1–7.

- [12] Egorov, V.K. (2017). Features of the conditions for the formation of the human potential of a new generation in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 10(3), 100–113.
- [13] Soboleva, I.V. (2007). *The human potential of the Russian economy: Problems of conservation and development*. Moscow: Nauka.
- [14] Lysenko, E.A. (2013). The dynamics of the formation of farms and the prospects for their possible development. *Economic Systems Management: An Electronic Scientific Journal*, 11(59), 22.
- [15] Laruelle, M. (2017). *New mobilities and social changes in Russia's Arctic regions*. Routledge: London and New York.
- [16] Paasi, A. (2002). Place and region: Regional worlds and worlds. *Progress in Human Geography*, 6, 802–811.
- [17] Besheiko, D.V., & Lipatova, L.N. (2020). Features of the development of human potential in the Arctic regions of the Russian Federation. *Scientific Review: Electronic Journal*, 1, 1–8.
- [18] Zhelonkina, E.E., Pafnutova, E.G., & Boytsenyuk, L.I. (2019). Creation and analysis of a mathematical model of anthropogenic impact on the local ecological system. In: *In the Collection: Biological Diversity – the Basis of Sustainable Development. Materials of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 70–77). May 22. Grozny: Chechen State Pedagogical University.
- [19] Lipatova, L.N., & Gradusova, V.N. (2019). Human development of Russia: Key achievements and threats. *Regionology*, 2, 310–330.
- [20] Statistical information on the socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation. (2020). Retrieved from https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/region_stat/arc_zona.html.
- [21] Makarov, V.L., & Bakhtizin, A.R. (2013). *Social modeling — A new computer breakthrough (agent-based models)*. Moscow: Ekonomika.

Получена / Submitted: 15/07/2020

Доработана / Revised: 04/08/2020

Принята к публикации / Accepted: 21/08/2020

УДК 316.4.06

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

Гузель Ильясовна Макарова¹

¹*Отдел этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация*

Аннотация. Условия глобальной конкуренции, вызвавшие к жизни конструирование брендов стран, регионов и мест, сделали актуальным обращение ученых к проблематике территориального брендинга. Цель статьи — обобщить подходы российских исследователей к его изучению. Ведущими методами стали анализ и синтез, типологизация и сравнительный метод (при сопоставлении их работ с изысканиями зарубежных авторов). В трудах российских ученых, как и ученых Запада, преобладает широкое понимание данного феномена — как объединяющего весь спектр стратегий и действий, направленных на формирование позитивного образа территорий «во вне» и «для себя». И так же, как и там, имеют место отличия в ракурсах его рассмотрения представителями различных областей знания. Так, если сторонники экономического подхода исследуют его в качестве инструмента монетизации символического образа страны/региона/места, политологи изучают брендинг с точки зрения проявлений в нем интенций властей различных уровней. Социальных философов интересует воплощение в репрезентируемых образах культурных кодов территорий, а использующие социологический подход раскрывают влияние стратегий по их формированию на связываемые с ними населением смыслы. Географы концентрируют внимание на выражении в образах-брендах территорий их геокультурных особенностей, а антропологи — на раскрытии роли этнокультурных символов в их формировании. Статья призвана способствовать становлению той теоретической базы, что необходима для изучения практик территориального брендинга, и в конечном счете успешному управлению процессами регионального развития.

Ключевые слова: территориальный брендинг, социокультурный образ, репрезентация, элиты, государственно-гражданская, региональная и локальная идентичности.

Territorial Branding in the Works of Russian Scientists

Guzel I. Makarova¹

¹*Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation*

Abstract. The conditions of global competition, which brought to life the construction of brands of countries, regions and places, made relevant the appeal of scientists to the problems of territorial branding. The purpose of the article is to generalize the approaches of Russian researchers to its study. The leading methods were analysis and synthesis, typologization and the comparative method (when comparing their work with the research of foreign authors). In the works of Russian scientists, as well as Western scientists works, a broad understanding of this phenomenon prevails — as combining the whole spectrum of strategies and actions aimed at forming a positive image of the territories “outside” and “for themselves”. And also, as there, there are differences in the angles of its consideration by representatives of different fields of knowledge. So, if supporters of the economic approach research territory branding as a tool for monetizing the symbolic image of a country/region/place, political scientists research branding in terms of manifestations of the intentions of authorities at various levels. Social philosophers are interested in cultural codes of territories, which are embodied in representable images, and those, who use the sociological approach reveal the influence of strategies for their formation on the meanings associated with them by the population. Geographers focus on signifying of geocultural features in territorial brand images, and anthropologists — on the disclosure of the role of ethnocultural symbols in their formation. The article is intended to contribute to the formation of the theoretical base that is necessary for studying the practices of territorial branding and, ultimately, the successful management of regional development processes.

Keywords: territorial branding, sociocultural image, representation, the elite, state-civil, regional and local identities.

Введение

Условия глобальной конкуренции вызвали к жизни конструирование брендов стран, регионов и мест. Это сделало актуальным обращение ученых к проблематике территориального брендинга. В государствах Запада интерес к ней проявился еще на рубеже XX–XI вв. [1–3]. Российские исследователи подключились к изучению темы позже, поскольку многие связанные с рыночной экономикой процессы проходили в нашей стране с некоторым отставанием (что вызвано ее длительным развитием в контексте иного общественного строя и в относительной изоляции от других государств). Последнее касается и включения регионов и городов России в логику взаимного соперничества [4]. Несмотря на большое количество исследований, посвящаемых в последнее десятилетие конкретным стратегиям формирования странового, региональных и локальных образов-брендов в РФ, а также опыту их реализации, трудов, обобщающих складывающиеся в них теоретические и практические подходы, до сих пор нет. В связи с этим представляются значимым анализ и систематизация появившихся в российской науке наработок для того, чтобы сделать их доступными другим, обращающимся к схожей проблематике ученым. В связи с этим, задачами статьи стали:

- уточнение понятия «территориальный брендинг» и обозначение его границ;
- обобщение характерных для отечественной науки подходов к его изучению;
- определение некоторых общих черт и различий в трактовке соответствующей проблематики в странах Запада и в России.

Материалы и методы

В статье используются, прежде всего, такие универсальные (общелогические) [5] методы познания как анализ и синтез. Анализ был применен по отношению к каждой отдельной работе, а также к их совокупности, и предполагал дальнейшую их типологизацию по ряду признаков. Такими признаками выступили характерные для различных наук ракурсы и подходы, а также методы рассмотрения территориального брендинга и его последствий. Как и любая типологизация, она предполагала некоторое упрощение, необходимое для выделения сущностных характеристик этих ракурсов/подходов путем построения их идеальных типов [6] и абстрагирования от остальных.

Сопоставляя работы отечественных ученых с зарубежными, мы опирались на сравнительный метод. Анализ бэкграунда (например, регионов РФ и государств Запада), направлений и самих результатов исследований, проведенных в разных странах, дал возможность выделить их общие черты и отличия, оценить возможности применения их опыта в условиях современной России. Это позволило также выяснить, какие аспекты изучаемой темы еще не были достаточно раскрыты. Среди используемых методов необходимо выделить метод выявления научных противоречий в анализируемых работах, в предлагаемых в них теориях, а также рассогласований между ними.

Отправной точкой исследования стали материалы, размещенные в российских научных электронных библиотеках («крупнейшем российском информационно-аналитическом портале» eLIBRARY и известном «научно-образовательном ресурсе» Рунета КиберЛенинке), на сайтах ведущих научных социально-политических и гуманитарных журналов России. Далее отбор производился на основе списков литературы выделенных таким образом статей и книг. В совокупности было проанализировано 84 работы отечественных ученых. Поиск трудов западных авторов осуществлялся с помощью системы «Google Scholar» (57 работ).

Результаты и обсуждение

Анализ работ российских обществоведов показал, что национальный брендинг (связанный с продвижением образов стран), брендинг регионов и брендинг мест (городов и сельских поселений) часто рассматриваются российскими обществоведами, а также и зарубежными учеными [7], в тесной связи друг с другом, так как во всех этих случаях речь идет о

репрезентации определенной территории, очерченной политическими и/или административными границами. Отсюда оправданно и их обозначение общим термином «территориальный брендинг» (хотя чаще он все же употребляется по отношению к брендингованию регионов и мест). Схожим с западными исследователями выступает и преобладание широкого его понимания, связываемого со всей совокупностью действий, направленных на формирование положительного образа-имиджа территорий (В.А. Тишков и В.К. Малькова, Г.Л. Тульчинский, Д.Н. Замятин и другие), в отличие от узкой его трактовки как представленного в логотипах коммерциализированного их образа (вслед за Ф. Котлером сюда можно отнести А.В. Мазуренко и некоторых других). Первый из подходов является, на наш взгляд, наиболее продуктивным, поскольку позволяет охватить полный комплекс смыслов, вокруг которых выстраивается территориальный образ, и стратегий по его репрезентации и продвижению. Он открывает эвристические возможности для раскрытия широкого спектра влияния данных стратегий на государственно-гражданскую/региональную/локальную идентичности.

Для определения сути изучаемого явления важно разграничение понятий «имидж» и «бренд», обозначенное в отечественной науке А.П. Панкрухиным [8]. Так, имидж связывается им с образно окрашенными представлениями, возникающими «в психике» воспринимающего «по поводу особенностей данного продукта», бренд характеризуется как «коммерческое предложение на основе ярко выраженного позитивного имиджа продукта...» [8]. Применительно к территориям, сущность брендов и шире — брендинга, заключается в целенаправленном конструировании их идей и символов, а имидж выражает представления о них, рождающиеся (в том числе под влиянием брендов) в сознании людей; причем они могут быть как позитивными, так и негативными. Необходимо также отметить, что ученые выделяют два основных направления территориального брендинга: первое обращено «внутри» и имеет целью интегрирование соответствующей общности; второе — «вовне» и заключается в их внешней публичной репрезентации. Нацеленные «внутри» и «вовне» образы трактуются рядом авторов (Д.Н. Замятин, В.А. Тишков, М.Ю. Тимофеев и другие) как неразрывно связанные друг с другом. Наконец, вопросы территориального брендинга изучаются в России, как и в других странах, представителями различных областей знания, трактовки которых пересекаются; встречаются и примеры совместного их обсуждения [9]. Рассмотрим подходы, которые можно с некоторой долей условности обозначить как экономический, политологический, социально-философский, социологический, географический, антропологический и урбанистический.

Как и на Западе, первыми обратились к рассмотрению названной темы *экономисты*. Вслед за Ф. Котлером [1] и С. Райнисто [3] они исследуют роль брендинга в развитии коммерческой привлекательности и экономического потенциала стран/регионов/мест. Так, А.П. Панкрухин в книге «Маркетинг территории» хотя и не употребляет данное понятие, но раскрывает роль брендинга в повышении «благополучия» территорий и их жителей. Он выделяет «маркетинг имиджа» («создание, развитие и распространение, обеспечение общественного признания положительного образа территории») и «маркетинг привлекательности» («мероприятия, направленные на повышение притягательности данной территории для человека») [10].

Первостепенное значение экономических целей брендинга артикулирует Д.В. Визгалов, считая его влияние на самосознание жителей хотя и важным, но все же «побочным эффектом» [11]. Признавая, что «собираемый образ города» должен быть «как можно более точным отражением» его идентичности, он отмечает, что это призвано способствовать успешному продвижению производимых в нем товаров и услуг. Автор пишет также о том, что нужно уметь «продавать» имидж территории с тем, чтобы повысить ее «привлекательность для бизнеса» и конкурентоспособность на «глобальном рынке» [11]. Исследователь анализирует и роль в этом процессе таких новых культурно-экономических

феноменов как креативные индустрии и связанная с ними экономика впечатлений. Как «важный ресурс экономики» расценивает территориальный брендинг И.С. Важенина [12]; А.В. Мазуренко систематизирует накопленные в экономической науке знания о нем и разрабатывает показатели (в первую очередь экономические) оценки его эффективности [13].

Представители *политологического подхода* рассматривают конструирование образов брендов стран и регионов как фактор укрепления их социально-политического статуса в мировом/внутристрановом пространстве, а также формирования лояльности населения к государственным/региональным властям. Отсюда предметом изучения становятся стратегии элит и выраженные в них явные либо скрытые интенции. Причем, если, к примеру, труды известного, работающего в данном направлении, зарубежного ученого К.С. Браунинга концентрируются на критическом анализе национального брендинга как инструмента «дисциплинирующего» влияния государства на население [14], в России, в связи с характерными для 1990-х гг. процессами суверенизации регионов и их дальнейшим включением во взаимную конкуренцию, основной фокус исследования сосредоточен на репрезентации субъектами РФ себя в системе отношений «центр — регионы и регион — другие регионы». Важным используемым при этом термином выступает «политика идентичности», связываемая с действиями истеблишмента, направленными на выстраивание смыслов и образов регионов и поддержание соответствующих солидарностей.

Среди авторов, обращающихся к такого рода проблематике, назовем, прежде всего, В.Я. Гельмана, еще в начале 2000-х гг. писавшего о региональной идентичности как об «одном из видов символической продукции», создаваемом элитами и продвигаемом «благодаря стратегиям «символического менеджмента»» [15]. Рассматривая вопрос о роли данного явления «в политическом процессе в регионах России», исследователь раскрывал суть стратегий региональных элит страны с 1990-х и до начала 2000-х гг., характеризуя их как «сугубо рациональных акторов», стремящихся извлечь выгоды «в ходе торга с федеральным центром» [15]. Обращаясь к изменениям, произошедшим в последующие годы в характере регионализма в РФ, и указывая на стремление центра к его «деполитизации», А.С. Макарычев подчеркивает, что составной частью данного тренда становится переведение соперничества территорий из плоскости борьбы «за перераспределение властно-символических ресурсов» «в плоскость конкуренции коммерческих брендов». Он признает, однако, что и в этой ситуации регионы, перенаправляя активность на формирование более «прагматической стратегии развития», продолжают оставаться «очагами потенциальной политизации» [16].

О.Б. Подвинцев, связывая (как и В.Я. Гельман) региональную идентичность с «совокупностью действий различных акторов» [17] и с имиджевой символической стратегией властей, раскрывал вопрос о политике идентичности на примере внутренних политических процессов и противоречий в Пермском крае. В частности, им разбиралась суть противостояния «варягов» и «патриотов», продвигающих различные представления и образы региона. Содержательное наполнение конструируемых ныне пермскими элитами имиджей и брендов рассматривает М.В. Назукина [18]. Л.В. Сагитова, анализируя политику идентичности в Татарстане, подчеркивает особую роль в ней этнокультурной составляющей, одновременно признавая влияние на нее дискурса центра [19].

Наконец, в работах И.А. Василенко внимание сосредотачивается главным образом на современных технологиях продвижения позитивного имиджа государства на международной арене [20]. Она делает вывод о важности задействования при этом всех, обозначенных в шестиугольнике С. Анхольта, сфер, особо акцентируя по отношению к России символический потенциал культуры, раскрывая значимость применения механизмов «гибкой власти» и проектной политики [20]. Относительно российских регионов автор подчеркивает необходимость постановки долгосрочных задач при выстраивании их образов, эффективного использования местной истории и культуры, событийности как фактора «прорыва» [21], а также ребрендинга с использованием современных информационных технологий. Роль

символов и управления ими в сплочении региональных/локальных сообществ, в формировании лояльности проводимому в них политическому курсу раскрывают Н.Е. Абалмасова и Э.А. Паин [22]. В то же время в ряде работ, посвященных спортивным мега-событиям (как составляющей брендинга), рассматривается их использование в качестве инструмента внешнего политического позиционирования страны/региона и выстраивания национальной/региональной идентичностей [23; 24]. Все другие подходы к изучению территориального брендинга можно назвать гуманитарными, поскольку они концентрируются на раскрытии социокультурных символов и смыслов, лежащих в его основе, межсубъектного и межгруппового взаимодействия в ходе его выстраивания, а также его социокультурных последствий.

Социальные философы (как и культурологи, искусствоведы, архитекторы [25; 26]) анализируют смысловые формулы-коды, используемые при конструировании образов территорий. На первостепенную важность выделения ведущей концептуальной идеи бренда, заставляющей «сфокусироваться на главном», сделать регион привлекательным для жителей и тех, кто «готов сюда приехать», указывает Г.Л. Тульчинский [27]. Ученый подчеркивает необходимость постоянной работы с местным сообществом по ее выстраиванию, что, по убеждению автора, будет стимулировать «деловую активность» населения, способствовать налаживанию связей бизнеса и власти с различными социальными группами, вести к «консолидации общества на конструктивной основе» [27].

В наполнении образа региона/места смыслами видит суть брендинга М.Ю. Тимофеев [28] (опирающийся на теорию семиотического пространства Ю.В. Лотмана [29]). Он также подчеркивает важность соответствия этих смыслов, сложившихся в региональном/локальном сообществе представлениями об их «символических индустриальных ресурсах» [30], местной истории, культуре, традициях, о самих себе. Им изучаются приемы репрезентации территорий в такого рода стратегиях на примере России, подмечается значимость использования при этом «синтаксических конструкций», включающих такие концепты как «столица», «родина», «край» [30].

Представители *социологического подхода* рассматривают соотношение образов-брендов территорий с их видением самими жителями на конкретных примерах и опираясь на эмпирические методы. Они ставят вопрос о воздействии брендинга, как некоего меседжа населению, на смыслы, связываемые с регионом или городом его различными социокультурными группами, на их региональную либо локальную идентичность. Так, данные опросов, проведенных в городах, являющихся административными центрами трех российских областей, представлены в труде И.В. Задорина, Р.В. Евстифеева, П.Л. Крупкина, С.Д. Лебедева и Л.В. Шубиной [31]. Авторами были выделены значимые для солидаризации населения Владимира, Смоленска, Ярославля места и связанные с ними мифы, герои, ритуалы, представления опрашиваемых о локальной географии и локальном социуме. Взаимосвязь между видением социокультурными группами имиджа территории и их отношением к локальным брендам, с выходом на проблематику региональной идентичности, на примере Пензенской области рассмотрена В.П. Воробьевым, О.Л. Голубовской и Е.В. Ереминой [32].

Наиболее последовательно обозначенную тематику раскрывает на примере Мордовии О.А. Богатова, определяющая ее как регион с «относительно низким экономическим потенциалом». В связи с этим, в совместной с О.Н. Чирковой статье, она отмечает заместительное использование местными элитами имиджевой стратегии и возникающее при этом противоречие между продвигаемым образом конкурентоспособной территории и социально-экономической реальностью [33]. На базе массового опроса авторы выявляют идеи и символы, с которыми ассоциируется регион у его жителей. Уже с опорой на качественные исследования О.А. Богатова анализирует «эффекты воздействия» на население региональной политики идентичности с характерной для нее тенденцией этнизации [34]. Она отмечает в

целом позитивное восприятие жителями республики использования этнокультурных кодов при формировании ее внешнего публичного образа, в то время как те же тенденции, обращенные «внутри» региона, получают противоречивые их оценки.

В практическое выстраивание образов-брендов российских городов и мест часто включены *географы*. В основном это представители гуманитарной географии — направления, опирающегося на опыт советской географической школы и в определенной мере выступающего «русской версией культурной географии» [35]. Ими разрабатываются и связанные с темой теоретические вопросы. Так, Д.Н. Замятин предлагает концепцию геокультурного брендинга, базирующегося на географических образах, представленных в культуре и связанных с «экзистенцией» места [36]. Он также дает определения «имиджа территории», ее «образно-географической карты», выделяет основные этапы геокультурного брендинга и его составляющие (сопряженные с культурным ландшафтом, локальными мифами, «символической топографией», «гением места» [37] и так далее). Как и многие называвшиеся выше исследователи, Д.Н. Замятин подчеркивает важность обозначенных стратегий для сплочения территориальных сообществ, подчеркивая главную их задачу в развитии городских/региональных идентичностей [37]. В.Н. Калущков характеризует значимые для изучения формирования историко-культурных образов территорий географические подходы: картографический — связанный с «образопорождающим потенциалом» географических карт [38], гуманитарно-географический и культурно-ландшафтный — сконцентрированные на изучении их «уникальных природных и культурных свойств» [38], объединяемых понятием «культурный ландшафт». В свою очередь, И.И. Митин артикулирует роль исторически наслаивающихся друг на друга пространственных мифов в брендинге мест [39].

Социальные и культурные антропологи обращаются к исследованию историко-культурных (и этнокультурных, в частности) оснований формирования региональных образов. В связи с этим, прежде всего, необходимо назвать две монографии, объединенные названием «Культура и пространство...». В открывающем вторую из них разделе В.А. Тишков пишет о взаимодействии «трех реальных феноменов нашей жизни: природно-географической среды, государственно-политических образований и этнической мозаики». Тесная, хотя и противоречивая их связь обычно и формирует содержательные основы территориальных брендов, которые автор рассматривает «через призму понятий граница и культура» [40]. Другие, вошедшие в книгу работы, посвящены конкретным примерам формирования образов-брендов в южных регионах России и республиках Северного Кавказа — с особой артикуляцией собственно этнокультурных их составляющих (тот же ракурс исследования характерен для статей Е.Н. Романовой и В.Б. Игнатъевой [41], С.И. Рыжаковой [42] и другие). И именно подобная артикуляция составляет специфику работ российских исследователей по сравнению с западными, как и самой социокультурной практики. Поскольку на Западе в последние годы как раз обозначилась тенденция отказа от репрезентации этнокультурных особенностей мест в пользу нейтральных культурных смыслов [43].

В первой книге с тем же названием В.А. Тишков и В.К. Малькова анализируют роль агентов информационного поля в конструировании образов территорий и соответствующих солидарностей, вовлекаемых в этот процесс региональными властями [44]. Соответственно, обозначенный подход сочетается здесь с элементами политологического. Е.И. Филиппова, изучающая региональные идентичности, прежде всего, на примере современной Франции, также касается вопроса политики их формирования. Занимая скорее конструктивистские позиции, она рассуждает о тех усилиях, что направляются локальными элитами на артикуляцию «уникальности и неповторимости региона» [45], раскрывая механизмы использования различных объектов «культурного наследия» в целях его продвижения. В другой своей работе Е.И. Филиппова подчеркивает, что ее больше интересует не «идентификационный потенциал» самой местности, как это характерно, по утверждению автора, для географического ракурса, а «система отношений, которые выстраивает социум с территорией» [46] — ракурс, обозначаемый ею как антропологический [47].

В связи с задачами формирования комфортной городской среды образы территорий рассматриваются урбанистами. Продвижением и реализацией конкретных проектов по ее развитию занимается С. Мурунов. В лекциях и интервью он, с одной стороны, подчеркивает, что в основу городского развития должно быть положено осознание уникальности территории и связанных с ней смыслов (в чем состоит первоначальный этап брендинга), с другой — признает, что «брендинг территорий вторичен и является побочным эффектом, а смыслы рождаются в процессе диалога городских сообществ» [48]. Представители так называемых городских исследований концентрируют внимание на том, как усилия элит по развитию и репрезентации мест сказываются либо могут сказаться на качестве жизни людей. Они также выясняют, как все это воспринимается «рядовыми» гражданами. В частности, О.В. Паченков рассматривает городские публичные пространства с позиции их пользователей — горожан — и пишет о «множественности городских «публик»». Вслед за Д. Харви он отмечает их право «менять» город «своими действиями, своим присутствием» [49]. В том же ключе работают А.М. Хохлова и Е.В. Тыканова, изучая отстаивание городскими активистами права на участие в определении характера городской застройки [50]. Также изучением вопросов формирования гражданско-правового сообщества занимались Е. Врублевская, А.Ю. Харламова, А.А. Валевская [51; 52].

Обобщая обзор трудов российских ученых, посвященных вопросам территориального брендинга, отметим, что их разделение на обозначенные выше подходы относительно. Так, представители экономических, политических и исторических наук могут использовать социологические методы исследования и обращаться к изучению мнения населения и социальных последствий проводимых в данном направлении стратегий. Ученые, работающие преимущественно в русле философии, социологии, географии и антропологии, нередко раскрывают заключенные в репрезентируемых образах территорий интенции политических элит. Все они также могут концентрировать внимание на воплощении/конструировании в этих образах их этнокультурных особенностей.

Выводы

1. Национальный брендинг, брендинг регионов и брендинг мест обнаруживают много общего, поскольку и в том, и в другом, и в третьем случае речь идет о репрезентации связанного с территорией объекта. Это делает резонным употребление по отношению ко всем им термина «территориальный брендинг».

2. Брендинг территорий большинство российских, как и западных ученых трактуют широко, включая всю совокупность стратегий по формированию их публичного образа (а не только те, что связаны с выстраиванием официальных брендов, представленных в логотипах). Подобное понимание наиболее продуктивно, поскольку дает возможность охватить все стороны данного процесса.

3. Исследование выявило отличия в ракурсах и подходах к изучению анализируемого феномена представителями различных наук. Так, экономисты рассматривают его больше с позиции материальной выгоды. Политологи раскрывают проявления в стратегиях брендинга устремлений разных групп элит, в том числе по конструированию государственной/региональной/локальной идентичностей. Представители философского подхода стремятся определить наиболее общие социокультурные основания построения территориальных образов-брендов, а географы, социальные и культурные антропологи — собственно геокультурные и историко-культурные особенности регионов/мест. Наконец, урбанисты пытаются использовать связанные с территорией смыслы для развития городской среды, а социологи сосредотачивают внимание на социальных последствиях процесса.

Обобщение подходов отечественных ученых к обозначенной проблематике создает теоретическую базу, необходимую для дальнейшего комплексного исследования стратегий формирования образов-брендов регионов РФ, а также их социально-экономических и социокультурных результатов.

Библиографический список

- [1] Kotler P., Haider D.H., Rein I. Marketing places: Attracting investment, industry, and tourism to cities, states, and nations. – New York: Free Press, 1993. – 388 p.
- [2] Destination branding: Creating the unique destination proposition / Ed. by N. Morgan, A. Pritchard and R. Pride. – Oxford: Butterworth Heinemann, 2002. – 204 p.
- [3] Rainisto S.K. Success factors of place marketing: A study of place marketing practices in Northern Europe and the United States: dissertation for the degree of Doctor of Science in Technology. – Helsinki, 2003. – 271 p. [Electronic resource]. – Access mode: <http://lib.tkk.fi/Diss/2003/isbn9512266849/isbn9512266849.pdf> (accessed date: 03/03/2020).
- [4] Макарычев А.С. Власть, политика и федерализм в России: уроки «критической теории» // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 3(65). – С. 195–206. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/132/469/1209/NZ_2009_3_1-2_Makarychev.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
- [5] Едророва В.Н., Овчаров А.О. Система методов в научных исследованиях // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 10(313). – С. 33–46. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-metodov-v-nauchnyh-issledovaniyah/viewer> (дата обращения: 06.04.2020).
- [6] Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем., сост., общ. ред. и послесловие Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – Москва: Прогресс, 1990. – 808 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/04.php (дата обращения: 07.04.2020).
- [7] Anholt S. Competitive identity: The new brand management for nations, cities and regions. – Basingstock: PalgraveMacmillan, 2007. – 134 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=702960> (дата обращения: 13.01.2019).
- [8] Панкрухин А.П. Бренды и брендинг // Практический маркетинг. – 2011. – № 4(170). – С. 4–15.
- [9] Тимофеев М.Ю. Иваново: Urbiet Orbi // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 3–10.
- [10] Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. – Санкт-Петербург: Питер, 2006. – 412 с.
- [11] Визгалов Д.В. Брендинг города. – Москва: Фонд «Институт экономики города», 2011. – 160 с.
- [12] Важенина И.С. Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // Маркетинг в России и за рубежом. – 2006. – № 6. – С. 82–98. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mavriz.ru/articles/2006/6/4512.html> (дата обращения: 09.01.2020).
- [13] Мазуренко А.В. Формирование ключевых показателей оценки эффективности брендинга территории: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Санкт-Петербург, 2014. – 18 с.
- [14] Browning C.S. Nation branding, national self-esteem, and the constitution of subjectivity in late modernity // Foreign Policy Analysis. – 2015. – № 11. – P. 195–214. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/259549350_Nation_Branding_National_Self-Esteem_and_the_Constitution_of_Subjectivity_in_Late_Modernity (accessed date: 17/02/2020).
- [15] Гельман В.Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6, № 2. – С. 91–105.
- [16] Макарычев А.С. Власть, политика и федерализм в России: уроки «критической теории» // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 3(65). – С. 195–206. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/132/469/1209/NZ_2009_3_1-2_Makarychev.pdf (дата обращения: 20.01.2020).
- [17] Подвинцев О.Б. Политика региональной идентичности в Пермском крае: новые внешние вызовы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2016. – № 5. – С. 86–90.
- [18] Назукина М.В. Политика идентичности в Пермской области (1990-е–начало 2000-х гг.) // Вестник Пермского научного центра. – 2016. – № 5. – С. 38–45.

- [19] Сагитова Л.В. Политика идентичности и ее акторы в условиях социальной трансформации в Республике Татарстан: автореф. дис ... докт. полит. наук. – Калининград, 2019. – 38 с.
- [20] Василенко И.А. Имидж России: концепция национального брендинга // *Контур* глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2012. – Вып. 4. – С. 66–78.
- [21] Василенко И.А. Имидж российских регионов. Современный имидж российских регионов: проблемы формирования // *Мир и политика*. – 2012. – № 12. – С. 75–79. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m12-2012/17323-sovremennuyu-imidzh-rossiyskih-regionov-problemy-formirovaniya.html> (дата обращения: 03.02.2020).
- [22] Абалмасова Н.Е., Паин Э.А. Опора на символы в формировании региональной идентичности // *Известия РАН. Серия географическая*. – 2011. – № 6. – С. 17–29.
- [23] Горохов В.А. Национальные идентичности в глобальной спортивной культуре: вызовы Сочи-2014 для олимпийской команды России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2014. – № 5(70). – С. 71–86.
- [24] Язык А.В. Спортивные мега-события и популярная культура: глобальное и локальное в ландшафтах универсиады 2013 в Казани // *Топографии популярной культуры* / Под ред. А. Розенхольм и И. Савкиной. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – С. 302–321.
- [25] Дусаева Э.М. Культурные коды Старо-Татарской слободы // *Историческая этнология*. 2019. – Т. 4, № 2. – С. 206–218.
- [26] Надырова Х.Г. Проблема возрождения идентичности архитектуры Старо-Татарской слободы Казани // *Историческая этнология*. – 2019. – Т. 4, № 2. – С. 255–263.
- [27] Тульчинский Г.Л. Брендинг как фактор позиционирования и продвижения регионов // *PR и реклама в системе территориального маркетинга*. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2012. – С. 138–159. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publications.hse.ru/chapters/69289281> (дата обращения: 14.01.2020).
- [28] Тимофеев М.Ю. Стимулирование территориальной идентичности и стимулирование брендинга места // *Вестник Пермского научного центра*. – 2014. – № 5. – С. 41–47.
- [29] Тимофеев М.Ю. Самый советский город: История формирования семиосферы города Иваново-Вознесенска/Иванова (1917–1991). Журнальный вариант: История формирования семиосферы города Иванова (1917–1991) // *Вестник Ивановского университета*. – 2005. – № 3. – С. 78–94. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://timland.narod.ru/articles/ivanovo.htm> (дата обращения: 14.01.2019).
- [30] Тимофеев М.Ю. Города и регионы как постиндустриальные бренды // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. – 2013. – № 5. – С. 29–41.
- [31] Задорин И.В., Евстифеев Р.В., Крупкин П.Л., Лебедев С.Д., Шубина Л.В. Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля. – Москва: ЦИРКОН, 2016. – 120 с.
- [32] Воробьев В.П., Голубовская О.Л., Еремина Е.В. Роль региональных брендов в формировании региональной идентичности и имиджа территории // *Власть*. – 2014. – № 11. – С. 122–127.
- [33] Богатова О.А., Чиркова О.Н. Формирование этнокультурного образа Республики Мордовия в региональном брендинге // *Регионология: Научно-публицистический журнал*. – 2013. – № 3. – С. 68–75.
- [34] Богатова О.А. Социальные технологии управления республиканской и российской идентичностью в оценках населения Республики Мордовия: опыт качественного социологического исследования // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 34–70.

- [35] Митин И.И. Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности // *Международный журнал исследований культуры*. – 2011. – № 4(5). – С. 19–25.
- [36] Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. – 2013. – № 5. – С. 11–23.
- [37] Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от гения места к имиджевым ресурсам // *Современные проблемы сервиса и туризма*. – 2015. – № 2. – С. 25–31.
- [38] Калущков В.Н. Географические подходы к созданию геокультурных образов // *Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест* / Под ред. В.К. Малькова и В.А. Тишков. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. – С. 58–107.
- [39] Митин И.И. Мифогеография как теоретическая рамка брендинга города // *Брендинг малых и средних городов России*. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. – С. 135–142. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21989/1/geobrand-2012-26.pdf> (дата обращения: 17.01.2020).
- [40] Тишков В.А. Три карты: общие подходы к проблеме «культура и пространство» // *Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест* / Под ред. В.К. Мальковой, В.А. Тишкова. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – С. 7–26.
- [41] Романова Е.Н., Игнатьева В.Б. Якутский национальный праздник Ысыах в ситуации перехода: исторический миф, этнокультурный образ и современный праздничный нарратив // *Этнографическое обозрение*. – 2011. – № 4. – С. 29–40.
- [42] Рыжакова С.И. «Сделано в Латвии»: к вопросу об этнокультурных особенностях национальных брендов // *Этнографическое обозрение*. – 2009. – № 3. – С. 159–184.
- [43] Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / Пер. Е. Лобкова. – Москва: Strelka Press, 2014. – 368 с.
- [44] Малькова В.К., Тишков В.А. *Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в Интернете*. – Москва: ИЭА РАН, 2009. – 147 с.
- [45] Филиппова Е. Вместо введения: «Этническая» или «региональная» идентичность? (как принятые в России и во Франции способы классификации населения влияют на формирование коллективных идентичностей). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uchebana5.ru/cont/2998041-p2.html> (дата обращения: 21.01.2020).
- [46] Филиппова Е.И. *Территории идентичности в современной Франции*. – Москва: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. – 300 с.
- [47] Лурье М.Л. Локальный текст города и его словарное описание // *Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского)* / Под ред. М. Лурье. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – С. 186–196.
- [48] *Город Святослава Мурунова как система общественных связей* // Школа эффективных коммуникаций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.repnoe.net/about/events/svyat-murunov-interview/> (дата обращения: 23.01.2020).
- [49] Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // *Новое литературное обозрение*. – 2012. – № 5(117). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/publicnoe-prostranstvo-goroda-publichnostyu.html> (дата обращения: 21.01.2020).
- [50] Хохлова А., Тыканова Е. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // *Социология власти*. – 2014. – № 2. – С. 104–122. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/traektorii-samoorganizatsii-lokalnyh-soobschestv-v-situatsiyah-osparivaniya-gorodskogo-prostranstva/viewer> (дата обращения: 21.01.2020).

- [51] Врублевская Е. Быть гражданином // Народное образование. – 2007. – № 5(1368). – С. 214-216.
- [52] Харламова А.Ю., Валевская А.А. Пробелы в правовом регулировании повестки дня собрания участников гражданско-правового сообщества // Философия социальных коммуникаций. – 2018. – № 3(44). – С. 101-103.

References

- [1] Kotler, P., Haider, D.H., & Rein, I. (1993). *Marketing places: Attracting investment, industry, and tourism to cities, states, and nations*. New York: Free Press.
- [2] Morgan, N., Pritchard, A., & Pride, R. (2002). *Destination branding: Creating the unique destination proposition*. Oxford: Butterworth Heinemann.
- [3] Rainisto, S.K. (2003). *Success factors of place marketing: A study of place marketing practices in Northern Europe and the United States* (Doctoral thesis, Helsinki University of Technology, Helsinki, Finland). Retrieved from <http://lib.tkk.fi/Diss/2003/isbn9512266849/isbn9512266849.pdf>.
- [4] Makarychev, A.S. (2009). Power, politics and federalism in Russia: Lessons of “critical theory”. *Inviolable Reserve*, (65), 195–206. Retrieved from http://ecsocman.hse.ru/data/132/469/1209/NZ_2009_3_1-2_Makarychev.pdf.
- [5] Edronova, V.N., & Ovcharov, A.O. (2013). System of methods in scientific research. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 10(313), 33–46. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-metodov-v-nauchnyh-issledovaniyah/viewer>.
- [6] Weber, M. (1990). *Selected works*. Retrieved from https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/04.php.
- [7] Anholt, S. (2007). *Competitive identity: The new brand management for nations, cities and regions*. Basingstock: Palgrave Macmillan. Retrieved from: <http://bookre.org/reader?file=702960>.
- [8] Pankrukhin, A.P. (2011). Brands and Branding. *Practical Marketing*, 4(170), 4–15.
- [9] Timofeev, M.Yu. (2013). Ivanovo: Urbi et Orbi. *Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Research*, 5, 3–10.
- [10] Pankrukhin, A.P. (2006). *Territory marketing*. Saint Petersburg: Peter.
- [11] Vizgalov, D.V. (2011). *Branding a city*. Moscow: Institute of Urban Economics Foundation.
- [12] Vazhenina, I.S. (2006). Image and reputation of the territory as the basis for promotion in a competitive environment. *Marketing in Russia and Abroad*, 6, 82–98. Retrieved from <http://www.mavriz.ru/articles/2006/6/4512.html>.
- [13] Mazurenko, A.V. (2014). *The formation of key indicators for assessing the effectiveness of territory branding* (Doctoral thesis, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation).
- [14] Browning, C.S. (2015). Nation branding, national self-esteem, and the constitution of subjectivity in late modernity. *Foreign Policy Analysis*, 11, 195–214. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/259549350_Nation_Branding_National_Self-Esteem_and_the_Constitution_of_Subjectivity_in_Late_Modernity.
- [15] Gelman, V.Ya. (2003). Political elites and regional identity strategies. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 6(2), 91–105.
- [16] Makarychev, A.S. (2009). Power, politics, and federalism in Russia: Lessons from a “Critical Theory”. *The Untouchable Reserve*, 3(65). Retrieved from http://ecsocman.hse.ru/data/132/469/1209/NZ_2009_3_1-2_Makarychev.pdf.
- [17] Podvintsev, O.B. (2016). The policy of regional identity in the Perm region: New external challenges. *Labyrinth Journal of Social and Humanitarian Studies*, 5, 86–90.
- [18] Nazukina, M.V. (2016). Identity policy in the Perm region (1990s–early 2000s). *Bulletin of the Perm Scientific Center*, 5, 38–45.
- [19] Sagitova, L.V. (2019). *Identity policy and its actors in the context of social transformation in the Republic of Tatarstan* (Doctoral thesis, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation).

- [20] Vasilenko, I.A. (2012). Image of Russia: The concept of national branding. *The Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 4, 66–78.
- [21] Vasilenko, I.A. (2012). Image of Russian regions. The modern image of the Russian regions: Problems of formation. *Peace and Politics*, 12, 75–79. Retrieved from <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m12-2012/17323-sovremennyy-imidzh-rossiyskih-regionov-problemy-formirovaniya.html>.
- [22] Abalmasova, N.E., & Pain, E.A. (2011). Reliance on symbols in the formation of regional identity. *Proceedings of the RAS. Series Geographic*, 6, 17–29.
- [23] Gorokhov, V.A. (2014). National identities in global sports culture: Sochi 2014 challenges for the Russian Olympic team. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 5(70), 71–86.
- [24] Yatsyk, A.V. (2015). Sports mega-events and popular culture: global and local in the landscapes of the Universiade 2013 in Kazan. Topographies of popular culture. *New Literary Review*, 302–321.
- [25] Dusaeva, E.M. (2019). Cultural codes of the Old Tatar settlement. *Historical Ethnology*, 4(2), 206–218.
- [26] Nadyrova, H.G. (2019). The problem of reviving the identity of the architecture of the Old Tatar settlement of Kazan. *Historical Ethnology*, 4(2), 255–263.
- [27] Tulchinsky, G.L. (2012). Branding as a factor of positioning and promotion of regions. In *PR and advertising in the territorial marketing system* (pp. 138–159). Saint Petersburg: SPBU Publishing. Retrieved from: <https://publications.hse.ru/chapters/69289281>.
- [28] Timofeev, M.Yu. (2014). Promoting territorial identity and promoting branding of place. *Bulletin of the Perm Scientific Center*, 5, 41–47.
- [29] Timofeev, M.Yu. (2005). The most Soviet city: The history of the formation of the semiosphere of the city of Ivanovo-Voznesensk/Ivanov (1917–1991). Magazine option: The history of the formation of the semiosphere of the city of Ivanovo (1917–1991). *Bulletin of Ivanovo University*, 3, 78–94. Retrieved from <http://timland.narod.ru/articles/ivanovo.htm>.
- [30] Timofeev, M.Yu. (2013). Cities and regions as post-industrial brands. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies*, 5, 29–41.
- [31] Zadorin, I.V., Evstifeev, R.V., Krupkin, P.L., Lebedev, S.D., & Shubina, L.V. (2016). *Urban local identities as the basis for the formation of sustainable local communities. A study of city-wide identities of residents of Vladimir, Smolensk, Yaroslavl*. Moscow: Zircon.
- [32] Vorobiev, V.P., Golubovskaya, O.L., & Eremina, E.V. (2014). The role of regional brands in the formation of regional identity and image of the territory. *Power*, 11, 122–127.
- [33] Bogatova, O.A., & Chirkova, O.N. (2013). Formation of the ethnocultural image of the Republic of Mordovia in regional branding. *Regionology: Journal of Journalism*, 3, 68–75.
- [34] Bogatova, O.A. (2017). Social technologies for managing the republican and Russian identity in the estimates of the population of the Republic of Mordovia: The experience of a qualitative sociological study. *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 1(1), 34–70.
- [35] Mitin, I.I. (2011). Cultural geography in the USSR and post-Soviet Russia: History of (restoration) restoration and identity factors. *International Journal of Cultural Research*, 4(5), 19–25.
- [36] Zamyatin, D.N. (2013). Geocultural branding of territories: Conceptual foundations. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies*, 5, 11–23.
- [37] Zamyatin, D.N. (2015). Geocultural branding of cities and territories: From the genius of a place to image resources. *Modern Problems of Service and Tourism*, 2, 25–31.
- [38] Kalutskov, V.N. (2012). Geographical approaches to the creation of geocultural images. In V.K. Malkova, V.A. Tishkov (Eds.), *Culture and space: Historical and cultural brands and images of territories, regions and places* (pp. 58–107). Rostov-on-Don: UNC RAS.
- [39] Mitin, I.I. (2012). Mythogeography as a theoretical framework for city branding. In *Branding of small and medium-sized cities of Russia* (pp. 135–142). Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. Retrieved from <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21989/1/geobrand-2012-26.pdf>.

- [40] Tishkov, V.A. (2012). Three maps: General approaches to the problem of “culture and space”. In V.K. Malkova, V.A. Tishkov (Eds.), *Culture and space: Historical and cultural brands and images of territories, regions, and places* (pp. 7–26). Rostov-on-Don: Publishing House of the UNC RAS.
- [41] Romanova, E.N., & Ignatieva, V.B. (2011). Yakut national holiday Ysyakh in a transition situation: Historical myth, ethnocultural image and modern festive narrative. *Ethnographic Review*, 4, 29–40.
- [42] Ryzhakova, S.I. (2009). “Made in Latvia”: On the issue of ethnocultural features of national brands. *Ethnographic Review*, 3, 159–184.
- [43] Florida, R. (2014). *Who is your city? Creative economy and choice of place of residence*. Moscow: Strelka Press.
- [44] Malkova, V.K., & Tishkov, V.A. (2009). *Culture and space. Book one. Images of Russian republics on the Internet*. Moscow: IEA RAS.
- [45] Filippova, E. (2008). Instead of introducing: “Ethnic” or “regional” identity? (how the methods of classifying the population adopted in Russia and France affect the formation of collective identities). Retrieved from <http://uchebana5.ru/cont/2998041-p2.html>.
- [46] Filippova, E.I. (2010). *Territories of identity in modern France*. Moscow: FGNU “Rosinformagroteh”.
- [47] Lurie, M.L. (2008). The local text of the city and its vocabulary description. In M. Lurie (Ed.), *Dictionary of the local text as a method for describing the urban cultural tradition (on the example of Mogilev-Podolsky)* (pp. 186–196). Saint Petersburg: Publishing house of the European University in Saint Petersburg.
- [48] The city of Svyatoslav Murunov as a system of public relations. School of effective communications. (2017). Retrieved from <http://www.repnoe.net/about/events/svyat-murunov-interview/>.
- [49] Pachenkov, O. (2012). The public space of a city in the face of the challenges of our time: Mobility and “abuse of publicity”. *New Literary Review*, 5(117). Retrieved from <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/publicnoe-prostranstvo-goroda-pered-liczom-vyzovov-sovremennosti-mobilnost-i-zloupotreblenie-publichnostyu.html>.
- [50] Khokhlova, A., & Tykanova, E. (2014). Trajectories of self-organization of local communities in situations of contesting urban space. *Sociology of Power*, 2, 104–122. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/traektorii-samoorganizatsii-lokalnyh-soobschestv-v-situatsiyah-osparivaniya-gorodskogo-prostranstva/viewer>.
- [51] Vrublevskaya, E. (2007). Being a citizen. *Public Education*, 5(1368), 214-216.
- [52] Kharlamova, A.Yu., & Valevskaya A.A. (2018). Gaps in the legal regulation of the agenda of the meeting of participants in the civil-legal community. *Philosophy of Social Communications*, 3(44), 101-103.

Получена / Submitted: 21/07/2020

Доработана / Revised: 03/08/2020

Принята к публикации / Accepted: 24/08/2020

УДК 316.77

КОНСТРУКТЫ «РОДНОЙ ЯЗЫК» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСА (НА ПРИМЕРЕ Г. УФЫ)

Рафаэль Бадретдинович Шайхисламов¹, Эвеллина Винеровна Садретдинова¹, Гузелия Рауфовна Асадуллина¹

¹*Кафедра социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет, Уфа, Российская Федерация*

Аннотация. Процессы языковой ассимиляции, активно происходящие в условиях большого города, актуализируют проблему сохранения национальных языков. В статье представлены некоторые результаты глубинного интервью постоянного населения г. Уфы Республики Башкортостан, проведенного в рамках реализации проекта «Социальное конструирование родного языка и проблем его сохранения в молодежной среде Башкортостана» Российского фонда фундаментальных исследований в 2019 г. Авторы осуществляют анализ представлений жителей мегаполиса о родном языке, особенностях его конструирования и факторов формирования. Особое внимание уделяется особенностям конструирования родного языка ребенка, воспитываемого в полиэтничной семье, и отношению информантов к вопросам о возможности добровольного и обязательного изучения родных языков в школе. Данные переписей фиксируют снижение доли башкир, считающих родным башкирский язык. Родной язык воспринимается современным жителем мегаполиса как язык повседневного взаимодействия, язык, на котором он думает и предпочитает общаться. Жители мегаполиса демонстрируют установку на изучение языков народов, пребывающих в условиях межнационального и межкультурного взаимодействия как условие гармонизации межнациональных отношений, которая, однако, не находит отражения на поведенческом уровне, что повышает значимость изучения проблемы сохранения родного языка.

Ключевые слова: родной язык, факторы конструирования родного языка, школа, семья, крупный полиэтничный город.

Constructs “Native Language” in the Representations of Megalopolis Residents (on the Example of Ufa)

Rafael B. Shaikhislamov¹, Evellina V. Sadretdinova¹, Guzelia R. Asadullina¹

¹*Department of Sociology and Youth Work, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation*

Abstract. The processes of language assimilation, which are actively taking place in a large city, actualize the problem of preserving national languages. The article presents some results of an in-depth interview of the permanent population of Ufa, Republic of Bashkortostan, conducted in the framework of the project “Social construction of the native language and problems of its preservation in the youth environment of Bashkortostan” of the Russian Foundation for basic research in 2019. The authors analyze the views of megalopolis residents about their native language, its design features and formation factors. Special attention is paid to the peculiarities of constructing the native language of a child raised in a multi-ethnic family, and the attitude of informants to questions about the possibility of voluntary and mandatory study of native languages in school. Census data show a decrease in the percentage of Bashkirs who consider the Bashkir language their native language. The native language is perceived by a modern resident of a megalopolis as the language of everyday interaction, the language in which they think and prefer to communicate. Residents of the megalopolis demonstrate an attitude to the study of languages of peoples living in conditions of interethnic and intercultural interaction as a condition for the harmonization of interethnic relations, which, however, is not reflected at the behavioral level, which increases the importance of studying the problem of preserving the native language.

Keywords: native language, factors in the design of the native language, school, family, large multi-ethnic city.

Введение

Конституция Российской Федерации гарантирует всем народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ч. 3, ст. 68); каждый человек имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2, ст. 26). В законодательстве указано, что родным признается язык из числа языков народов России, в том числе и русский [1].

Республика Башкортостан — один из наиболее многонациональных субъектов России с чрезвычайно многообразным этническим составом населения. По данным Всероссийской переписи 2010 г. [2], в регионе проживают представители 160 национальностей. При этом этническую основу населения (около 90 %) составляют русские — 36,1 %, башкиры — 29,5 % и татары — 25,4 %. Крупнейшим городом республики с населением более 1 миллиона человек является Уфа. Национальный состав Уфы обусловлен историческими традициями его формирования. Изначально Уфа формировалась как русское военное поселение. В XIX — начале XX веков образовывались татарские микрорайоны. Индустриальное развитие города, получившего статус столицы, во второй половине XX века сопровождалось интенсивным переселением в нее татар, башкир и представителей других национальностей. При этом образовывались микрорайоны с преимущественно татарским населением, что означало наличие среды общения на татарском языке. Что касается башкир и представителей других национальностей, они расселялись в городе более дисперсно, поэтому проблема сохранения родной культуры и языка для них оказалась более острой. Отметим также, что разновременность включения в процессы урбанизации различных этносов республики оказала существенное влияние на национальный состав Уфы, где русские сегодня составляют 48,9 %, татары — 28,3 %, башкиры — 17,1 %. Жизнь в большом городе оказывает существенное влияние на индивида, меняя его. В современном обществе этническая социализация в большинстве случаев обусловлена процессами урбанизации, когда города (прежде всего крупные) играют роль центров взаимодействия наций и культур. К особенностям коммуникативного пространства крупного города можно отнести социокультурную гетерогенность; высокий уровень социокультурной мобильности; интенсивность взаимодействия с различными социальными группами; широкие возможности выбора моделей и средств поведения (в том числе языковых).

Вместе с тем социокультурная гетерогенность города, содействуя снижению значимости традиционных социальных институтов и групп (семьи, рода, культуры), порождает необходимость новых механизмов коммуникации как процесса согласования представлений и действий. Коммуникативная среда крупного города может, с одной стороны, содействовать гармонизации межнациональных отношений, но с другой стороны, часто выступает центром локализации межэтнической напряженности.

Основным средством коммуникации в крупных российских городах является русский язык, поэтому вполне оправдано, что в условиях крупного города происходят процессы языковой ассимиляции. Соответственно, в представлениях людей трансформируется отношение к родному языку: на смену пониманию родного языка как языка предков приходит представление о том, что родным является язык рефлексии и социальных взаимодействий: тот язык, на котором человек мыслит, разговаривает, пишет, общается. Подтверждается это данными переписей населения: так, с 1989 по 2010 гг. доля башкир, считающих родным башкирский язык, сократилась с 728 до 716 человек на каждую 1 000 человек данной национальности. Одновременно выросла доля башкир, считающих родным языком русский: со 101 до 137 на каждую 1 000 людей данной национальности. Аналогичные процессы происходят среди татар (сокращение с 856 до 792 человек, называющих татарский родным языком, при одновременном увеличении со 142 до 205 человек, называющих русский родным языком, на каждую 1 000 человек татарской национальности) [2].

Вместе с тем родной язык — не просто средство общения людей. Он выступает носителем и транслятором культуры, менталитета, традиций и истории каждого народа. Соответственно, процессы языковой ассимиляции побуждают задуматься о проблемах сохранения национального наследия, обеспечения воспроизводства национальной культуры при необходимости социокультурной интеграции социума.

Литературный обзор

Проблема сохранения родных языков в социологической литературе рассматривается преимущественно в контексте этнической и гражданской идентичности. При этом в социологической науке изучение данной проблемы осуществляется с двух методологических позиций: примордиализма и конструктивизма. Дж. Фишман подмечает, что «конструктивистский подход безраздельно господствует над социологическим воображением ученых. И такое господство основывается на необычном сближении Маркса, Вебера и Дюркгейма. Почти все ведущие социальные теоретики полагают, что вследствие возрастания рациональности и сложности современного общества социальные идентичности, основанные на «мифах» культурной самобытности и подлинности, становятся ненужными и неуместными» [3]. В примордиализме, считает Дж. Фишман, связь между языком и этничностью считается незыблемой святыней, и сохранение подлинной этнической идентичности кажется невозможным без традиционно связанного с ней языка. Приверженцы конструктивизма приводят примеры того, что утрата традиционного языка не приводила к утрате этнической идентичности [3].

О том, что язык обязательно выступает основанием формирования этносов и этнической идентичности, рассуждает на основе примеров из истории Европы Дж. Джозеф. Он приходит к выводу, что взаимосвязь этнической идентичности и традиционного языка является более сложной, чем это представляется многим исследователям [4]. Западные исследователи (например, в работах М. Биллига) рассматривают вопрос о соотношении официального («литературного») языка и диалекта в контексте образования и существования национальных государств (в основном на примере из истории Западной Европы) [5]. Э. Хобсбаум показывает, что в историческом плане в основе национальной однородности лежит множественная идентичность, следовательно, «национальный язык» в большинстве стран сформировался относительно недавно на основе многоязычия [6].

Проблема обучения родным языкам. По мнению Э. Хобсбаума, важнейшую роль в сохранении и трансляции родного языка играет, прежде всего, семья и практики неформального общения в ближайшем окружении человека, а не формальные образовательные практики в учебных заведениях. «...В сущности, требование официального обучения на языке, отличном от общепринятого, когда оно не приносит очевидной выгоды ученикам, оказывается требованием признания власти или статуса, а не более легкого обучения. Но оно также может быть требованием обеспечения выживания и развития «неконкурентоспособного» языка, который в противном случае обречен на исчезновение... Одно только двуязычное обучение не поможет» [6]. В то же время ряд исследователей, анализирующих языковые процессы, не занимают положение беспристрастного наблюдателя, особенно когда имеют дело с исчезающими языками. Некоторые видят прямую связь между исчезновением языка и социобиологическим вырождением. Например, профессор университета Аляски М. Краусс считает, что «языковая опасность в значительной степени сравнима с опасностью биологических видов в естественном мире и связана с ней... Языки, которые дети больше не изучают в качестве родного языка, находятся за пределами простой опасности, поскольку, если курс не будет каким-то образом резко изменен, они уже обречены на вымирание, как виды, лишённые репродуктивной способности» [7]. В отечественной науке также представлены два подхода к проблемам этничности и этнической идентичности: примордиальный и конструктивистский. При этом со временем односторонность в подходах к анализу феномена этнической идентичности постепенно уступает место взаимному

заимствованию отдельных положений. Этноязыковые процессы в различных регионах страны получили достаточно полное отображение в работах М.Н. Губогло [8], В.А. Тишкова [9–10], Л.М. Дробижевой [11–12], Е.М. Арутюновой [13] и других авторов. Поскольку мы в данной статье исследуем проблему отношения к родным языкам на примере Республики Башкортостан, также отметим, что языковые вопросы в этом регионе являются предметом исследования и социологов республики (Ф.С. Файзуллин, Р.И. Ирнараров, Р.М. Валиахметов и другие [14–26]).

В то же время в социологической литературе мало изученными или вовсе не изученными аспектами этноязыковых процессов являются следующие: родной язык как процесс и результат социального конструирования (особенно в условиях билингвизма); отношение представителей различных поколений, этнических групп к изучению родного языка, языка соседей и коллег; тенденций многоязычия (ассимиляции, сосуществования, интеграции); степени осознания и особенностей конструирования проблемы сохранения языков в различных этнических группах и поколениях. Представляется, что заостренность общественного внимания вопросам школьного изучения родных языков и официальных языков республик в составе РФ не позволяет видеть более глубокие корни проблемы сохранения родных языков — особенности языковой среды в микро- и мезогруппах; изменения в ценностных ориентациях детей и молодежи (в частности, отношения к языкам, включая родному, как к терминальной и инструментальной ценности); практическое отсутствие неформального изучения родных языков.

Материалы и методы

В статье анализируются некоторые серии глубинных интервью в рамках реализации проекта «Социальное конструирование родного языка и проблем его сохранения в молодежной среде Башкортостана» в 2019 году. Информанты — 51 житель Уфы, среди которых представители разных возрастных и этнических групп. Цели интервью: 1) изучение особенностей социального конструирования концепта «родной язык» представителями разных этнических идентичностей с учетом факторов пола, возраста, типа и этнического состава родительской и собственной (при наличии) семьи, типа и этнического состава поселения; 2) изучение взаимосвязи между конструктами «родной язык» и «этническая идентичность»; 3) изучение отношения к проблеме сохранения и изучения родных языков.

Достижению указанных целей призваны способствовать следующие задачи: 1) анализ коммуникативно-языкового профиля жителей многонационального мегаполиса (степень владения языками народов РФ и дальнего зарубежья; предпочтительный для общения язык(и)); 2) анализ представлений о сути родного языка и факторах его формирования; 3) анализ представлений об особенностях формирования родного языка для детей из национально-смешанных семей; 4) анализ представлений о темпоральных факторах языкового многообразия и развития (перспективы сохранения языкового многообразия в Российской Федерации и Республике Башкортостан); 5) анализ представлений о возможностях и направлениях формального и неформального обучения родным языкам.

Выборка глубинного интервью строилась как многоступенчатая, отбор информантов осуществлялся методом «снежного кома». Основные критерии отбора:

- социально-демографический: распределение информантов по полу и возрасту в соответствии с социально-демографическим составом г. Уфы;

- этнический: отбор осуществлялся с учетом этнического состава населения мегаполиса. В результате были сформированы следующие группы: информанты с русской, башкирской и татарской идентичностью (крупнейшие по численности этносы г. Уфы); «другие типичные» (представители народов, традиционно проживающих в городе и республике: чуваша, марийцы, украинцы и другие); «другие нетипичные» (эстонцы, азербайджанцы, узбеки и другие); информанты с множественной идентичностью.

Вопросник для интервью включал основные и вспомогательный (сведения об информантах) блоки вопросов. Основные блоки вопросов формировались в соответствии с задачами интервью. Интервью проводилось на языке, на котором информанты предпочли общаться с интервьюером. Тем самым мы получали дополнительный, существенный для определения степени владения родным языком, материал. Например, если информант считает своим родным языком башкирский, но отдает предпочтение русскому языку в общении с интервьюером — носителем башкирского языка, это свидетельствует, во-первых, о степени владения родным языком (когнитивный аспект), а во-вторых, отражает чувства человека в отношении языка (аффективный аспект). Также фиксировались особенности невербального поведения информанта, что позволило интерпретировать контекст, необходимый для понимания суждений. Результаты глубинных интервью подвергались анализу методами группировки, выявления различных типов высказываний, выстраивания нарративов, что позволило определить различные конструкты «родной язык» и «проблема сохранения родного языка».

Результаты и обсуждение

В ходе глубинных интервью один из блоков был посвящен анализу представлений респондентов о сущности родного языка. Анализ интервью позволяет выделить следующие конструкты «родной язык» в представлениях информантов. Первый конструкт — «Родной язык — это язык моих родителей». Он встречается в суждениях каждого второго информанта. Такое конструирование «родной язык» иллюстрируют следующие суждения. «...Наверное, все-таки согласен с мнением, что родной язык — язык моих родителей. *(Хотя)* мне трудно судить, у меня оба родителя русские» (мужчина, 34 года, русский). «Я считаю верным то, что ты должен знать... родной язык своих родителей» (мужчина, 26 лет, башкир).

Язык своих родителей в качестве родного указывают, прежде всего, представители башкирского этноса. Возможно, это объясняется и тем обстоятельством, что именно башкиры-респонденты в своих ответах подчеркивали тесную связь не только с родителями, но и с родом, с региональной идентичностью. «Родным языком является башкирский язык, который мне привили мне мои родители. Он является не только родным по крови, который мне привили, но и мы живем в Башкортостане, вот, и, на сегодняшний день, я считаю, что каждый человек, живущий в нашей республике, должен владеть этим языком» (женщина, 29 лет, башкирка).

Второй конструкт — «Родной язык — это язык, который выбирает сам человек». Придерживающиеся такого понимания отмечают, что определение родного языка — результат выбора самого человека, обусловленный категориями личного комфорта, а не определенными традициями. Такое конструирование представлено в следующих суждениях. «Я родился в Челябинской области. Так как это Россия, а там не было у нас башкир, татар ... основной свой язык родной — это русский» (мужчина, 27 лет, башкир).

Третий конструкт, встречающийся в суждениях информантов, — «родной язык — это язык твоей национальности», является весьма условным. На вопрос интервьюеров «Можно ли считать родным язык той национальности, к которой принадлежит человек?», большинство затруднились ответить. Для тех, кто родился в мононациональной семье и обладает моноэтнической идентичностью, конструкты «язык моих родителей» и «язык моей национальности» фактически равнозначны. Аргументом для данного конструирования является не только этническое происхождение, но особенности восприятия языка как важнейшего компонента национальной культуры, при этом степень владения языком национальности является делом вторичным. «Раз я татарин, то я должен знать этот язык, или хотя бы считать его своим национальным, потому что это ... часть этнической культуры именно моей национальности» (мужчина, 22 года, «татарин в квадрате»). Многие информанты, у которых родители — представители разных этносов (что характерно, прежде всего, для мегаполиса), не могут однозначно идентифицировать себя в этническом плане.

«Нет, не национальность главное, а место рождения» (женщина, 24 года, «русская-татарка»). Конструирование «родной язык — язык твоей национальности» является сомнительным для определенной части информантов в силу того, что в условиях многонационального состава республики, страны, а также значительного числа межнациональных семей сложно привязать понятие родного языка к какой-то одной национальности. «Ну, в основном я ... меня родители не учили башкирскому языку, но стремлюсь к этому. ... Многие не знают своих родных языков, например, я тоже не знаю» (мужчина, 27 лет, башкир). «Есть много семей, где дети родителей одной национальности совсем не говорят на этом языке. Разве это родной язык?» (мужчина, 26 лет, башкир).

Четвертый конструкт, встречающийся в ответах информантов, представляет собой политически ориентированные представления: «родной — это государственный язык». «Я считаю, что родной язык тот, в какой стране, республике я живу» (женщина, 24 года, «русская-татарка»). Аргументация данного конструкта основана на подчеркивании особого статуса общегосударственного языка, которым владеет большинство населения страны. «Я вот был в Беларуси и Казахстане и слышал русскую речь намного чаще, чем всю остальную. Так что в самой России приоритетность русского языка очень высока» (мужчина, 23 года, русский).

Наименьшие возражения и разногласия у информантов вызывает пятый конструкт — «родным является язык, на котором ты думаешь». Многие опрошенные независимо от своей этнической принадлежности выражали свое согласие в данном вопросе: «По национальности я марийка, но разговариваю, думаю я только на русском и поэтому считаю себя больше русской» (женщина, 26 лет, по национальности — марийка, но считает себя русской). Отдельные информанты расширили данный конструкт, включая в него не только мышление, но и особенности формирования, а также поведенческие практики взаимодействия. «Родной язык... ты познаешь в детстве и можешь разговаривать и мыслить на нем» (мужчина, 26 лет, башкир). «Родной язык тот, на котором ты думаешь и свободно говоришь. ... Я считаю, что человек должен и говорить на языке, не только думать» (женщина, 48 лет, русская).

Опрошенные информанты — люди старше 18-ти лет, как правило, определившие для себя, какой язык для них является родным. Другой вопрос — какой язык может считаться родным для детей, растущих в многонациональном мегаполисе. В Башкортостане на протяжении длительного времени примерно каждый четвертый брак является межэтническим, поэтому данный вопрос вызвал активное обсуждение среди информантов-уфимцев. Суждения информантов о том, какой язык можно считать родным для детей в национально-смешанных семьях, можно разделить на ряд групп. Первая, наиболее распространенная группа, — это билингвистический конструкт «родной язык детей в семьях с родителями разной национальности, язык(и), который(ые) понимают и на котором общаются оба родителя плюс русский язык». Соответственно, предполагается, что родным для детей может быть не один, а два или три языка. «У человека могут быть два родных языка» (мужчина, 26 лет, башкир). При этом зачастую русскому языку в данном конструкте отдается пальма первенства. «Тот, на котором общаются оба родителя (*русский*), но при этом стараться учить и другие языки» (женщина, 48 лет, русская). «Трудно сказать, вот у нас в семье я наполовину русская, наполовину татарка, муж русский, у нас русский — основной родной язык для ребенка» (женщина, 28 лет, считает себя наполовину русской, наполовину татаркой).

Второй тип конструирования родного языка для детей из семей, основанных на этнически разнородном браке, обращен к статусу русского языка как государственного и средства межэтнического общения. «Я считаю, нужно находить альтернативный вариант. Например, в России это должен быть русский» (женщина, 26 лет, по национальности — марийка, но считает себя русской). В условиях полиэтничной городской среды русский язык часто для детей, родители которых не относятся к русским, становится родным. Это происходит даже тогда, когда родители хотят, чтобы их ребенок усвоил иные, помимо русского, языки.

«Русский язык становится общим для многонационального населения» (женщина, 44 года, русская). «Очевидно, что дети в таких семьях, скорее всего, будут говорить только на самом универсальном, русском, языке, потому что тяжело научить ребенка двум языкам, привить совершенно разные традиции» (женщина, 63 года, татарка). Распространенным в представлениях информантов является конструкт «оба языка должны быть родными». «Я сам состою в таком браке. Мой ребенок знает оба языка, и, думаю, оба языка для него — родные» (мужчина, 30 лет, русский). «Сам родился в такой семье. Владею обоими языками. Ничего трудного или спорного в этом не вижу» (мужчина, 35 лет, «татарин и башкир»). Некоторые информанты, признавая, что оба языка должны быть для детей из национально-смешанных семей родными, вместе с тем, дифференцируют их по степени значимости: «Оба из них родные. Единственное, что тот язык, который более востребованный, тот язык, скажем так, лучше учить, ну, в основном, то есть, если ты живешь в России, то лучше учить, упор делать на русский язык, а не татарский» (мужчина, 22 года, «татарин в квадрате»).

Следующий конструкт — «выбор родного языка должен осуществляться по желанию ребенка», является проявлением тенденции демократизации семьи, а также растущей ориентации на детоцентризм существенной части семей. «Мой муж – башкир. Я думаю, дети будут говорить и на том, и на другом языках, ведь они очень сходны. А так, дети сами определяют, какой язык для них родной» (женщина, 26 лет, позиционирует себя татаркой). «Я думаю, дети сами в будущем решат, какой язык для них родной. Если это не будет моим родным языком, я не расстроюсь» (мужчина, 26 лет, башкир).

Однако право определения детьми какого-либо языка как родного не является общепризнанным. Часть информантов формулируют проблему родного языка детей в виде конструкта «родной язык ребенка определяется преимущественно по языку отца». Вероятно, это обусловлено патрилинеальным характером большинства семей, когда ребенок получает фамилию и отчество отца. «Ну, мне кажется, по отцу, по отцовской линии смотрят. Если отец татарин, значит, ребенок тоже татарин и должен учить больше всего татарский язык, чем башкирский. А так, он должен знать оба (языка) одинаково» (женщина, 26 лет, башкирка).

Иными информантами признается «демократический выбор» родителей (но не детей) — определение родного языка должно быть предметом совместного решения супругов. «Я думаю, что, если я окажусь в такой ситуации, это будет обсуждаться между мной и моей женой» (мужчина, 21 год, башкир). «Мне кажется, мой муж будет русским, и проблем с этим не будет. А так, все вопросы можно решить разговором» (женщина, 19 лет, русская). Некоторые информанты допускают билингвизм в отношении определения детьми родного языка, и это должно быть не стихийным выбором ребенка, а плодом усилий родителей. «Мой ребенок говорит на языке матери, но все знания он получил дома» (мужчина, 30 лет, русский). «Я думаю, мой ребенок будет знать татарский, даже если муж будет другой национальности. Муж тоже может привить детям свой родной язык» (женщина, 18 лет, татарка). В связи с обсуждением темы, какой язык следует считать родным, большинство информантов декларирует необходимость сохранения культуры и языка народов, представленных в Республике Башкортостан. Лишь 3 информанта допустили перспективу ассимиляции, когда в будущем все будут говорить только на русском языке. Так, в ответах на последующие вопросы о необходимости сохранения культуры существенная часть опрошенных занимает либо пассивную позицию (сохранять культуру необходимо, но пусть это делают другие), либо ограничивается декларативными лозунгами. Практически все информанты проблему сохранения родных языков сводят к их изучению в школе, к формальному обучению. Что касается неформального обучения родному языку и культуре (в семье, в системе дополнительного образования), то такая возможность допускается немногими. Следовательно, решение проблемы сохранения родного языка практически перекладывается на школу. Каждый третий информант считает, что сохранение родного языка предполагает обязательный характер изучения в школе родных языков (русский язык для русских,

башкирский язык для башкир, татарский язык для татар и так далее). Подобную позицию иллюстрируют следующие рассуждения информантов. «Я думаю, это может быть интересно тем родителям, которые не говорят в семье на родном языке, но хотят, чтобы их дети знали этот язык» (женщина, 26 лет, позиционирует себя татаркой). «Это было бы полезно для таких семей, где родители не говорят на их родном языке, но хотят обучить ему своих детей» (женщина, 39 лет, ощущает себя скорее русской).

Тезис об обязательном характере изучения детьми родного языка встречает возражения со стороны других информантов. Среди доводов *pro contra* отмечается, что не всегда этническая принадлежность и владение языком (в том числе членами семьи) совпадают, и поэтому ребенку может быть сложно изучать язык своей национальности. Распространенным доводом в рассуждениях информантов об обязательности или добровольности изучения детьми языка своей национальности является практическая целесообразность изучения нерусских языков. «Я не считаю, что это так важно. Я башкир, но башкирский язык мне крайне редко пригождался» (мужчина, 21 год, башкир). В условиях растущей рационализации городской жизни, замены ценностно-рациональных установок родителей в отношении образования их детей целерациональными (что этот язык даст моему ребенку в его будущей работе и карьере?) доминирует ориентация на более глубокое изучение русского и иностранного языков, а в перспективе — наиболее востребованного английского языка. Эта установка формулируется обычно фразой «Пусть лучше изучают английский язык!».

Обязательность изучения в школе родного языка подвергается сомнению в силу качества преподавания башкирского, татарского или других языков. «Я помню, как я сидела на уроках башкирского языка и думала: «Зачем, зачем я здесь? ...Процесса обучения в основном и не было. В общем, у нас не было никакой базы языковой, грубо говоря, а мы уже писали какие-то диктанты. И это вот было чисто... как на звук воспринимаешь и знаешь, что там есть какие-то буквы, которые похожи на русские... Вот думаешь: «Что мне сейчас написать?». И вот как повезет. А потом все время получаешь оценки плохие... Но, так как нельзя, наверно, было плохие оценки, мы переписывали несколько раз эти диктанты. И под конец нам уже учителя помогали: писали, какая там буква должна была быть, на доске» (женщина, 23 года, «русская с татарскими корнями»). У отдельных информантов подобная дифференциация (татарам — татарский, башкирам — башкирский и так далее) вызывает опасения в том, что это может содействовать межнациональной розни: «Я считаю, что не нужно отделять башкир от башкир, татар от татар...Они должны изучать... те или иные языки, которые обозначены в их стране...» (мужчина, 26 лет, осознает себя башкиром). Популярным у многих информантов является принцип добровольности изучения любого языка, в том числе языка своей национальности, учитывающий желание и ребенка, и его родителей. «Согласна, что должно быть добровольным, вот как раз факультативы и являются условиями для изучения детьми родного языка» (женщина, 28 лет, считает себя наполовину русской, наполовину татаркой).

Отметим также беспокойство людей относительно создания благоприятных условий для реализации данной идеи: «Если ввести для каждой национальности что-то вроде своих уроков, пусть даже дистанционных, просто сами понимаете, что у нас в классе, например, три башкира, пять татар, восемнадцать русских и для всех одновременно это все преподавать не является возможным, но это можно давать как частично домашнее задание, которое будет более централизованно проверяться, поэтому так в принципе можно сделать, да» (мужчина, 22 года, «татарин в квадрате»). «Согласна, что изучение родных для детей языков не должно быть обязательным. А вот если создать все условия, тогда, возможно, дети сами проявят желание их изучать» (женщина, 26 лет, по национальности — марийка, но считает себя русской). Вместе с тем значительная часть согласившихся с данным утверждением информантов в качестве родных языков рассматривает нерусские языки, не принимая во внимание русский язык, который также является родным для многих учеников. Лишь один респондент задался подобным вопросом: «Если так, то русский следует сделать не

обязательным для изучения. Но такое невозможно, поэтому родной язык должен быть обязательным» (мужчина, 24 года, «башкир-русский»). Информанты, категорически не согласившиеся с добровольностью практик изучения родного языка, подчеркивали роль языка в вопросах сохранения нации и культуры. «Это очень полезно. Так хотя бы кто-то будет знать свои родные языки» (мужчина, 57 лет, русский). «Изучение родных языков в родном краю должно быть обязательным» (женщина, 24 года, «русская-татарка»).

Выводы

Жизнь в крупном городе оказывает существенное влияние на человека, меняя его социокультурную гетерогенность. Интенсивность взаимодействия с различными социальными, в том числе этническими, группами обуславливают широту и амбивалентность возможностей выбора моделей и средств поведения (в том числе языковых). Проявляются этнические различия в осмыслении категории «родной язык». Тип семейной структуры и особенности семейной социализации детерминируют языковые практики индивида. Принцип добровольности изучения родного языка рассматривается как возможность изучать и не изучать язык. Осознание необходимости сохранения и поддержания языкового многообразия и культуры, а также усилий каждого отдельного человека и семьи в решении этих задач (вербальные установки) сочетается с пассивными поведенческими практиками людей. В результате изучение родного языка возлагается преимущественно на школу в сочетании с высокой долей скептицизма относительно качества образования и неоднозначностью отношения к практикам обязательного изучения языков.

Конструкт «родной язык» среди жителей г. Уфы представляет собой сложное переплетение различных представлений. Коммуникативная среда крупного города порождает контекстуально-лабильную модель поведения индивида, когда наличие представлений («хочу, чтобы мои дети знали язык предков») слабо соотносится с реальными поведенческими практиками («поскольку башкирский язык вряд ли пригодится за пределами республики, пусть лучше мои дети хорошо владеют русским языком и изучают иностранные языки»). Даже в сфере неформального (семейного) общения развитие коммуникативных навыков на языке происхождения далеко не всегда получает должное развитие. В целом взгляды существенной части информантов свидетельствуют о том, что установки на принципы межнационального и межкультурного взаимодействия, на сохранение многонациональной культуры не всегда соотносятся с реальными действиями в плане изучения и освоения этой культуры и языкового многообразия.

Благодарности

Данная статья выполнена в рамках выполнения проекта № 19-411-020007\19 «Социальное конструирование родного языка и проблем его сохранения в молодежной среде Башкортостана», при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Республики Башкортостан.

Библиографический список

- [1] Конституция Российской Федерации от 12.12.1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 01.05.2020).
- [2] Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 09.05.2020).
- [3] Фишман Дж.А. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. – 2005. – Вып. 4, № 49. – С. 132–140.
- [4] Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Логос. – 2005. – Вып. 4, № 49. – С. 20–48.

- [5] Биллиг М. Нации и языки // Логос. – 2005. – Вып. 4, № 49. – С. 60–86.
- [6] Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. – 2005. – Вып. 4, № 49. – С. 49–59.
- [7] Krauss M. The world's languages in crisis // *Language*. – 1992. – Vol. 68, No 1. – P. 4–10.
- [8] Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. – Москва: Наука, 2003. – 764 с.
- [9] Тишков В.А., Акбаев Х.М. «Народ не умирает с языком» или «язык не живет без народа»? // Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / Отв. ред. Е.И. Филиппова и С.В. Соколовский. – Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия — Телеком, 2020. – С. 19–39.
- [10] Тишков В.А., Степанов В.В. Национальные языки и этнокультурное образование в регионах России // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – Москва: ИЭА РАН, 2016. – С. 3–19.
- [11] Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: монография / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2018. – 552 с.
- [12] Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра // Отв. ред. Л.М. Дробижева. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 485 с.
- [13] Арутюнова Е.М. Этноязыковые проблемы и перспективы в образовательной сфере российских республик (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. – 2018. – № 4. – С. 25–35.
- [14] Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я., Асылгужин Р.Р. Этническое сознание и этническая идентичность. – Уфа: Гилем, 2009. – 249 с.
- [15] Валиахметов Р.М. Этнокультурный потенциал как условие и фактор гармонизации межнациональных отношений // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. – Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2014. – С. 142–146.
- [16] Асадуллина Г.Р., Абрарова З.Ф., Ирнараров Р.И., Садретдинова Э.В. Родной язык как фактор сохранения этнической идентичности башкирского народа в условиях полиэтнического общества // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 11(138). – С. 474–476.
- [17] Габдрафиков И.М. Язык и этническая культура в школах Башкирии: проблема общественного восприятия // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова, В.С. Воронцова и В.В. Степанова. – Москва; Оренбург; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. – С. 11–20.
- [18] Мартыненко А.В. Культурные реалии в полиэтнической школе. Проблемы преодоления нетерпимости // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова, В.С. Воронцова и В.В. Степанова. – Москва; Оренбург; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. – С. 32–49.
- [19] Орлова О.В. Межгрупповые отношения как результат функциональности национальных языков в образовательной среде // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова, В.С. Воронцова и В.В. Степанова. – Москва; Оренбург; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. – С. 21–31.

- [20] Степанов В.В. Этнокультурные потребности в школах и вузах Приволжского федерального округа // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова, В.С. Воронцова и В.В. Степанова. – Москва; Оренбург; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. – С. 148–155.
- [21] Боргояков С.А. Состояние и перспективы родных языков в российской системе образования // Наука и школа. – 2017. – № 6. – С. 20–30.
- [22] Шайхисламов Р.Б., Садретдинова Э.В., Асадуллина Г.Р. Доводы за и против изучения языков в школе: результаты глубинных интервью жителей Уфы // Многоязычие как фактор сохранения этнокультурного разнообразия: образовательные стратегии. Сборник тезисов международного семинара из цикла «Диалог цивилизаций и межкультурное сотрудничество»: в рамках мероприятий Международного года языков коренных народов / Под ред. А.А. Шевцовой и М.А. Кривенькой. – Москва: МПГУ, 2019. – С. 98–99.
- [23] Чупров Л.Ф. Исследование степени владения родным языком и осознания его социальной ценности родителями-хакасами // Scientific e-journal «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine». 2013. – № 1–1. – С. 137–140.
- [24] Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонов В.Г. Этнокультурные предпочтения, родные языки населения Чувашии // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 31–39.
- [25] Маркова Е.М. О причинах и проявлениях энантиосемии в русском языке в межславянском аспекте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4-2. – С. 631-635.
- [26] Маркова Е.М. Культурные коннотации вторичных номинаций при обучении русскому языку как инославянскому // Вестник Московского государственного областного университета. – 2013. – № 1. – С. 1-14.

References

- [1] Constitution of the Russian Federation. (1993, December). Retrieved from <http://www.constitution.ru>.
- [2] All-Russian Population Census. (2010). Retrieved from https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
- [3] Fishman, J.A. (2005). Today's disputes between primordialists and constructivists: The relationship between language and ethnicity from the point of view of scientists and everyday life. *Logos*, 4(49), 132–140.
- [4] Joseph, J. (2005). Language and national identity. *Logos*, 4(49), 20–48.
- [5] Billig, M. (2005). Nations and languages. *Logos*, 4(49), 60–86.
- [6] Habsbawn, E. (2005). Are all languages equal? Language, culture and national identity. *Logos*, 4(49), 49–59.
- [7] Krauss, M. (1992). The world's languages in crisis. *Language*, 68(1), 4–10.
- [8] Guboglo, M.N. (2003). *Identification of identity: Ethnosociological*. Moscow: Nauka.
- [9] Tishkov, V.N., & Akbaev, H.M. (2020). “The People do not die with the language” or “the language does not live without Naro-da”? In E.I. Filippova & S.V. Sokolovsky (Eds.), *The death of the language-the death of the people? Language situations and language rights in Russia and neighboring States* (pp. 19–39). Moscow: Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and anthropology of the Russian Academy of Sciences, Hotline — Telecom.
- [10] Tishkov, V.N., & Stepanov, V.V. (2016). National languages and ethno-cultural education in Russian regions. In V.N. Tishkov & V.V. Stepanov (Eds.), *Interethnic relations and ethno-cultural education in the regions of Russia* (pp. 3–19). Moscow: IEA RAS.
- [11] Drobizheva, L.M. (Ed.). (2018). *Interethnic accord at all-Russian and Regional Dimension. Socio-cultural and religious contexts*. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

- [12] Drobizheva, L.M. (2013). *Civil, ethnic and regional identity: Yesterday, today, tomorrow*. Moscow: Russian political encyclopedia.
- [13] Arutyunova, E.M. (2018). Ethnolinguistic problems and prospects in the educational sphere of the Russian republics (On the example of Bashkortostan). *Sociological Research*, 4, 25–35.
- [14] Fayzullin, F.S., Zaripov, A.Ya., & Asylguzhin, R.R. (2009). *Ethnic consciousness and ethnic identity*. Ufa: Gilem.
- [15] Valiakhmetov, R.M. (2014). Ethno-Cultural potential as a condition and factor of harmonization of interethnic relations. In G.F. Gabdrakhmanov (Ed.), *Positive experience in regulating ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation: materials of the all-Russian scientific and practical conference* (pp. 142–146). Kazan: Shigabutdin Marjani Institute of history of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
- [16] Asadullina, G.R., Abrarova, Z.F., Irnazarov, R.I., & Sadretdinova, E.V. (2019). Native language as a factor of preservation of the ethnic identity of the Bashkir people in the conditions of a polyethnic society. *Eurasian Law Journal*, 11(138), 474–476.
- [17] Gabdrarifov, I.M. (2017). Language and ethnic culture in schools of Bashkiria: The problem of public perception. In V.A. Tishkov, V.S. Vorontsov, & V.V. Stepanov (Eds.), *Ethno-Cultural content of education, Russian identity and civil consent in the Volga Federal district* (pp. 11–20). Moscow; Orenburg; Izhevsk: Institute of computer research.
- [18] Martynenko, A.V. (2017). Cultural realities in the polyethnic school. Problems of overcoming intolerance. In V.A. Tishkov, V.S. Vorontsov, & V.V. Stepanov (Eds.), *Ethno-Cultural content of education, Russian identity and civil consent in the Volga Federal district* (pp. 32–49). Moscow; Orenburg; Izhevsk: Institute of computer research.
- [19] Orlova, O.V. (2017). Intergroup relations as a result of the functionality of national languages in the educational environment. In V.A. Tishkov, V.S. Vorontsov, & V.V. Stepanov (Eds.), *Ethno-Cultural content of education, Russian identity and civil consent in the Volga Federal district* (pp. 21–31). Moscow; Orenburg; Izhevsk: Institute of computer research.
- [20] Stepanov, V.V. (2017). Ethno-Cultural needs in schools and universities of the Volga Federal district. In V.A. Tishkov, V.S. Vorontsov, & V.V. Stepanov (Eds.), *Ethno-Cultural content of education, Russian identity and civil consent in the Volga Federal district* (pp. 148–155). Moscow; Orenburg; Izhevsk: Institute of computer research.
- [21] Borgoyakov, S.A. (2017). The State and prospects of native languages in the Russian education system. *Science and School*, 6, 20–30.
- [22] Shaikhislamov, R.B., Sadretdinova, E.V., & Asadullina, G.R. (2019). Arguments for and against learning languages at school: results of in-depth interviews of Ufa residents. In A.A. Shevtsova, & M.A. Krivenkaya (Eds.), *Multilingualism as a factor of preserving ethnic and cultural diversity: educational strategies. Collection of international seminar topics from the cycle “Dialogue of civilizations and intercultural cooperation”*: within the framework of the international year of indigenous languages (pp. 98–99). Moscow: MPGU.
- [23] Chuprov, L.F. (2013). Research of the degree of native language proficiency and awareness of its social value by Khakas parents. *Scientific e-journal “PEM: Psychology. Educology. Medicine”*, 1–1, 137–140.
- [24] Boyko, I.I., Dolgova, A.P., & Kharitonova, V.G. (2018). Ethnocultural preferences, native languages of the Chuvash population. *Bulletin of the Chuvash University*, 2, 31–39.
- [25] Markova, E.M. (2010). On the causes and manifestations of enantiosemia in the Russian language in the inter-Slavic aspect. *Bulletin of Nizhny Novgorod University N.I. Lobachevsky*, 4–2, 631–635.
- [26] Markova, E.M. (2013). Cultural connotations of secondary nominations in teaching Russian as a non-Slavic language. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 1, 1–14.

Получена / Submitted: 06/07/2020

Доработана / Revised: 24/07/2020

Принята к публикации / Accepted: 17/08/2020

УДК 316.723:35.082

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Мария Сергеевна Жулева¹

¹Кафедра гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Проблема морально-этической составляющей личности представителя власти, а также вопросы, связанные с профессиональной культурой и этикой госслужащих, по-прежнему остаются мало исследованными, особенно на современном материале, что делает исследование актуальным. В статье рассматривается проблема соблюдения государственными служащими морально-этических норм в своем профессиональном поведении. Приводятся данные социологических опросов относительно мнения населения по вопросу о профессиональных качествах и профессиональной деятельности чиновников. Выявляются причины нарушений профессиональной этики госслужащего. Дается краткий анализ специальной литературы, в том числе нормативно-правовых актов, по указанной проблематике. Приводится конкретный перечень предложений, направленных на повышение морально-нравственного уровня представителя власти. Делается научный вывод о том, что морально-этическая составляющая профессиональной культуры госслужащего требует доработки. Формулируется и подтверждается тезис, что от уровня профессиональной культуры государственного служащего зависит участие или неучастие народа в общественно-политической жизни, доверие населения к государству и успех принимаемых им решений в целом.

Ключевые слова: профессиональная культура, государственная служба, этика государственного служащего, представители власти, гражданское общество.

Moral and Ethical Component in Professional Culture of Public Servant

Maria S. Zhuleva¹

¹Department of Humanities and Technologies, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Abstract. The problem of the ethical and moral component of the personality of a representative of power, as well as issues related to the professional culture and ethics of civil servants, are still understudied, especially with regard to modern material, which makes this study relevant. The article deals with the issue of compliance moral and ethical standards by public servants in their professional behavior. The data of sociological surveys on the opinion of the population about the issue of professional qualities and professional activities of officials are given in the article. The reasons for violations of professional ethics of the civil servant are revealed. The author gives a brief analysis of specialized literature, including legal and regulatory acts devoted to this subject. A particular list of proposals aimed at raising the moral level of the representative of the authorities is given. The author makes the scientific conclusion that the moral and ethical component of the professional culture of the civil servant needs to be developed. It is formulated and confirmed that the level of professional culture of a public servant depends on the participation or non-participation of people in social and political life, the confidence of the population in the state and the success of decisions taken by representatives of the authorities in general.

Keywords: professional culture, public service, ethics of public servant, representatives of the authorities, civil society.

Введение

Профессиональная культура (субкультура) государственного служащего — часть основной культуры общества, но, как и любая субкультура, она обладает рядом специфических, присущих только ей черт. Особенностью субкультуры госслужащего является то, что представители данной профессиональной группы выполняют ряд важных социальных

функций, связанных с управлением людьми. Еще в самые древние времена известные мыслители, одним из которых является выдающийся китайский мудрец Конфуций, отмечали важность моральных качеств государственного деятеля. Так, Конфуций [1], будучи представителем древнейшего рода, в разные периоды своей жизни сам занимавший ответственные посты в аппарате власти и добившийся хорошего результата на этом поприще, учил управлять народом при помощи «добродетели». Данный принцип означал, что чиновник должен быть честным, справедливым, любить людей, быть вежливым, соблюдать закон, чтить традиции. Тогда и весь народ, глядя на «государственного мужа», будет законопослушным, станет без всяких принуждений выполнять свои обязанности. Актуальные и в XXI веке рекомендации, когда профессиональная культура ряда государственных служащих, к сожалению, оставляет желать лучшего.

В настоящее время вопросы, связанные с профессиональной культурой и этикой госслужащих, продолжают находиться в сфере внимания ученых: философов, социологов, политологов, историков, психологов, культурологов и других специалистов [2–4]. В этой связи интересной, например, представляется статья профессора кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России, профессора, доктора социологических наук О.В. Филимонова [5]. Автор провел сравнительный анализ документов, регламентирующих этическое поведение отечественных государственных служащих и чиновников западных стран, привел данные результатов собственных исследований проблем этизации государственных служащих в Российской Федерации. Еще один исследователь, кандидат культурологии С.А. Шачнев, в своей статье о профессиональной культуре госслужащего проанализировал значительное число дефиниций профессиональной культуры, сделав вывод, что «разброс мнений в понимании профессиональной культуры бюрократии свидетельствует о многообразии данного феномена, наполненного различными смыслами, что требует дальнейшей конкретизации понимания профессиональной культуры данной категории» [6].

Управленческая культура и профессиональная этика чиновников интересуют сегодня следующих ученых, работающих в различных высших учебных заведениях нашей страны: Е.В. Павлову [4], Н.И. Архипову [5], С.А. Киржанову [6], Г.А. Борщевского [7], А.В. Шободоеву [8] и других. Начиная с 90-х гг. XX века, систематически появляются диссертации на тему управленческой культуры государственных служащих, где рассматриваются разные составляющие профессиональной деятельности чиновников федерального и регионального уровней: работы Д.А. Озерного [9], С.В. Алиевой [10], О.М. Ни [11] и других.

Правовая составляющая профессиональной культуры, выражающаяся в исследовании причин противоправного поведения чиновников, получила отражение в конкретных работах о коррупции в органах власти докторов политических, социологических, психологических наук, кандидатов юридических наук, аспирантов: Ю.А. Нисневича [15], коллективов авторов: М.Ю. Мартынова, А.И. Габеркорн [16], А.Л. Журавлева, А.В. Юревича [17], Е.П. Тавокина, Ж.А. Шишовой, О.В. Широковой [18] и других.

Несмотря на наличие немалого количества работ, посвященных разным аспектам профессиональной культуры государственного служащего, проблема морально-этической составляющей его личности по-прежнему остается мало разработанной, особенно на современном материале, что делает исследование актуальным. Цели написания данной статьи: 1) изучение мнения российского населения относительно профессиональной деятельности современных чиновников с точки зрения соблюдения/несоблюдения последними морально-нравственных норм в своем поведении и выявление причин нарушения госслужащими норм профессиональной этики; 2) анализ современных нормативно-правовых актов, регулирующих этическое поведение чиновников; 3) выдвижение комплекса предложений по совершенствованию моральной составляющей профессиональной культуры госслужащих.

Материалы и методы

В работе были использованы главным образом общенаучные методы: структурно-функциональный (госслужба рассматривается как сложное структурное образование, представители которого выполняют важные социальные функции, влияющие на жизнедеятельность всего общества), системный (профессиональная культура изучается как система, включающая в себя морально-этическую, правовую, имиджевую и другие составляющие), компаративный (сравниваются различные правовые акты, нормы которых регулируют профессиональную культуру госслужащих), бихевиористский (анализируется поведение современных российских чиновников), исторический (проблема этической культуры чиновников исследуется во временном развитии с выявлением связей прошлого и настоящего). Кроме того, получили применение общелогические (анализ и синтез, индукция и дедукция) и методы эмпирических исследований (анализ документов).

Результаты и обсуждение

До сих пор в России идет реформа государственной службы, начавшаяся в 90-е гг. XX в. В настоящее время еще не сформировалась устойчивая модель государственного управления, которая бы давала эффективный и стабильный для общества результат. Более того, ряд управленческих проблем, с которыми российское государство и общество столкнулись после распада СССР, не просто не решены, а продолжают усугубляться. Речь идет, например, о низком уровне профессиональной культуры государственного служащего и в первую очередь ее морально-нравственной составляющей. Как показывают исследования социологов и политологов, некоторые чиновники просто не умеют себя вести. Учитывая то, что госслужащие (особенно их высшая прослойка) — публичные люди, которые не просто контактируют с народом, но и постоянно оказываются на виду, на них смотрит вся общественность, и не только российская, они должны придерживаться определенных правил поведения, принятых, как в обществе в целом, так и в своей профессиональной группе в частности. Но что мы видим: чиновники не просто невежливы, они могут позволить себе публичное оскорбление людей. Сети Интернет содержат немало доказывающих этот тезис примеров. Из последних — поведение руководителя Чувашии в январе 2020 года.

«47,9 % респондентов отмечают пренебрежительное отношение к людям со стороны бюрократии», — такие данные социологического опроса приводит в своей работе С.А. Шачнев [6]. А дальше автор отмечает, что среди негативных качеств госслужащих опрошенные также называют «имитацию бурной деятельности» (29,1 %) и «безответственное отношение к своим служебным обязанностям» (21,5 %). На коррумпированность чиновников указало 49 % участвующих в исследовании лиц [6]. Похожие данные приводит профессор О.В. Филимонов, ссылаясь на социологическое исследование, проведенное Институтом социологии Российской академии наук: «На первое место среди человеческих качеств, которыми наделены работники многочисленных бюрократических учреждений, две трети респондентов поставили равнодушие к людям, на второе место — продажность, а на третье — безразличие к интересам страны» [5]. В складывающихся обстоятельствах понятной становится обнаружившаяся «проблема недоверия россиян институту государственной службы» [10].

Каковы же причины столь негативного этического поведения в системе власти? Ученые приводят следующие из них: бесконтрольность и безнаказанность чиновников (гражданское общество почти никак не ограничивает их деятельность); необходимость компенсировать недостаточно высокую зарплату, по мнению бюрократии, ее желание быть не хуже других «состоятельных людей» (к вопросу о коррупции) [9]. Обозначен также низкий уровень культуры общества в целом. «Исследования последнего десятилетия зафиксировали серьезные перемены нравственных ценностей людей: снизилась важность таких качеств, как

социальная значимость труда, сознание и чувство общественного долга, честность, принципиальность, общественная активность; возвысилась роль ценностей потребления; широкое распространение в массовом сознании получил культ денег», — пишет в своей работе А.В. Шободоева [11]. Чиновники, являясь частью общества, в котором они точно так же, как и все, живут и работают, транслируют схожие схемы поведения. Многие отмечают недостаточное внимание со стороны самой власти, в том числе руководителей кадровых служб, к этическим проблемам, недооценку важной роли моральной составляющей в профессиональной культуре госслужащего, слабый контроль со стороны государства над соблюдением этических норм [7; 9].

Представляется верным суждение Г.А. Борщевского о том, что проблема аморального и противоправного поведения чиновников кроется отчасти в том, что у нас пока до сих пор не определены четко «место и роль государственного служащего в современном российском обществе, в государственном управлении, в жизни страны». В России все еще идет поиск модели государственной службы: воспринимать госслужащего как служителя обществу и закону (открытая модель) или как представителя особого класса, находящегося на службе исключительно у государства (закрытая модель) [10].

Несмотря на выявленные противоречия, нельзя сказать, что в России проблема морально-этической составляющей находится вне пределов внимания политической власти. Сегодня у нас имеется свыше 4 500 нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность государственных служащих [8]. Среди важных, с точки зрения обозначенной проблематики, выделим следующие: Федеральный закон № 79 от 27.07.2004 г. «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» [19]; «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих» от 23.12.2010 [20].

В первом источнике зафиксированы следующие требования к профессиональной деятельности государственного служащего: 1) исполнение своих обязанностей добросовестно; 2) осуществлять профессиональную деятельность, признавая, соблюдая и защищая права и свободы человека и гражданина; 3) равное, беспристрастное отношение ко всем лицам, группам, объединениям и организациям; 4) не ставить личные интересы выше профессиональных; 5) не совершать поступки, которые могут опорочить достоинство и честь представителя власти; 6) корректно общаться и работать с гражданами; 7) проявлять уважение к нравственным традициям и обычаям народов России; 8) учитывать особенности, в том числе культурные, разных социальных и этнических групп, людей разного вероисповедания, стремиться к межконфессиональному и межнациональному согласию; 9) не допускать ситуаций конфликтного характера, которые бы могли нанести ущерб авторитету государственного органа и собственной репутации и так далее [19].

Несмотря на закрепление в законе важных норм, этические принципы, которым должны следовать госслужащие, прописаны в нем недостаточно полно. Во втором документе, принятом Президиумом Совета при Президенте РФ, и направленном в первую очередь на борьбу с коррупционным поведением, указывается, что «гражданские служащие обязаны:

- исключать действия, связанные с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов, препятствующих добросовестному исполнению ими должностных обязанностей;
- уведомлять представителя нанимателя, органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к гражданскому служащему каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений;
- не использовать служебное положение для оказания влияния на деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, должностных лиц, гражданских служащих или граждан при решении вопросов личного характера;

- гражданскому служащему запрещается получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждений от физических и юридических лиц [20].

В данном кодексе перечислены такие морально-этические качества, которыми должны обладать государственные служащие, как «добросовестность, профессионализм, защита прав и свобод граждан, нейтральность, беспристрастность, аполитичность, терпимость и уважение к обычаям и традициям народов России и других государств, корректность и другое» [20]. В целом в российском законодательстве закреплены правильные нормы, задающие правила поведения госслужащим, но, к сожалению, недостаточно четко прописана ответственность (санкции) чиновников за нарушение именно морально-этических принципов. Необходим эффективный механизм контроля над соблюдением этического кодекса.

В целом в российском законодательстве закреплены правильные нормы, задающие правила поведения госслужащим, но, к сожалению, недостаточно четко прописана ответственность (санкции) чиновников за нарушение именно морально-этических принципов. Необходим эффективный механизм контроля над соблюдением этического кодекса. Сегодня уже назрела необходимость в закреплении данных принципов и мер принуждения за их нарушения на уровне федерального закона.

Чтобы госслужба соответствовала современным запросам общества, могла эффективно решать возложенные на нее задачи, государство должно предпринять меры по возвращению доверия к чиновникам со стороны народа. Для этого необходимо повышать морально-нравственный уровень представителей власти. Можно рассмотреть следующие предложения по достижению указанной цели. Чтобы повысить результативность работы, зарплату чиновников нужно напрямую связывать с их личным вкладом в дело управления обществом, разрешения общественных проблем. Широко использовать систему рейтинговой оценки, достижения госслужащих повсеместно учитывать при назначении на вышестоящие должности. Нужна новая система формирования кадров, которая бы привлекла в госслужбу наиболее талантливых и творчески мыслящих специалистов, не должны в систему власти попадать «случайные» люди по протекции, которые не обладают достаточным опытом и знаниями. Систематически должна проходить ротация кадров управления. Необходимо формировать чувство ответственности за свои действия перед обществом и государством еще в вузе. Для студентов, обучающихся, например, по направлению «Государственное и муниципальное управление», читать спецкурсы по истории чиновничества России, этике госслужащих, больше приводить положительных примеров в их работе, делать акцент на службе людям и Отечеству, тем самым формировать высокую профессиональную культуру. В программы повышения квалификации действующих чиновников регулярно включать темы по этике поведения. В целях борьбы с коррупционным поведением продолжать вводить инновационные методы в управлении (система МФЦ, электронных правительств и другие методы). Но здесь нужно учитывать, что есть граждане, которые не могут в силу разных причин (не владеют навыками работы с компьютером) выходить в Интернет, в таком случае подойдет дифференцированный подход к организации работы с населением. В целях профилактики нарушений этических норм создавать и делать регулярной работу этических комиссий в системе власти, которые бы проводили проверки и могли применять «моральные санкции» против нарушителей (включать их в так называемые «черные списки», пребывание в которых не позволит занять хорошую должность и другое) [17]. В состав этических комиссий помимо госслужащих можно включать представителей общественности, СМИ. Последних нужно привлекать к участию в деле организации массовых пропагандистских кампаний против коррупционеров. Активно транслировать через СМИ судебные процессы по взяточничеству. Ужесточить уголовную ответственность за коррупцию, применять практику конфискации имущества не только у коррупционера, но и у всех членов его семьи, запретить навсегда заниматься управленческой деятельностью [18].

Необходимо также повышать статус гражданского населения в системе взаимоотношений «население — власть». Народ должен контролировать деятельность чиновников, иметь возможность законными методами «разорвать договор» с теми, кто не выполняет своих полномочий, проявляет грубость и равнодушие в общении с людьми.

Выводы

Исследование показало, что морально-этическая составляющая (ее содержание и контроль над соблюдением) в профессиональной культуре государственного служащего требует доработки и конкретизации. Чиновники по-прежнему во многом не соблюдают моральные нормы в своем поведении. В изменении сложившейся ситуации в лучшую сторону видится, в качестве определяющей, воля государства. Именно государство, учитывая важность эффективного управления многомиллионным, многонациональным и многоконфессиональным обществом, должно быть заинтересовано в проведении решительных мер по повышению культурного уровня представителей аппарата власти. Общество сегодня нуждается в правильных идеях, способных скрепить всех его членов в единую команду, которая будет стремиться к улучшению совместного проживания, законному разрешению возникающих социальных противоречий. Выработать эти общие ценности и идеи, воспитывать правовую, политическую, этическую культуру всего населения — вот задача государства на современном этапе. И нужно учитывать, конечно, что без уважительного отношения народа и власти друг к другу построить гармоничное общество будет почти невозможно.

Библиографический список

- [1] Конфуций. Суждения и беседы / Пер. с кит. П.С. Попова. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. – 224 с.
- [2] Лебедева О.В. Проблемы развития толерантности на юге России: некоторые пути решения // *Власть*. – 2005. – № 6. – С. 42-44.
- [3] Пастухова Е.В. Применение методов математической статистики для оценки личностных качеств работников социальной сферы // *Научно-методический электронный журнал Концепт*. – 2015. – Т. 22. – С. 11.
- [4] Сивякова Е.А., Рябцев С.В., Кириллов П.Е. Современные методы управления конфликтами в организациях // *Тенденции развития науки и образования*. – 2019. – № 49-3. – С. 98-102.
- [5] Филимонов О.В. Профессиональная этика в механизме государственного управления // *Труды Академии управления МВД России*. – 2018. – № 2(46). – С. 67–71.
- [6] Шачнев С.А. Профессиональная культура государственного служащего: методологические и практические аспекты совершенствования // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2018. – № 4. – С. 21–27.
- [7] Павлова Е.В. Управленческая культура: состояние, проблемы, перспективы развития // *Идеи и идеалы*. – 2016. – Т. 2, № 1(27). – С. 146–152.
- [8] Архипова Н.И. Этика государственных служащих // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. – 2011. – № 4(66). – С. 29–41.
- [9] Киржанова С.А. О некоторых вопросах исследования проблем профессиональной этики государственной гражданской службы // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. – 2018. – № 1. – С. 80–87.
- [10] Борщевский Г.А. Соотношение модели государственной службы и этики государственных служащих // *Коммуникология*. – 2015. – Т. 3, № 3. – С. 42–62.
- [11] Шободоева А.В. Проблема формирования нравственных основ государственной гражданской службы Российской Федерации // *Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)*. – 2013. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sgal.bgu.ru/pub.aspx?id=24347> (дата обращения: 25.02.2020).

- [12] Озерной Д.А. Управленческая культура в современной России: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – 22 с.
- [13] Алиева С.В. Профессиональная культура государственных и муниципальных служащих: состояние и условия инновационной трансформации (на материалах Южного федерального округа): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 46 с.
- [14] Ни О.М. Правовые установки управленческой культуры в реальном поведении людей: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Сочи, 2012. – 24 с.
- [15] Нисневич Ю.А. Коррупция: инструментальная концептуализация // Социологические исследования. – 2016. – № 5. – С. 61–68.
- [16] Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И. Особенности восприятия россиянами коррупции // Социологические исследования. – 2017. – № 6. – С. 79–84.
- [17] Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Социологические исследования. – 2014. – № 7. – С. 63–71.
- [18] Тавокин Е.П., Шишова Ж.А., Широкова О.В. Коррупция в органах российской государственной власти // Социологические исследования. – 2014. – № 5. – С. 80–88.
- [19] Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601 (дата обращения: 21.05.2020).
- [20] Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/anticorruption/9/3> (дата обращения: 21.04.2020).

References

- [1] Confucious. (2005). *The Confucian analects*. Saint Petersburg: Azbuka-classic.
- [2] Lebedeva, O.V. (2005). Problems of the development of tolerance in the south of Russia: some solutions. *Power*, 6, 42-44.
- [3] Pastukhova, E.V. (2015). Application of methods of mathematical statistics to assess the personal qualities of workers in the social sphere. *Scientific and Methodological Electronic Journal Concept*, 22, 11.
- [4] Sivyakova, E.A., Ryabtsev, S.V., & Kirillov P.E. (2019). Modern methods of managing conflicts in organizations. *Trends in the Development of Science and Education*, 49-3, 98-102.
- [5] Filimonov, O.V. (2018). Professional ethics in a state management mechanism. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2(46), 67–71.
- [6] Shachnev, S.A. (2018). Professional culture of civil servant: Methodological and practical aspects of improving. *Bulletin of Tula State University. Humanities sciences*, 4, 21–27.
- [7] Pavlova, E.V. (2016). Management culture: State, problems, development prospects. *Ideas and Ideals*, 1(27), 146–152.
- [8] Arhipova, N.I. (2011). Ethics of the government officials. *RSUH Bulletin. Series Economics, Management, Law*, 4(66), 29–41.
- [9] Kirzhinova, S.A. (2018). On some issues of studying problems of professional ethics of state civil service. *Bulletin of the Maikop State Technological University*, 1, 80–87.
- [10] Borshevskiy, G.A. (2015). The ratio of the model of public service and ethics of civil servants. *Communicology*, 3(3), 42–62.
- [11] Shobodoeva, A.V. (2013). Problems of forming moral foundations of public service in the Russian Federation. *Baikal Research Journal*, 6. Retrieved from <http://sgal.bgu.ru/pub.aspx?id=24347>.
- [12] Ozernoy, D.A. (1999). *Managerial culture in modern Russia* (Candidate thesis, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation).
- [13] Alieva, S.V. (2007). *Professional culture of civil and municipal servants: Condition and conditions of innovative transformation (from the Southern Federal District)* (Doctoral thesis, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation).

- [14] Ni, O.M. (2012). *Legal attitudes of managerial culture in real behavior of people* (Candidate thesis, North Caucasus State Technical University, Sochi, Russian Federation).
- [15] Nisnevich, Yu.A. (2016). Corruption: Instrumental conceptualisation. *Sociological Studies*, 5, 61–68.
- [16] Martynov, M.Yu., & Gaberkorn, A.I. (2017). Features of mass consciousness perception of corruption in Russia. *Sociological Studies*, 6, 79–84.
- [17] Zhuravlev, A.L., & Yorevich, A.V. (2014). Psychological factors of corruption. *Sociological Studies*, 7, 63–71.
- [18] Tavokin, E.P., Shishova, Zh.A., & Shirokova, O.V. (2014). Corruption in state power bodies. *Sociological Studies*, 5, 80–88.
- [19] Federal Law No 79-FZ “On the state civil service of the Russian Federation”. (2004, July). Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601.
- [20] Model code of ethics and official conduct for government employees of the Russian Federation and municipal employees. (2010, December). Retrieved from <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/anticorruption/9/3>.

Получена / Submitted: 15/07/2020

Доработана / Revised: 11/08/2020

Принята к публикации / Accepted: 26/08/2020

УДК 376.6

УКРЕПЛЕНИЕ ОСНОВ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ ФОРМИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ПОДРОСТКОВ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Вера Леонидовна Моложавенко¹, Антон Львович Абрамовский¹, Наталья Александровна Шутова²

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

²*Автономное учреждение социального обслуживания населения Тюменской области и дополнительного профессионального образования «Региональный социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Семья»», Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В статье осуществлен анализ сущности семейных ценностей, особенности их формирования у детей подросткового возраста, оставшихся без попечения родителей, находящихся в образовательных учреждениях интернатного типа. Психологи считают, что формирование семейных ценностей, таких как семья и брак у детей в подростковом возрасте самый благоприятный период. Ценности выступают ядром личности и регулятором ее поведения, являясь, тем самым, фундаментальной основой духовного развития общества. Формирование семейных ценностей у подростков мы осуществляли через совокупное формирование следующих компонентов: когнитивного, потребностно-мотивационного, эмоционального, деятельностно-практического. Для этого мы создали социально-педагогические условия целенаправленного отбора, конструирования содержания, подбора педагогических средств, организационных возможностей, максимальное усиление и использование пространственной среды образовательного учреждения. После реализации программных социальных условий исследование выявило повышение процентного значения среднего и высокого уровня сформированности семейных ценностей в экспериментальной группе по всем компонентам. Таким образом, можно говорить о том, что предложенные социальные условия по формированию семейных ценностей у подростков, оставшихся без попечения родителей, является эффективными, поскольку с математической достоверностью мы подтвердили положительный сдвиг между результатами сформированности компонентов до и после проведения программы.

Ключевые слова: духовные ценности, депривация, образовательные учреждения интернатного типа, социальные условия, этика.

Strengthening the Basics of the Spiritual Development of Society Through the Formation of Family Values in Adolescents Left Without Parental Care

Vera L. Molozhavenko¹, Anton L. Abramovsky¹, Natalia A. Shutova²

¹*Department of Marketing and Public Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

²*Autonomous Social Services Institution of the Tyumen Region and Additional Vocational Education "Regional Social and Rehabilitation Center for Minors "Family"", Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the essence of family values, the peculiarities of their formation in adolescent children left without the care of parents, who are in educational institutions of the internal type. Psychologists believe that the formation of family values, such as family and marriage in children in adolescence is the most favorable period. Values are the core of the individual and the regulator of its behavior, thus being the fundamental basis of the spiritual development of society. We formed family values in teenagers through the cumulative formation of the following components: cognitive, necessary-motivational, emotional, active-practical. To do this, we have created social and educational conditions for purposeful selection, construction of content, selection of educational means, organizational opportunities, maximum strengthening and use of the spatial environment of the educational institution. Following the implementation of the programmatic social conditions, the study found an increase in the percentage of the average and high level of family values in the experimental group for all components. Thus, we can say that the proposed social conditions for the

formation of family values in adolescents left without parental care, is effective, because with mathematical certainty we have confirmed a positive shift between the results of the formation of components before and after the program.

Keywords: spiritual values, deprivation, residential educational institutions, social conditions, ethic.

Введение

Семейные ценности занимают центральное место в структуре личностных ценностей и значительное место среди ценностей социальных. Анализ научных источников позволил нам в общем виде сформулировать понимание семейных ценностей. Под семейными ценностями мы будем понимать культуру внутрисемейного взаимодействия: взаимоотношение, взаимопомощь, взаимодействие супругов, отношение к родителям, место в семье стариков и детей, то есть те нормы, которые пропагандирует отдельное государство. В работе производится более глубокий теоретико-методологический анализ сущности и особенностей данного феномена. Понятие «ценности» стало использоваться в роли одной из основополагающих характеристик мировоззренческой сферы человека еще в древние времена. Так, Аристотель при изучении в труде «Большая этика» различных видов благ впервые вводит в употребление термин «тимиа», что означает «ценимое», выделяя среди них «божественные» — ум и душа, «хвалимые», то есть оцененные обществом и вызывающие похвалу, и «блага-возможности» — красота, власть, богатство и сила. При этом Аристотель замечает, что перечисленные блага могут быть использованы людьми как в добрых, так и в злых целях [1]. Сократ также известен тем, что понятия «благо» и «красота из оценочных («хорошее», «прекрасное») возвел в категорию идеальных ценностей. Большое влияние на развитие системы ценностей оказали ученые и мыслители XVIII–XIX веков. Так, например, известный немецкий философ И. Кант трактовал понятие «ценности» как нечто значимое для личности человека, как стоящие перед человеком цели и как требования, обращенные к его воле [2]. К середине XX века сложилось несколько подходов к пониманию содержания понятия «ценности». Зарубежная наука определяла «ценности» как:

- идеалы, назначение которых — преобразить относящуюся к ним реальность (по Э. Дюркгейму) [3];
- уверенное социальное действие, основанное на конкретном типе самодовлеющих ценностей (по М. Веберу) [4];
- представления о желаемом типе социальной системы. Ценности, регулирующие принятие решений субъектами действия (по Т. Парсонсу) [5];
- сексуальные влечения бессознательного при этом эрос удовлетворен (З. Фрейд и его последователи) [6].

Советская наука понимала «ценности» как свойство общественного предмета или явления (людей, групп, классов, всей общности) удовлетворять потребности в реализации важного смысла социального предмета или явления (О.Г. Дробницкий, В.П. Тугаринов) [7]. В настоящее время понятие «семейные ценности» используется в тех областях науки, которые занимаются изучением социальных явлений, и в настоящее время активно изучается в психологии, социологии, философии, педагогике. В трактовке изучаемого понятия анализ научной литературы раскрывает различные точки зрения, которые во многом зависят от понимания сущности его смысловых единиц «семья» и «ценности». В педагогическом энциклопедическом словаре приведено понятие семьи как малой группы людей, связанных кровным родством или браком, моральной ответственностью и взаимопомощью, имеющих общий быт. Семья, как социальный институт, выполняет репродуктивную, экзистенциальную функцию, а также функцию первичной социализации [8].

В педагогических исследованиях В.П. Бездухова и А.В. Воронцова рассматривается подход М.С. Кагана, определявшего ценность как значение некоего предмета для субъекта с последующим специфическим к нему отношением, связывающим объект с субъектом [9]. Указанные исследования рассматривают также подход Г. Олпорта, обозначающего ценность

как некий личностный смысл, категорию «значимости», а не категорию знания. В философском словаре понятие «семья» рассматривается в роли «социальной группы общества, важнейшей формы организации быта, основанной на супружеском союзе и родственных связях» [10]. Национальная философская энциклопедия определяет «ценности» в качестве социальных и культурных значений определенных явлений действительности [11]. В русской религиозной философии понятие «ценности» неотъемлемо связано с идеей божественного начала, имеющей наиважнейшее значение для существования человеческой личности, определяющей образ мыслей и поведения. Так, говоря о семейных ценностях, В.С. Соловьев отмечает, что «...цель воспитания в семье духовно-организованной состоит в том, чтобы связать временную жизнь нового поколения с вечным благом, общим для всех поколений и восстанавливающим их существенное единство» [12].

В социологической литературе распространено определение семьи, предложенное А.Г. Харчевым, который рассматривал семью в качестве исторически сложившейся системы взаимоотношений между ее членами. Потребность общества в нравственном и физическом воспроизводстве населения обуславливает социальную необходимость семьи [13]. В социологии «ценности» именуется «ценностными ориентациями» и представляют собой, по мнению Ю.А. Погорельцова, «высшую форму проявления установок, способных демонстрировать социально обусловленное избирательное отношение к идеалам» [14]. Они также являются важнейшими составляющими внутренней иерархии личности, формирующимися с жизненным опытом, утверждаясь в сознании. М. Вебер с помощью ценностных ориентаций личности определяет самое значимое и существенное, что, по его мнению, гарантирует устойчивость взглядов и принятие определенного типа поведения и деятельности. Ценностные ориентации помогают личности в распределении своих потребностей и интересов по степени их значимости, а также отражают в сознании индивида его мировоззренческие ориентиры и стратегические жизненные цели [4].

Анализируя основные научные подходы к понятию «ценности», можно выделить такие основные теоретические константы, лежащие в основе сущности изучаемого феномена: являются основой жизненного смысла; формируют смысловую составляющую культуры отдельной личности и общества; определены личностной, социальной значимостью; основаны целеполаганием в деятельности личности и общества; регулируют жизнь отдельной личности и общества; определяют границы, нормы поведения людей в семье и в обществе.

Сравнив различные подходы к таким смысловым единицам как «семья» и «ценности», перейдем к самому понятию «семейные ценности» (таблица 1). Исследователи рассматривают данный термин опираясь на различные аспекты. Некоторые авторы, в частности Н.И. Олифинович, Т.Ф. Велента и Т.А. Зинкевич-Куземкина, трактуют понятие «семейные ценности» как открыто одобряемую, общественно культивируемую или, напротив, характерную только для какой-то конкретной семьи совокупность взглядов, определяющие выбор целей семьи, способов организации взаимодействия, жизнедеятельности.

О.Г. Прохорова трактует «семейные ценности» как умение сочувствовать, сопереживать, сострадать (духовное единство), как проявление этнической и психологической культуры, терпения и снисходительности, великодушия и доброты, подавления своего эгоизма, родовые и семейные связи между различными поколениями, умение слушать и уважать друг друга. Н.Г. Храмова под семейными ценностями, понимает положительное и отрицательное в показателях значимых объектов [15], что основаны на единой общности и совместной деятельности близких людей, которые связаны узами брака — отцовства и материнства — родственности, вовлеченных в общую человеческую жизнедеятельность, объединенных общими целями, интересами, социальными отношениями.

Ж.Н. Дюльдина трактует «семейные ценности» как взаимообусловленность особенностей морального, нравственного, культурного, традиционного, национального поведения людей, объединенных рамками малой социальной группы, связанных браком и кровным родством [16]. По мнению Э.Г. Эйдемиллера, семейные ценности — это идеал, который

вырабатывается одобряемым поведением членов семьи, культивируется сформированным сознанием семьи, которое содержит абстрактное представление важных атрибутов взаимоотношений семьи, важного в разных сферах ее жизнедеятельности. Следовательно, семейные ценности являются частью психологической культуры личности каждого члена и являются источником мотивации для всей семьи [17].

Таблица 1. Систематизация семейных ценностей

<p>Внутрисемейные ценности, связанные с браком (Д.В. Медкова) [18]</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Брак как равноправие супругов • Доминирование одного из супругов, полов и связанных с этим ролей • Межличностные отношения между супругами, взаимоподдержка, взаимопонимание • Родительство, многодетность или малодетность, воспитание и социализация детей
<p>Социальные функции (А.А. Яворская, М.В. Дмитриева) [19]</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Репродуктивная функция — воспроизводство детей, народонаселения в целом • Социализация — социальное воспитание на примере поведения, взаимоотношений • Экзистенциальная, определяющая ценности, поддержание жизнедеятельности всех членов семьи и детей, старшего поколения • Экономическая, способы и формы распределения и потребления экономических ресурсов внутри семьи
<p>Иерархическая значимость (А.М. Русецка) [20]</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Духовные ценности: религия, высшие идеалы, чувство прекрасного • Нравственные ценности: черты характера, такие как порядочность, честность • Ценности автотелического характера: любовь к членам семьи и окружающим, благополучие в семье • Основополагающие жизненные ценности: здоровье всех членов семьи, материальное благополучие в семье
<p>Духовно-нравственные ценности как части национальной культуры (С.П. Акутина) [21]</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Родовые как высшие, духовно-нравственные ценности, такие как любовь, порядочность, добро, уважительность, целомудрие, истина, красота, соборность • Видовые, обусловленные природно-географическими, духовно-нравственными ценностями • Общественно-государственные, духовно-нравственные ценности: Родина, свобода и равенство, правда, безопасность • Культурно-национальные ценности: кровные ценности семьи, мать, отец, бабушка, дедушка, дети, здоровье всех членов семьи
<p>Три оси и три основания (О.Н. Безрукова) [22]</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Родство, супружество, родительство • Основные цели создания семьи — это любовь между будущими супругами, общий дом, достаток в семье, крепкий брак, рождение и воспитание детей
<p>Целенаправленность на качества личности семьянина (Л.О. Володина) [23]</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Кровное родство, выражающееся в почитании, благодарности предкам, гордости за сопричастность к своему роду и к своим предкам • Дитя как символ любви к ребенку, пожелание ему благодати, принятие ответственности за нравственное воспитание, формирование ответственного поведения • Мать как символ материнской мудрости, справедливости, доброты, заботливости • Отец как символ отцовской мудрости, ответственности за благополучие семьи и семейный достаток • Дом как символ теплоты в доме, возможность организовать безопасный быт семьи • Семейный лад — согласованное, уважительное отношение друг к другу • Целомудрие как символ гордости за свою семью, проявление скромности, стыдливости, чистоты души
<p>Универсальность у всех семей (С.С. Федоренко) [24]</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Любовь — фундамент семейных отношений • Продолжение рода, рождение и воспитание добропорядочных детей • Забота о здоровье и благополучии детей и старшего поколения • Почтительное отношение к родителям • Культура быта семьи

Следует подчеркнуть, что в российском законодательстве не раскрывается содержание понятия «семейные ценности» и нет уточняющего перечисления семейных ценностей, принятых в обществе. В связи с этим, важно отметить поправки современной конституции 2020 года, в которых семья рассматривается как главная ценность большинства россиян. Поправки поддерживают традиционные семейные ценности, а также трактуют брак как союз мужчины и женщины, уважение детей к старшим, доверие и заботу нескольких поколений внутри семьи. Основные понятия семейных ценностей, принятых на государственном уровне, представлены в п. 1 ст. 1 Семейного кодекса РФ [25], материнство и детство представлено как ценность на государственном уровне в п. 1. ст. 38 Конституции РФ [26]. При этом важно также придать значимость отцовству, аналогичную материнству. Резюмируя рассмотрение сущности понятия «семейные ценности», важно отметить, что процесс возникновения и развития семейных ценностей совпадает с процессом зарождения и образования бытовых, обрядовых, художественных, трудовых и иных национальных традиций. Традиционные для русского народа ценности и обычаи семейно-брачных отношений, формировавшиеся на протяжении многих веков, отражены в памятнике русской литературы XVI века «Домострой». Главные ценности семьи, согласно «Домострою», — это любовь к Богу, друг к другу, а также ко всем людям; это уважение, смирение и кротость, терпение, забота, взаимопомощь, почитание младшими старших, дети и забота о них [27].

На рубеже XX и XXI веков, вследствие значительного технического прогресса и развития социальной жизни, мы стали свидетелями глобального кризиса мировой культуры, что, в свою очередь, спровоцировало кризис российской семьи. Но, несмотря на кризис, российская семья сохранила ценности родительства и материнства, уважения и любви между членами семьи, значимости материнской роли, традиционной моногамии и гетеросексуальности [28]. Таким образом, рассмотрев историю возникновения и развития, сущность и структуру понятия «семейные ценности», а также определение этого понятия в научных сферах, можно перейти к вопросу, относящемуся непосредственно к теме исследования, а именно к основным подходам формирования семейных ценностей у подростков, оставшихся без попечения родителей. Для начала определим общие психологические особенности подросткового возраста, способствующие формированию представлений о семейных ценностях. Согласно многим периодизациям психического развития личности, подростковый период определяется возрастом от 11–12 до 14–15 лет и считается «переходным» периодом от детства к взрослости с характерным серьезным кризисом, затрагивающим как физиологическое, так и психическое развитие ребенка. Как отмечают психологи М.Е. Хилько и М.С. Ткачева [29], в этот период в личности ребенка происходят следующие психологические изменения: высокое развитие познавательных процессов и творческой активности; становление теоретического мышления за счет усвоения понятий и умения пользоваться ими в логических и абстрактных рассуждениях; развитие самосознания, повышение значимости оценки внешности, способностей, знаний окружающими людьми; возникновение потребности в доверительном общении, в уважении к их мнению, желание быть услышанными; стремление завоевывать уважение у сверстников, обладающими, по их мнению, более значимыми качествами; для мальчиков объектом подражания становятся «настоящие мужчины» — смелые, мужественные, выносливые, верные дружбе, обладающие силой воли, выдержкой.

Ведущей деятельностью становится интимно-личностное общение, формируется подростковая дружба. Учебная деятельность отступает на второй план. Только в ситуации общения дети подросткового возраста принимают общественные нормы и правила поведения, подражают, идентифицируют себя со значимыми образцами поведения, вырабатывают свой «кодекс чести», примеряют роли и маски. Через обучение, спортивное и художественное воспитание, через этапы социализации дети определяют свой путь, свою значимость, самооценку, самостоятельность, занимают свое место в обществе.

Психологи выделяют такие новообразования подросткового возраста:

- основное новообразование — чувство взрослости;

- конструирование «Я-концепции», predetermined развитием самосознания, рефлексии, направленной на осознание подростком себя, особенностей своей личности, характеризующейся в потребности к самореализации;
- склонность к рефлексии (основной формой самопознания становится критическое отношение к себе и сравнение себя со сверстниками и взрослыми);
- интерес к противоположному полу (появляется потребность стать лучше по средствам самосовершенствования и самовоспитания);
- особое развитие волевых качеств (выносливость, выдержка, терпение, настойчивость, концентрация внимания, сосредоточенность, работоспособность);
- потребность в деятельности, имеющей личностный смысл (отмечается дифференцированное отношение к учебе; происходит выбор будущей профессии; повышается познавательная и творческая активность; формируется система личностных ценностей).

Анализ различных источников по проблеме нашего исследования позволил сделать вывод о том, что подростковый возраст является наиболее сенситивным этапом развития личности ребенка для создания благоприятных условий формирования ценностного отношения к семье и браку, поскольку главными социально-психологическими приобретениями этого возраста являются: появление осознанного отношения к самому себе, открытие своего внутреннего мира, установление отношений с близкими и окружающими, появление чувства «взрослости», изменение в самосознании, устремленность в будущее и формирование идеалов. Усвоенные привычки и отношения к окружающим явлениям и обществу у подростков постепенно переходят в принципы и нормы поведения, формируется мировоззрение — все это создает благоприятную основу для формирования успешной идентификации себя с будущей ролью ответственного семьянина. Теперь перейдем к рассмотрению социально-психологических особенностей детей, воспитывающихся в условиях учреждения социального обслуживания населения. Для этого приводится сравнительная таблица 2, где указаны данные особенности подростков, воспитывающихся в семье и вне семьи.

Таблица 2. Сравнительная характеристика социально-психологических особенностей подростков, воспитывающихся в семье и вне семьи

Параметр	Характеристика социально-психологического развития	
	Подростки, воспитывающиеся в семье	Подростки, воспитывающиеся в учреждении социального обслуживания населения (по В.Н. Ослон, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Е.В. Силиной)
Интеллект	Качественно улучшаются все параметры внимания. Улучшается память. Перенастраиваются процессы мышления. Развивается теоретическое мышление (гипотеза, дедукция). Самостоятельное мышление	Ситуационность, классификационность и наглядность мышления, обедненность содержания мотивов деятельности
Образ «Я»	Образ «Я» становится более целостным. Подросток видит разрыв между «Я»-идеальным и «Я»-реальным	Более низкая эмоциональная оценка и стабильность «образа Я», доминирующее положение во внутреннем мире «образа Другого»
Познание	Качественно улучшаются все параметры внимания. Улучшается память. Перенастраиваются процессы мышления, теоретическое мышление. Самостоятельное мышление	Формально усвоенные знания и навыки

Нравственность	Формирование ответственности за себя и свою жизнь. Способность к самооценке и самосовершенствованию. Формирование социально приемлемой модели поведения	Склонность к саморазрушающему поведению. Легкомыслие, безответственность, иждивенчество
Деятельность	Способность к волевой деятельности: постановка цели, планирование. Желание участвовать в общественной деятельности. Стремление проявить себя в творчестве	Ориентация на внешний пошаговый контроль. Отсутствие целеустремленности, направленной на будущую жизнь. Желание быть незаметным. Состояние беспомощности
Временная перспектива	Постановка задач по самосовершенствованию. Прописывание жизненного сценария. Формирование цели-мечты	Ориентация на настоящее, суженная перспектива прошлого и будущего. Бесформенность жизненных планов, стремление к удовлетворению только самых насущных потребностей
Я-концепция	Созидательное структурирование «Я-концепции»	Формирование основных концептуальных представлений о себе неприятие себя, недоверие к себе, самооценка, ориентация на мнение посторонних, ощущение «Я» и «Мы»
Общение	Общение — ведущая деятельность у детей подросткового возраста. Формирование потребности в признании в группе сверстников. В этот период сверстник становится для подростка непосредственным субъектом коммуникации	Отсутствие потребности в эмоциональном контакте. Доминирование защитных форм поведения или деструктивная агрессия в решении конфликтов. Бедность, схематичность гендерной самоидентификации

Приведенные выше особенности подростков, оставшихся без попечения родителей, формируются либо усиливаются под воздействием фактора депривации, то есть недостаточности или отсутствия каких-либо условий для полноценной жизни и психического развития подростка. С этим фактором мы связываем основную особенность воспитательной среды интернатных учреждений, о которой и пойдет речь далее. В своем исследовании мы опирались на подробное описание данного явления чехословацкими психологами И. Лангеймером и З. Матейчиком, диссертационное исследование Г.И. Плясовой, а также на научные труды психологов Т.А. Поповой, Л.Р. Аптикиевой, М.С. Бурсаковой. В связи с темой исследования, обозначим следующие виды депривации: личностную, семейную, социально-культурную, социально-предметную, спровоцированные характерными негативными факторами, а также имеющие определенные психологические последствия и проявления (таблица 3).

Таблица 3. Виды, факторы и последствия психической депривации

Вид депривации	Негативный фактор	Психологическое последствие
Личностная	Частая перемена интернатных учреждений и, соответственно, воспитателей. Отсутствие значимого взрослого	Идеализация неблагополучных родителей, усвоение негативной модели поведения. Неспособность испытывать глубокую душевную привязанность к партнеру
	Вынужденная ориентация на официально принятые нормы, так как воспитатели для подростка — лишь формальные носители знаний, образцов поведения, исполнители поощрений и наказаний	Феномен «отчуждения своего опыта» — переданные знания остаются формальными, отчужденными и не вызывают эмоционального, субъективного отношения, осознанного переживания

	Проживание в больших коллективах, вынуждающее приспосабливаться к большому числу сверстников, отсутствие условий для уединения	Эмоциональное напряжение и тревожность, усиливающие агрессию или обидчивость
	«Принудительный» характер общения со сверстниками	Феномен вынужденной любви и дружбы
	Проживание в условиях полного государственного обеспечения	Иждивенческая позиция по отношению ко всем окружающим
Семейная	Отсутствие родительской любви и заботы	Отклонения в состоянии здоровья и психическом развитии, чаще всего — это задержка психического развития
	Отсутствие естественной возможности присвоения поведенческих форм, интересов и ценностей своего пола	Низкая дифференцированность гендерной идентичности детей, выросших в условиях интернатного учреждения
	Отсутствие чувства семейного «мы»	Отсутствие чувства безопасности
	Отсутствие родительского попечения, приводящего к формированию стихийного стайного чувства «мы»	Извлечение совместной выгоды от «чужих». Формирование особых поведенческих норм в отношении к «своим» (воспитанникам интернатного учреждения) и «чужим»
	Незавершенность процесса переживания по поводу потери родителей или разлуки с ними	Блокировка или торможение образования связей с социумом взрослых людей, вследствие чего осложняется развитие самопринятия и самоидентификации
Социально-культурная	Ограничение контактов воспитанников с более широкой социальной действительностью	Недоверие и боязнь внешнего мира, состояние беспомощности, неусвоенность социальных норм
	Обедненность общения со взрослыми, ограниченность круга взрослых	Неусвоенность нормативного ролевого поведения, в частности, роли будущего родителя
	Регламентация жизнедеятельности ребенка, ограничение личностного выбора	Затруднение развития внутреннего самоконтроля, саморегуляции личности. Низкий уровень самостоятельности и инициативности
	Нехватка моделей социального поведения для подражания и последующего усвоения	Трудности в усвоении и воспроизведении социального опыта
	Недостаток условий для знакомств и общения с родственниками в связи с жесткой нормативностью жизни	Отсутствие сформированности родственных чувств, неспособность налаживания тесных связей с родными своего супруга/супруги в будущем
	Наличие прошлого негативного опыта жизни в семье	Сформированность искаженного образа семьи
	Отсутствие положительной семейной истории, опыта следования традициям, проведения праздников	Отсутствие навыков к организации семейного досуга и праздников
	Не сформировано адекватное представление о гендерных ролях, нет образа поведения мужчины и женщины в их иерархической структуре сознания	Наряду с идеализацией образа семьи происходит гипертрофия ее отрицательного образа. Отрицательный образ семьи значительно сформирован, внесены краски эмоциональной агрессии и психологического насилия. Нет представлений о семье как о месте защиты от внешней агрессии и угроз. Положительный образ семьи отсутствует

	Нехватка воспитательных средств в сфере полового воспитания подростков в противовес стихийному влиянию СМИ	Несформированность культуры половых отношений
	Негативные примеры поведения, демонстрируемые в прошлом родителями	Некритичное восприятие подобных паттернов своего поведения и поведения окружающих
Социально-предметная	Отсутствие личного пространства.	Отсутствие бережливости и ответственности
	Недостаток в предметах семейно-бытового назначения	Неумение вести семейный быт

Теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования позволил разделить мнение Г.И. Плясова о том, что в учреждениях интернатного типа у подростков формируются психологические особенности характера и представления о семье, которые препятствуют освоению роли от мужчины-семьянина [20]. Следовательно, в данных учреждениях особенно актуальна организация педагогического процесса, направленного на формирование представлений о семейных ценностях через создание и реализацию комплекса специальных педагогических условий, учитывающих вышеперечисленные обстоятельства. Нами разработана и экспериментально апробирована социально-педагогическая модель, включающая такие взаимозависимые компоненты:

- принципы (гуманистической направленности, природосообразности, ориентации на социально-ценностные отношения, культуросообразности, эмоционально-положительного отношения к кровной семье, индивидуально-личностной педагогической поддержки, толерантного взаимодействия всех субъектов воспитательного процесса);
- подходы (гуманистический, аксиологический, нравственно-ориентированный коллективистский, личностно-ориентированный);
- компоненты (когнитивный, потребностно-мотивационный, эмоциональный, коммуникативный);
- этапы (познание, осмысление, эмоциональное переживание, воспроизведение);
- педагогические средства (лекция, беседа, дискуссия, «мозговой штурм», моделирование ситуации, ситуационное упражнение, презентация проекта, сюжетно-ролевая игра, просмотр и обсуждение фильмов, встреча с интересными людьми, групповая рефлексия, кейс-технологии, размышление, рефлексивное сочинение), блоки элементов содержания (любовь, семейный лад, продолжение рода, почитание родителей, представления о ролях в семье) (рисунок 1).

Мы разделяем точку зрения Г.И. Плясовой, о том, что процесс формирования ценностей у подростков, оставшихся без попечения родителей и находящихся на социальной реабилитации в учреждении социального обслуживания населения, должен осуществляться путем целенаправленной социализации и планомерного развития сферы: когнитивной, потребностно-мотивационной, эмоциональной, а также деятельностно-практической (коммуникативной). Содержательное представление компонентов и педагогические средства [30], применяемые для формирования семейных ценностей, представлены в таблице 4.

Экспериментальное исследование проводилось в Автономном учреждении социального обслуживания населения Тюменской области и дополнительного профессионального образования «Региональный социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Семья»». Исследование проводилось в период с мая 2017 по декабрь 2019 гг. Всего в исследовании приняло участие 34 подростка (17 человек — контрольная и 17 человек — экспериментальная группы).

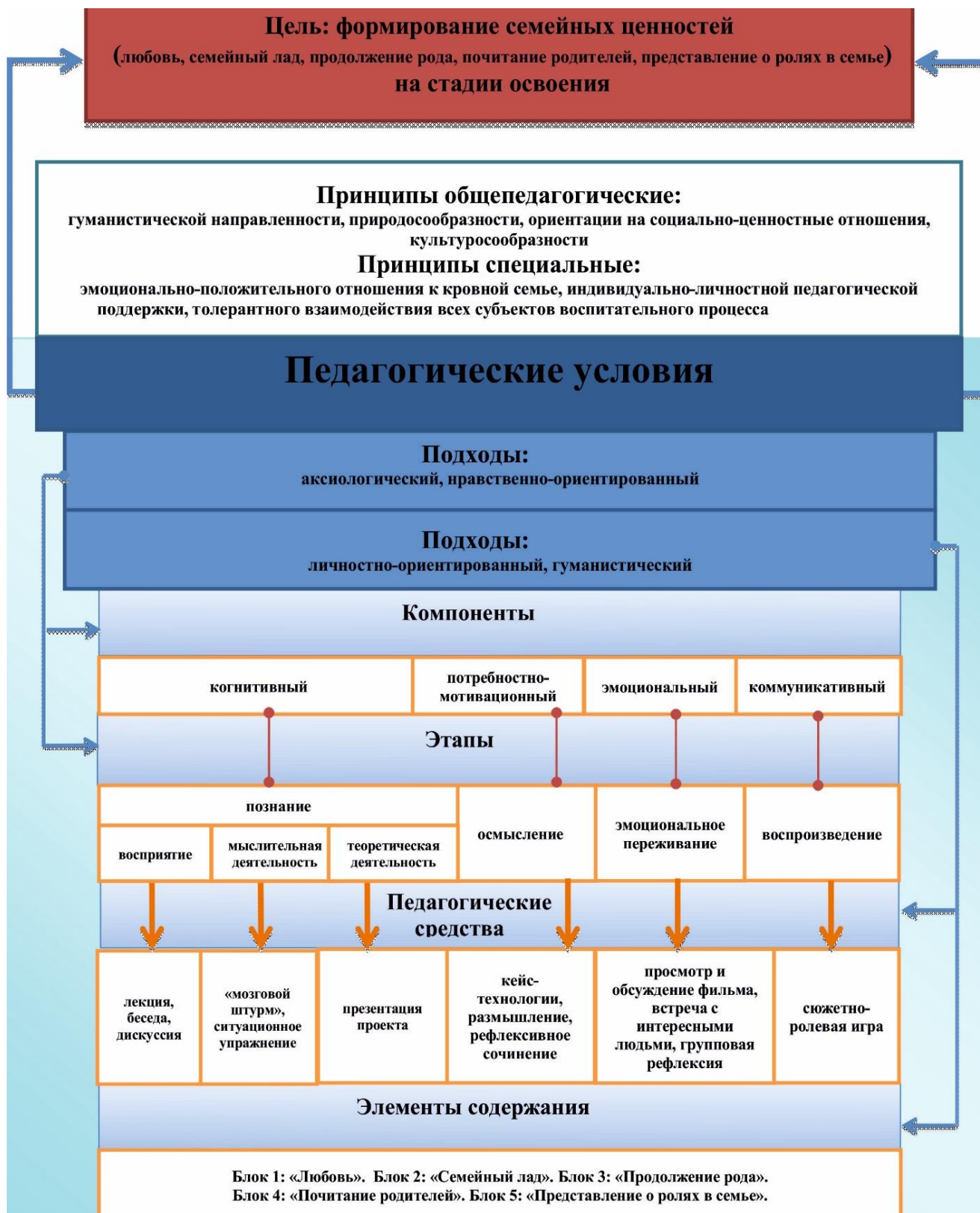

Рисунок 1. Модель формирования семейных ценностей у подростков, оставшихся без попечения родителей

Таблица 4. Социально-педагогические условия формирования семейных ценностей

Компонент	Содержание компонента	Педагогическое средство формирования семейных ценностей
Когнитивный	<ul style="list-style-type: none"> Сформированность представлений о роли родителей в семье, функций матери, отца, старшего поколения, детей в семье Сформированность культурных традиций в семье Осознанность целей создания семьи. Сформированность культурных половых отношений 	<ul style="list-style-type: none"> Внесение в содержательный обучающий аспект содержания компонентов Организация деловых игр, тренингов, семинаров Погружение в культурно-исторический опыт существования счастливых, наполненных смыслом и целями семей (фильмы, спектакли, наполненные семейными целями)
Эмоциональный	<ul style="list-style-type: none"> Сформированность представлений об истинной любви, как деятельностной ответственности перед членами семьи, поддержки, взаимопомощи, уважения, ответственности за всех членов семьи Культура взаимоотношений, с различными членами семьи: родители, старшее поколение, дети Сформированность понимания ответственности за семейный досуг Умение проводить совместный досуг 	<ul style="list-style-type: none"> Проведение тренингов, дискуссий, бесед, обсуждение фильмов, организация деловых игр с целью формирования умений адекватно выражать свои эмоциональные состояния и чувства Проведение дискуссий Выражение заботы о членах семьи, доверительных отношений между сестрами-братьями Изучение религиозных основ, посещение церкви и патриотических организаций
Потребностно-мотивационный	<ul style="list-style-type: none"> Сформированность мировоззрения о ценностных представлениях, о семейной жизни Сформированность понимания основной формы смыслового ценностного проживания — это наличие семьи и семейно-брачных отношений Сформированность мотивации на создание благополучной семьи, рождение и воспитание детей, как продолжателей своего рода 	<ul style="list-style-type: none"> Проведение дискуссий, семинаров, просмотры фильмов на тему: смысла жизни, жизненных идеалов, структурирования целеполагания, жизненных ориентиров Проведение ролевых игр в разновозрастных группах Проведение диспутов, семинаров с приглашением успешных людей, образцовых семей, многодетных отцов и матерей, сестер и братьев из многодетных семей Приглашение на беседы представителей из профессиональных династий
Деятельностно-практический	<ul style="list-style-type: none"> Сформированность практических умений и навыков, необходимых для ведения семейной экономики Сформированность устойчивых черт характера: силы воли, терпения, взаимоуважения. Сформированность коммуникативных умений и навыков разрешения конфликтных ситуаций на миролюбивой основе 	<ul style="list-style-type: none"> Организация деловых игр, направленных на формирование умений распоряжаться деньгами Психолого-педагогические дискуссии и тренинги, направленные на формирование умений вести домашнее хозяйство Организация ролевых игр с кухонными принадлежностями, сервировка стола, культура приема пищи, уборка квартиры, организация культуры быта

Эмпирическое исследование состояло из следующих этапов:

I. *Констатирующее исследование* — определение уровня сформированности семейных ценностей у подростков по следующим компонентам: когнитивному; потребностно-мотивационному; эмоциональному; коммуникативному.

II. *Формирующий эксперимент* — разработка и реализация программы по формированию семейных ценностей.

1. Разработка адаптированной для подростков, оставшихся без попечения родителей, программы, направленной на формирование стадии освоения семейных ценностей.

2. Апробация данной программы:

- подбор подростков в экспериментальную группу на основе собеседования;
- информирование педагогов и администрации учреждения о плане проведения занятий;
- проведение занятий с экспериментальной группой согласно разработанной программе;
- контроль динамики хода работы, предоставление научному руководителю «обратной связи» о ходе апробации программы.

3. Внесение необходимых коррективов в программу.

III. *Контрольное обследование.*

1. Повторное диагностическое обследование с целью определения уровня сформированности семейных ценностей у подростков по когнитивному, потребностно-мотивационному, эмоциональному, коммуникативному компонентам.

2. Описание результатов исследования.

В процессе научно-исследовательской деятельности было проведено общее констатирующее исследование контрольной и экспериментальной групп воспитанников Автономного учреждения социального обслуживания населения Тюменской области и дополнительного профессионального образования «Региональный социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Семья»» с целью определения уровня сформированности семейных ценностей по когнитивному, потребностно-мотивационному, эмоциональному и деятельностному компонентам. Предполагается, что стадии освоения выделенных семейных ценностей будут формироваться с помощью педагогических средств, применяемых поэтапно по схеме:

Первый этап познания:

- восприятие — лекция, беседа, дискуссия;
- активная мыслительная деятельность — «мозговой штурм», моделирование ситуации, ситуационное упражнение
- теоретическая деятельность — презентация проекта.

Второй этап осмысления:

- кейс-технологии, размышление, рефлексивное сочинение, час вопросов и ответов;
- этап эмоционального переживания — просмотр и обсуждение фильмов, встреча с интересными людьми, групповая рефлексия;
- этап воспроизведения освоенных ценностей — сюжетно-ролевые игры.

Материалы и методы

Подбор диагностического инструментария нашего исследования основывается на выявлении уровня сформированности семейных ценностей у подростков по когнитивному, потребностно-мотивационному, эмоциональному и коммуникативному компонентам.

Когнитивный компонент

1. Применение диагностического опросника «Семейные ценности» М.С. Константиновой и М.В. Мартыновой [31], включающий вопросы, по следующим разделам:

- деятельностная любовь, проявляющаяся в заботе ко всем членам семьи;
- сформированность уважительного отношения к родителям, старшим и младшим;
- гендерные семейные роли, сформированность понимания и уважения к ним;
- культура семейного быта.

2. Тест «Нравственная готовность к браку» Е.К. Погодиной [32] состоит из 16 вопросов-утверждений. Тест позволяет оценить уровень теоретических знаний о семье, ее функциях и роли в жизни человека, уровень представлений о взаимоотношениях в семье.

Эмоциональный компонент

Методика незаконченных предложений С.А. Романовича и Т.А. Масленицыной [31]. Цель методики направлена на изучение семейных установок и личностных эмоциональных отношений подростков к семье.

Потребностно-мотивационный компонент

1. Методика М. Рокича «Ценностные ориентации» позволяет изучать терминальные ценности, то есть осознание конечной цели жизни, инструментальные ценности — понимание того, что определенный образ жизни приводит к реализации этих целей [31]. Методика была адаптирована нами следующим образом: терминальные и инструментальные ценности представлены в виде отдельных карточек двух разных цветов, формулировки некоторых ценностей упрощены и конкретизированы. Все это позволяет оптимизировать процесс ранжирования, а также дает возможность уточнения первоначального решения.

2. «Уровень сформированности брачно-семейных представлений» мы выявляли с помощью анкеты Л.К. Алимгужиной [33].

Деятельностный компонент

1. «Гендерные роли», были изучены с помощью опросника М.С. Константиновой и М.В. Мартыновой [34].

2. Изучение готовности будущих супругов к конструктивному межличностному взаимодействию с помощью теста-карты оценки готовности к семейной жизни И.Ф. Юнды [35]. Таким образом, общую сформированность элементов семейных ценностей у подростков, оставшихся без попечения родителей (любовь, семейный лад, продолжение рода, почитание родителей, представление о ролях в семье), мы определяем по степени сформированности вышеперечисленных компонентов, так как считаем, что от степени их сформированности зависит степень готовности подростка к роли будущего семьянина.

Результаты и обсуждение

Анализ научных трудов:

- в области традиционных семейных ценностей (О.Г. Прохорова, Н.Г. Храмова, Э.Г. Эйдемиллер, Н.И. Олифирова), их становлению (А.Б. Беляева) и трансформации в современном обществе (Е.В. Порохнюк, М.С. Яницкий);
- в сфере научных исследований по проблеме формирования семейных ценностей у подростков (С.П. Акутина, Л.О. Володина, С.С. Федоренко, Е.К. Погодина, Д.В. Медкова, Ж.Н. Дюльдина) и, в частности, у детей, оставшихся без попечения родителей (Г.И. Плясова, Н.В. Гибадуллин, А.Б. Беляева);
- в области психологических теорий развития личности детей, оставшихся без попечения родителей (Й. Лангмейер, З. Матейчек, Т.А. Попова, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Е.В. Силина, В.Н. Ослон);
- в изучении педагогических аспектов процесса воспитания нравственных ценностей на различных стадиях (В.П. Бездухов, А.В. Воронцов, Б.П. Битинас, В.В. Давыдов и А.В. Петровский, М.А. Данилов, Л.И. Рувинский, Г.П. Иванова).

После проведения программы по формированию семейных ценностей у подростков, а также оставшихся без попечения родителей, мы провели повторное диагностическое обследование контрольной и экспериментальной групп с целью определить эффективность составленной нами программы. Полученные данные представлены в таблице 5.

Таблица 5. Результаты диагностического обследования экспериментальной группы, направленного на выявление уровня сформированности семейных ценностей до и после проведения формирующего эксперимента, n = 17 чел.

Компонент	Методика	Показатель, %									
		Высокий уровень		Средний уровень		Низкий уровень					
Когнитивный	«Семейные ценности» «Нравственная готовность к браку»	до	после	до	после	до	после	до	после		
		45	43	20	47	35	10				
		7	8	36	76	27	16				
Потребностно-мотивационный	«Уровень сформированности брачно-семейных представлений» «Ценностные ориентации»	6	12	63	71	31	17				
		Терминальные ценности				Инструментальные ценности					
		до		после		до		после			
		28	38	34	41						
Эмоциональный	Незаконченные предложения	2 степень		1 степень		0 степень		-1 степень		-2 степень	
		до	после	до	после	до	после	до	после	до	после
		8	10	23	35	53	41	9	7	7	7
Деятельностный	«Гендерные роли» «Готовность к семейной жизни»	Высокий уровень		Средний уровень		Низкий уровень					
		до	после	до	после	до	после	до	после		
		27	36	44	61	29	3				
		12	15	50	59	38	26				

Статистическая обработка данных методом расчета Т-критерия Вилкоксона показала, что при сравнении результатов диагностики констатирующего и контрольного этапов, величина Тэмп попадает в зону значимости. В таблице 6 представлены обобщенные результаты расчета Т-критерия Вилкоксона при сравнении данных констатирующего и контрольного этапов исследования [35].

Таблица 6. Обобщенные результаты расчета Т-критерия Вилкоксона при сравнении данных констатирующего и контрольного этапов исследования по компонентам сформированности семейных ценностей

Компонент сформированности семейных ценностей	Значение Т-критерия при n = 17			Вывод
	Ткр		Тэмп	
	P ≤ 0,01	P ≤ 0,05		
Когнитивный	132	155	3	Зона значимости
Потребностно-мотивационный	132	155	22	Зона значимости
Эмоциональный	132	155	35	Зона значимости
Деятельностный	132	155	5	Зона значимости

Таким образом, мы можем утверждать, что положительные изменения результатов сформированности семейных ценностей, зафиксированные после проведения формирующего исследования в экспериментальной группе, не случайны и значимы.

Выводы

Констатирующее исследование, направленное на выявление сформированности семейных ценностей в контрольной и экспериментальной группах по когнитивному, потребностно-мотивационному, эмоциональному и коммуникативному компонентам, выявило в целом преобладание среднего уровня сформированности данных компонентов. На основе

теоретического исследования проблемы формирования семейных ценностей у подростков, оставшихся без попечения родителей в условиях учреждения социального обслуживания населения, а также на основании анализа результатов практического экспериментального исследования, была разработана и апробирована программа реализации модели социально-педагогических условий, направленная на формирование стадии освоения семейных ценностей у данного контингента подростков.

Повторное исследование выявило в целом повышение процентного значения среднего и высокого уровней и уменьшение низкого уровня сформированности семейных ценностей в экспериментальной группе по когнитивному, потребностно-мотивационному, эмоциональному и коммуникативному компонентам. Повторное обследование контрольной группы выявило незначительные колебания процентного значения в пределах первоначальных числовых показателей. Таким образом, на основе результатов исследования можно говорить о том, что разработанная в статье модель и социально-педагогические условия (созданные на ее базе) по формированию семейных ценностей у подростков, оставшихся без попечения родителей, является эффективной, так как произошел положительный сдвиг между результатами до и после проведения программы.

Библиографический список

- [1] Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система: монография. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 143с.
- [2] Кант И. Сочинения в шести томах / Пер. с нем. Б.А. Фохта; под ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги и Т.И. Ойзермана. – Т. 4. – Москва: Мысль, 1965. – 478 с.
- [3] Гофман А.Б. Э. Дюркгейм о ценностях и идеалах // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 104–106.
- [4] Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем, сост., общ. ред. Ю.Н. Давыдова. – Москва: Прогресс, 1990. – 808 с.
- [5] Парсонс Т. Ценности, мотивы и системы действия. – Москва: Академический проект, 2002. – 800 с.
- [6] Фрейд З. О психоанализе // Психоаналитические этюды. – Минск: Попурри, 1997. – С. 4–56.
- [7] Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов (проблема ценности и марксистская философия). – Москва: Политиздат, 1967. – 352 с.
- [8] Педагогический энциклопедический словарь / Под ред. Б.М. Бим-Бада. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2009. – 527 с.
- [9] Бездухов В.П., Воронцов А.В. Теория и практика приобщения учащихся к ценностям. – Самара: СамГПУ, 2002. – 192 с.
- [10] Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя. – Москва: Госиздатполит, 1975. – 361 с.
- [11] Ценности, их природа и принципы классификации. Виды ценностей: конспект по философии: понятие и природа ценностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://poisk-istini.com/literatura/filosofiya-konspekty-lekciy-bushuev/cennosti-v-chelovecheskoj-zhizni-ix-priroda-i-principi-klassifikacii> (дата обращения: 21.04.2020).
- [12] Соловьев В.С. Оправдание добра. В 2 томах. Том 1 / Сост., общ. ред. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. – Москва: Мысль, 1990. – 511 с.
- [13] Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. – Москва: Мысль, 1979. – 325 с.
- [14] Погорельцова Ю.А. Психология личности: учебное пособие. – Санкт-Петербург: СПбГТУРП, 2011. – 105 с.

- [15] Храмова Н.Г., Алексеева Г.Г., Сараева А.А., Алтушкина Т.А. Культура семьи: учебное пособие. – Кострома: ГОУВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – 204 с.
- [16] Дюльдина Ж.Н. Формирование у юношей семейных ценностей в условиях поликультурной среды (на примере курсантов военного вуза): дис. ... канд. пед. наук. – Ульяновск, 2010. – 315 с.
- [17] Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия: учебное пособие для врачей и психологов. – Санкт-Петербург: Речь, 2003. – 336 с.
- [18] Медкова Д.В. Семейные ценности как объект социологического анализа // Ломоносовские чтения. – 2003. – № 2. – С. 55–57.
- [19] Яворская А.А., Дмитриева М.В. Ценности личности супругов в различных типах семейных систем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cs-alternativa.ru/text/2394/2> (дата обращения 15.05.2020).
- [20] Русецка А.М. Формирование культурных ценностей у ребенка в польской семье: автореф. дис. ... док.пед. наук. – Москва, 2007. – 45 с.
- [21] Акутина С.П. Формирование у старшеклассников семейных духовно-нравственных ценностей во взаимодействии семьи и школы: дис. ... д-р. пед. наук. – Нижний Новгород, 2010. – 511 с.
- [22] Безрукова О.Н. Проблемы народонаселения в зеркале истории // Шестые Валентеевские чтения: сборник докладов. – Москва: МАКС Пресс, 2010. – С. 159–167.
- [23] Володина Л.О. Духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье во второй половине XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Вологда, 2006. – 260 с.
- [24] Федоренко С.С., Кислова Н.Н., Мартынова М.В., Тихонова Е.В. Модель формирования семейных ценностей у детей и подростков: учебно-методическое пособие / Под. ред. Е.В. Вергизовой, Т.С. Воробейковой и О.В. Эрлиха. – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2014. – 403 с.
- [25] Семейный Кодекс Российской Федерации № 223-ФЗ от 29.12.1995: ред. от 29.12.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982 (дата обращения 23.05.2020).
- [26] Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования от 01.07.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 19.05.2020).
- [27] Домострой / Пер. В.В. Колесов; под ред. Л.А. Дмитриева. – Москва: Наука, 2016. – 400 с.
- [28] Порохнюк Е.В. Эволюция семейных ценностей в процессе трансформации традиционной семьи в российском и восточном обществах: социологический анализ // Вестник АГТУ. – 2013. – № 1(55). – С. 79–81.
- [29] Хилько М.Е., Ткачева М.С. Возрастная психология: конспект лекций. – Москва: «Юрайт», 2010. – 372 с.
- [30] Плясова Г.И. Воспитание будущего семьянина в условиях детского дома: дис. ... канд. пед. наук. – Барнаул, 2008. – 190 с.
- [31] Психологические тесты для профессионалов / Авт. сост. Н.Ф. Гребень. – Минск: Современная Школа, 2007. – 496 с.
- [32] Погодина Е.К. Основы семейной жизни: учебное пособие. – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2003. – 94 с.
- [33] Алимгужина Л.К. Мир, в котором я живу: дополнительная общеобразовательная программа подготовки к самостоятельному проживанию воспитанников и выпускников организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. – Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2016. – 56 с.

- [34] Формирование семейных ценностей у детей среднего школьного возраста средствами образовательной деятельности: методическое пособие / Под ред. О.А. Щекина. – Санкт-Петербург: ВВМ, 2015. – 128 с.
- [35] Савинков В.И., Бакланов П.А. Социальная оценка качества и востребованность образования: учебное пособие / Под ред. Г.В. Осипова. – 2-е изд., перераб. и дополн. – Москва: «Юрайт», 2020. – 255 с.

References

- [1] Yanitskiy, M.S. (2000). *Value orientations of a personality as a dynamic system*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ.
- [2] Kant, I. (1965). *Works in six volumes: Volume 4*. Moscow: Mysl.
- [3] Hoffman, A.B. (1991). E. Durkheim on values and ideals. *Sociological Research*, (2), 104–106.
- [4] Weber, M. (1990). *Selected works*. Moscow: Progress.
- [5] Parsons, T. (2002). *Values, motives and systems of action*. Moscow: Academic Project.
- [6] Freud, Z. (1997). On psychoanalysis. In *Psychoanalytic etudes* (pp. 4–56). Minsk: Potpourri.
- [7] Drobnitskiy, O.G. (1967). *The world of objects that come to life (The value problem in Marxist philosophy)*. Moscow: Politizdat.
- [8] Bim-Bad, B.M. (Ed.). (2009). *Pedagogical encyclopedic dictionary*. Moscow: Great Russian Encyclopedia.
- [9] Bezdukhov, V.P., & Vorontsov, A.V. (2002). *Theory and practice of introducing students to values*. Samara: SamSPU.
- [10] Rosenthal, M.M. (Ed.). (1975). *Philosophical dictionary*. Moscow: Gosizdatpolit.
- [11] Values, their nature and principles of classification. Types of values: a synopsis on philosophy: the concept and nature of values. (2019). Retrieved from <https://poisk-istini.com/literatura/filosofiya-konspekty-lekciy-bushuev/cennosti-v-chelovecheskoj-zhizni-ix-priroda-i-principi-klassifikacii>.
- [12] Soloviev, V.S. (1990). *The justification of the good*. Moscow: Mysl.
- [13] Kharchev, A.G. (1979). *Marriage and family in the Soviet Union*. Moscow: Mysl.
- [14] Pogoreltseva, Yu.A. (2011). *Psychology of personality*. Saint Petersburg: SPbGTURP.
- [15] Khramova, N.G., Alekseeva, G.G., Saraeva, A.A., & Altushkina, T.A. (2005). *Family culture*. Kostroma: Kostroma State University named after N.A. Nekrasov.
- [16] Dyuldina, Zh.N. (2010). *Formation of family values among young men in a multicultural environment (on the example of cadets of military high school)* (Candidate thesis, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. Ulyanov, Ulyanovsk, Russian Federation).
- [17] Eidemiller, E.G., Dobryakov, I.V., & Nikolskaya, I.M. (2003). *Family diagnosis and family psychotherapy*. Saint Petersburg: Rech.
- [18] Medkova, D.V. (2003). Family values as an object of sociological analysis. *Lomonosov Readings*, (2), 55–57.
- [19] Yavorskaya, A.A., & Dmitrieva, M.V. (2017). *Personal values of spouses in different types of family systems*. Retrieved from <http://cs-alternativa.ru/text/2394/2>.
- [20] Rusecka, A.M. (2007). *The formation of cultural values in a child in a Polish family* (Doctoral thesis, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation).
- [21] Akutina, S.P. (2010). *Formation of high school students' family spiritual and moral values in the interaction of family and school* (Doctoral thesis, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation).
- [22] Bezrukova, O.N. (2010). Population problems in history's mirror. In *Sixth Valentyev readings: collection of reports* (pp. 159–167). Moscow: MAKS Press.
- [23] Volodina, L.O. (2006). *Spiritual and moral values of education in a Russian family in the second half of the XIX — early XX century* (Candidate thesis, Vologda State Technical University, Vologda, Russian Federation).

- [24] Fedorenko, S.S., Kislova, N.N., Martynov M.V., & Tikhonova, E.V. (2014). *Model of the formation of family values in children and adolescents*. Saint Petersburg: Svoye izdatelstvo.
- [25] Family Code of the Russian Federation No 223-FZ. (1995, December). Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982.
- [26] Constitution of the Russian Federation with amendments approved during the all-Russian vote of July 1, 2020. (1993, December). Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.
- [27] Dmitriev, L.A. (Ed.). (2016). *The household book*. Moscow: Nauka.
- [28] Porokhnyuk, E.V. (2013). Evolution of family values in the course of transformation of a traditional family in the Russian and East societies: Sociological analysis. *Bulletin of the Angarsk State Technical University*, 1(55), 79–81.
- [29] Khilko, M.E., & Tkacheva, M.S. (2010). *Developmental psychology*. Moscow: Yurayt.
- [30] Plyasova, G.I. (2008). *Education of the future family man in an orphanage* (Candidate thesis, Barnaul State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation).
- [31] Greben, N.F. (Ed.). (2007). *Psychological tests for professionals*. Minsk: Sovremennaya Shkola.
- [32] Pogodina, E.K. (2003). *Fundamentals of family life*. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov.
- [33] Alimguzhina, L.K. (2016). *The world I live in: An additional general educational program for preparing pupils and graduates of the organization for independent living for orphans and children left without parental care*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.
- [34] Shchekina, O. (Ed.). (2015). *Formation of family values in children of secondary school age by means of educational activities*. Saint Petersburg: VVM.
- [35] Savinkov, V.I., & Baklanov, P.A. (2020). *Social assessment of quality and demand for education*. Moscow: Yurayt.

Получена / Submitted: 02/07/2020

Доработана / Revised: 31/07/2020

Принята к публикации / Accepted: 18/08/2020

УДК 316.4

ВЛИЯНИЕ ГЕОБРЕНДА РЕГИОНА НА РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ

Ольга Ивановна Попова¹, Нафиса Миннуловна Гагарина²

¹*Кафедра маркетинга и международного менеджмента, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация*

²*Кафедра делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается влияние геобренда региона на экспортную деятельность вузов, которое доказывается статистическими данными об интересе иностранной молодежи к вузам города Екатеринбурга. На основе контент-анализа публикаций в официальных СМИ г. Екатеринбурга утверждается, что происходит геотрансформация имиджа города, то есть переход от исторически сложившегося образа промышленного региона в культурную современную столицу, привлекательную для иностранных студентов. Вводится понятие геотрансформации. Геотрансформация города, а также новые направления его позиционирования как делового, культурного и спортивного центра, которые были зафиксированы в официальных СМИ, дают возможность познакомиться иностранным абитуриентам с историческими, культурными и экономическими характеристиками региона. Авторы считают, что вузы Екатеринбурга, занимающие высокие места в российском рейтинге университетов по качеству образовательных услуг и престижности учебы в них, также являются частью современного бренда уральского региона. По показателю «доходность экспортной деятельности» был составлен рейтинг университетов, первые места в котором занимают: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский государственный экономический университет и Уральский государственный горный университет. Эти вузы ведут активную работу по привлечению и адаптации иностранных студентов, разрабатывая магистерские программы на иностранных языках, реализуя программы обмена студентов и преподавателей с ведущими мировыми университетами. В заключении статьи представлены результаты опроса иностранных студентов УрФУ и УрГЭУ, которые показывают, что основными критериями при выборе вузов являются признание полученного университетского диплома на родине и интерес к региону, где расположен университет. Источниками информации, из которых они узнали о вузе, стали: интернет, чемпионат мира по футболу и представители университета, посещавшие их страну. Все это свидетельствует о динамизме развития уральского региона, инновационном ходе его истории и способности привлекать молодежь из разных стран.

Ключевые слова: геобренд региона, геотрансформация, экспорт образовательных услуг, адаптация иностранных студентов, деятельность университетов.

Impact of Geobrand of the Region on the Development of Export Activities of Universities

Olga I. Popova¹, Naphisa M. Gagarina²

¹*Department of Marketing and International Management, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation*

²*Department of Business Foreign Language, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation*

Abstract. The paper deals with the influence of the region's geobranding on the export of educational services. The statistics shows the interest of foreign youth to the higher educational establishments of Ekaterinburg. Based on the content analysis of the publications in the official media of Ekaterinburg, the authors suggest that there is a geotransformation of the city's image. That is, the transition from the image of a historically established industrial region to the image of a modern cultural capital which attracts foreign students. The concept of "geotransformation" is introduced. Geotransformation of the city image and its positioning as a

business, cultural and sports center is actively done by the official mass media, which helps foreign applicants to learn about the historical, cultural and economic characteristics of the region. Many universities in Ekaterinburg occupy high positions in the Russian universities ranking in terms of the quality of education and the prestige of studying there. These universities have managed to increase their total revenue from their services export, which results from foreign students' interest to studying at Ural universities. The main providers of educational services in the region are the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, the Ural State University of Economics and the Ural State Mining University. The universities are actively working to attract and adapt international students. They are developing Master degree programs in foreign languages and exchange programs for students and teachers with the leading foreign universities. A survey of foreign students at Ural Federal University and Ural State University of Economics showed that the main criteria for choosing universities were the recognition of a university diploma in their home country and the interest in the region where the university is located. The sources from which they learned about the universities were the Internet, the 2018 FIFA World Cup held in the city and the university representatives visiting their country.

Keywords: geobrand of the region, geotransformation, export of educational services, adaptation of foreign students, university activities.

Введение

Процесс продвижения «бренда» российского образования и усиления образовательного тренда миграции иностранной молодежи становится все более актуальным в условиях повышения конкуренции вузов на мировом уровне. Документом, определяющим данный процесс в Российской Федерации, является паспорт проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», утвержденный Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 30.05.2017. Данный документ разработан в целях увеличения числа иностранных граждан, обучающихся очно в российских вузах с 200 тыс. чел. (2017 г.) до 710 тыс. чел. (2025 г.) [1; 2]. Для более эффективной реализации проекта предполагается совершенствовать нормативную базу по приему и обучению иностранных студентов и признанию дипломов, полученных на предыдущей стадии обучения, и последующему признанию дипломов российских вузов в стране их проживания. Важным фактором при выборе вуза для получения образования иностранными студентами в г. Екатеринбурге является не только университет, но и регион как бренд. Цель данной статьи — анализ влияния геобренда г. Екатеринбурга и бренда ведущих вузов региона на выбор иностранными студентами вуза для обучения. В связи с этим, задачами исследования стали:

- на основе публикаций в официальных СМИ определить современные характеристики геобренда г. Екатеринбурга.
- проанализировать статистические показатели экспортной деятельности ведущих вузов г. Екатеринбурга.
- определить критерии выбора, методы поиска и получения информации иностранными студентами для обучения в вузах г. Екатеринбург.
- выявить взаимосвязь между современными характеристиками бренда г. Екатеринбурга и критериями выбора иностранными студентами вуза для обучения.

На основе контент-анализа публикаций в официальных источниках, проведен обзор геотрансформации имиджа г. Екатеринбурга, формируемый с 2017 г. На основании кабинетных исследований было проведено обобщение и сравнение вторичных статистических данных о развитии брендов ведущих вузов г. Екатеринбурга и результатах набора иностранных студентов. Определены инструменты, используемые для привлечения иностранных абитуриентов, а также методы повышения уровня удовлетворенности студентов условиями адаптации и обучения в выбранном вузе. Для проведения социологического полевого количественного исследования по определению критериев выбора вуза для обучения иностранными студентами, проведен онлайн-опрос студентов, обучающихся в трех ведущих

вузах города Екатеринбурга, с помощью сервиса Google Формы. Методологическую основу исследования составили теории маркетинга территории и социологии. На основе структурно-логического анализа и дедукции выявлена взаимосвязь между брендом региона и выбором иностранными студентами вуза для обучения.

Материалы и методы

Брендинг территорий, или геобрендинг — это стратегия повышения конкурентоспособности регионов с целью привлечения инвесторов, туристов, новых жителей, квалифицированных мигрантов и другой целевой аудитории. Он является частью системы развития территории, служит способом позитивной идентичности места, а также дает возможность переосмысления значимости места теми людьми, которые связаны с ним различным образом. Геобрендинг — это коммуникационная стратегия, которая представляет особую важность для продвижения территории, формируется под конкретный регион для самопрезентации в отношении ряда целевых аудиторий, обеспечивает комплексность и наглядность дифференциации территории во многом за счет создания ее социокультурного портрета [3]. Базовыми параметрами брендинга Д. Хоутон и Э. Стивенс считают следующие: бренд должен выражать только позитивные стороны города; бренд города претендует на то, чтобы изменить общественное представление о городе; между брендом города и его идентичностью должна существовать негласная связь; бренд города способен влиять на интерпретацию города людьми.

Заинтересованными сторонами (стейкхолдерами) геобренда являются административные, деловые, политические структуры, СМИ, учреждения образования и культуры конкретных регионов. Город Екатеринбург обладает геобрендом, который связан с формированием общеуральского горнозаводского центра в эпоху Петра I. Выгодное пересечение торговых путей и богатство природных ресурсов определяло развитие промышленного региона. В последнее время город Екатеринбург трансформировал свой образ и превратился в столичный и открытый для коммуникационных процессов центр [4]. Можно предположить, что происходит процесс геотрансформации бренда города Екатеринбурга.

Трансформация (лат. *transformatio* — «преобразование», «превращение») — это закономерное изменение основной модели, приводящее к созданию вторичной структуры [5]. В данной статье под геотрансформацией будем понимать закономерное изменение исторически сложившегося образа города Екатеринбурга в глазах целевых аудиторий, направленное на формирование современной привлекательности территории. Геотрансформация Екатеринбурга проявляется в создании максимально благоприятного инновационного климата, установлении информационно-технологических связей, обеспечении экономической и экологической безопасности [6], проектировании развитой инфраструктуры [7], соответствующей международным стандартам, и обязательно в культурном ландшафте [8], обусловленном в том числе местной архитектурой, часть которой досталась горожанам «в наследство», а другая — проектируется и возводится сейчас, «создавая» новый образ города, в котором предстоит жить будущим поколениям [9; 10]. При развитии нового геобренда Екатеринбурга соединяются исторические традиции и новые направления в архитектуре, что подчеркивает историческую значимость происхождения территории [11].

С помощью контент-анализа, были рассмотрены PR-тексты официальных СМИ, так как именно они в большей степени транслируют положительный имидж Екатеринбурга и исходят от «заинтересованной стороны». На основе более чем 250 текстов был проанализирован медиа имидж г. Екатеринбурга, транслируемый из 5 ресурсов за период с 2017 г. по май 2020 г. В числе рассматриваемых ресурсов: официальный портал Екатеринбурга [12]; официальный сайт Правительства Свердловской области [13]; Законодательное собрание Свердловской области [14]; Екатеринбургская городская дума [15]; Администрация Ленинского района [16]. В ходе анализа были выявлены отличительные характеристики, наиболее часто транслируемые в пресс-релизах как неотъемлемые черты имиджа города Екатеринбурга (таблица 1).

Таблица 1. Характеристики г. Екатеринбурга, транслируемые официальными СМИ с 2017 г. по май 2020 г.

Характеристика	Год			
	2017	2018	2019	До мая 2020 года
	% публикаций			
Культурный	42	30	34	26
Социальный	30	60	62	60
Образовательный	20	16	20	32
Развивающийся, инновационный	24	20	28	26
Туристический	18	24	26	24
Спортивный	16	14	18	18
Строящийся	18	12	14	14
Исторический	14	14	15	14
Молодежный	12	8	10	10
Международный	12	16	18	17
Экономически привлекательный	10	12	12	12
Медицина	8	18	21	38
Безопасный	8	8	8	14
Промышленный, производственный	8	4	4	12
Научный	6	4	4	8
Торговый	4	4	5	4
Развитая инфраструктура	2	26	27	24
Агрономический	2	2	2	2
Патриотический	4	4	4	3
Религиозный	2	2	2	2

Контент-анализ официальных СМИ показал, что с 2017 года Екатеринбург активно позиционируется главным образом как культурная и спортивная столица. В 2018 году увеличилось число публикаций, посвященных развитию инфраструктуры города, системе здравоохранения, туризму, международному сотрудничеству [17]. В 2019 году увеличивается количество статей, посвященных образованию, инновациям, внутреннему туризму, международным событиям и медицине. В 2020 году в связи с пандемией возросло количество публикаций, связанных с медицинским обслуживанием в городе, разработками и производством аппаратов искусственной вентиляции легких (ИВЛ), онлайн-обучением в школах и вузах. Таким образом, в зависимости от социального запроса, город позиционирует себя как активно отвечающий требованиям ситуации и времени. Это, на наш взгляд, и есть геотрансформация г. Екатеринбурга, влияющая на многие процессы, в том числе и привлечение иностранных студентов.

Все сказанное выше свидетельствует о геотрансформации Свердловской области, то есть происходит трансформация образа уральской старопромышленной территории как «опорного края державы» в образ развивающегося региона с современной столицей, приобретающей черты мирового мегаполиса. В Екатеринбурге расположены 39 высших учебных заведений, многие из которых занимают высокие позиции в российском рейтинге университетов по качеству образовательных услуг и престижности учебы в них. В свою очередь это говорит о динамизме развития рассматриваемого региона, его инновационном ходе истории и способности привлекать молодежь как из разных уголков России, так и других стран. Дополнительно интерес иностранной молодежи к столице Свердловской области вызван географическим расположением уральского региона, разделившим Европу и Азию, но объединившим экономические интересы Запада и Востока, а также разные культурно-исторические традиции [18].

Положительное экономическое влияние геобренда Екатеринбурга и Свердловской области на образовательный тренд миграции иностранной молодежи можно проследить на примере статистических данных. Так, в учебном году 2016/2017 гг. вузами Свердловской области было реализовано 970 очных контрактов и 537 заочных контрактов, что позволило университетам получить доход от экспорта образовательных услуг в объеме 151 462 435 рублей. В 2017/2018 учебном году количество очных контрактов на обучение иностранных граждан возросло на 157 % по отношению к предыдущему году, при этом общая сумма по ним составила 203 614 764 рублей. В то же время количество заочных контрактов сократилось на 87 %, что сказалось на доходности вуза от экспортной деятельности, которая в 2017/2018 учебном году составила 33 776 250 рублей. Положительным моментом здесь является тот факт, что, несмотря на разные тренды экспортных услуг, университетам удалось повысить общую доходность со 151 462 435 рублей до 237 391 014 рублей в год, что доказывает заинтересованность иностранных студентов в том, чтобы приехать в Екатеринбург и учиться в уральских вузах. Эффекты от образовательной миграции представляют собой сумму вкладов в экономику и положительных экстерналий (в частности, экстерналии для инновационной системы, местного малого бизнеса, для рынка рабочих мест) [19]. В разрезе деятельности университетов (см. таблицу 1) в 2017/2018 учебном году наибольшую доходность от экспорта образовательных услуг имеет Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (158 млн руб.) за счет очной и заочной контрактной формы обучения иностранных граждан (таблица 2) [20].

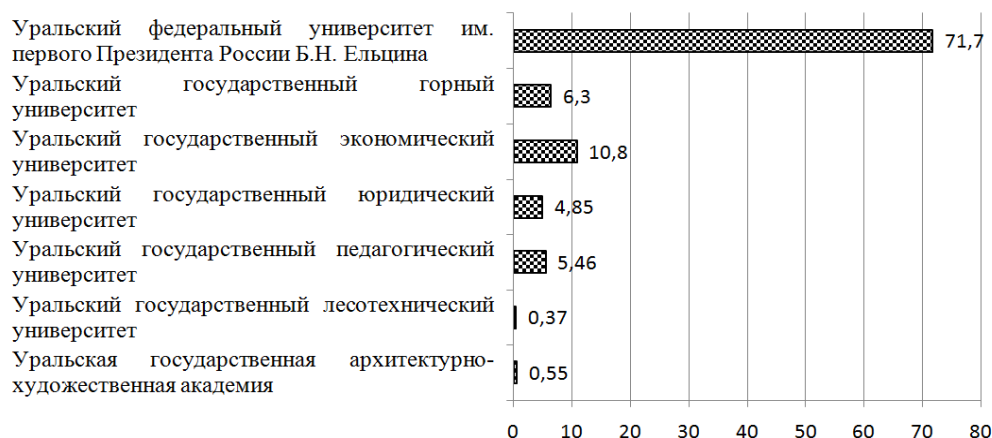
Таблица 2. Экспорт образовательных услуг государственных вузов Свердловской области в 2017/2018 учебном году

№	Вуз	Общее число обучающихся иностранных граждан, чел.	Очная контрактная форма обучения, чел.	Сумма, руб.	Заочная контрактная форма обучения, чел.	Сумма, руб.
1.	Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина	1164	1 026	145 995 740	138	11 890 850
2.	Уральский государственный экономический университет	288	172	21 929 000	116	7 630 000
3.	Уральский государственный горный университет	215	123	12 841 676	92	5 682 330
4.	Уральский государственный педагогический университет	154	121	11 109 200	33	1 917 400
5.	Уральский государственный юридический университет	131	68	9 868 400	63	4 964 400
6.	Уральский государственный лесотехнический университет	23	7	749 600	16	753 150
7.	Уральская государственная архитектурно-художественная академия	15	7	1 121 148	8	938 120
Итого		1 990	1 524	203 614 764	466	33 776 250
Итого, руб.		237 391 014				

Источник: составлено авторами на основе данных статистического сборника «Экспорт российских образовательных услуг» [21].

Второе место по доходности от экспорта образовательных услуг иностранным гражданам занимает Уральский государственный экономический университет (29,5 млн руб.). Третье место — Уральский государственный горный университет, обучение иностранных граждан в

котором обеспечило приток денежных ресурсов в размере 18,5 млн руб. Выросло число обучающихся иностранных граждан, что является доказательством влияния геобренда Екатеринбурга на выбор вуза иностранной молодежью. В рейтинге ведущих вузов Свердловской области по доходности очных контрактов на обучение иностранных граждан также лидируют Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский государственный экономический университет, Уральский государственный горный университет (рисунок 1).

Рисунок 1. Рейтинг вузов Свердловской области по их доходности очных контрактов в рамках экспортной деятельности, %

Рассмотрим более подробно международную деятельность по реализации проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» двух ведущих вузов г. Екатеринбурга: Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина и Уральского государственного экономического университета. По данным на 1 апреля 2020 года в УрФУ обучается 4 300 иностранных студентов из 110 стран мира (на 1 апреля 2019 года обучалось 3 807 иностранных граждан из 78 стран мира). В Уральском регионе университет является лидирующим вузом по подготовке иностранных студентов. Согласно мониторингу эффективности вузов РФ, показатель международной деятельности УрФУ находится на отметке 11,8 % (в 2019 году — 10,8 %) при минимальном пороговом значении 1 % [22]. Университет признается зарубежными вузами и участвует в международных рейтингах QS, Times, Nimes Higher Education, Multirank, Webometrics. Университет укрепляет свои позиции в международных профессиональных ассоциациях ECPR, PCMD, EFMD, университет Арктики. Заключены и успешно реализуются соглашения с образовательными организациями из Армении, Австрии, Азербайджана, Бразилии, Бельгии, Венгрии, Германии, Греции, Дании, Ирландии, Ирана, Индии, Италии, Испании, Казахстана, Китая, Канады, Киргизии, Латвии, Малайзии, Монголии, Нидерландов, Румынии, Сербии, Словакии, США, Японии и другими странами. В Уральском федеральном университете обучается 159 иностранных аспирантов, работает 40 зарубежных преподавателей из 40 стран мира, разработано 19 магистерских и 41 программа аспирантуры на английском языке, которые являются одним из наиболее привлекательных образовательных продуктов. Список партнеров УрФУ включает около 500 зарубежных университетов из 62 стран мира. Для продвижения УрФУ на рынках дальнего зарубежья заключены договоры с Международной редакцией Russia Beyond the Headlines. Вуз активно участвует в образовательных выставках в ведущих университетах Малайзии, Таиланда, Китая, Испании, что позволяет привлечь иностранных студентов на магистерские программы. Информационные и рекламные материалы УрФУ издаются на иностранных языках (буклеты, презентации и так далее), разработан новый гид для иностранных студентов. Вуз активно продвигает себя в социальных сетях на языках Юго-Восточной Азии, Китая, Индии, Ближнего Востока, Латинской Америки.

В университете успешно работает Подготовительное отделение. Для адаптации иностранных студентов создана система студентов-волонтеров «Бадди» (около 100 человек), которая отвечает за первоначальную адаптацию иностранных студентов. Уральский государственный экономический университет — это второй ведущий вуз Урала. В 2017–2018 уч. году в УрГЭУ обучалось 492 студента из 45 стран мира. В 2018–2019 учебном году — 525 студентов из 50 стран мира. На 1 апреля 2020 года день в вузе обучается 1 168 иностранных студентов из 56 стран мира. Уральский государственный экономический университет вошел в реестр вузов Германии в высшую категорию Н+ в 2007 г. Диплом вуза признан в Европе. УрГЭУ является полноправным членом международных и региональных ассоциаций и объединений: Ассоциации «Евразийский экономический клуб ученых», Европейской организации розничной торговли (ERA), Европейской ассоциации ведущих бизнес-школ гостиничного менеджмента (EURHODIP), Ассоциации бизнес-школ Восточной и Центральной Европы (СЕЕМАН), Национального комитета содействия экономическому сотрудничеству со странами Латинской Америки, а также другими. Важным фактом, подтверждающим ориентированность университета на международное сотрудничество, является то, что на базе УрГЭУ действует штаб-квартира Ассоциации иностранных студентов России. УрГЭУ активно сотрудничает со 117 университетами 39 стран мира (Эквадор, Мексика, Уругвай, Гватемала, Парагвай, Бенин, Экваториальная Гвинея, Габон, Нигерия, Конго, Египет, Ирак и другие страны), реализуя, в том числе, договоры о развитии программы двойных дипломов по четырем направлениям бакалавриата и по двум направлениям магистратуры в шести университетах. Звание «Почетный профессор УрГЭУ» носят двадцать три иностранных профессора. Согласно мониторингу эффективности вузов РФ, показатель международной деятельности УрГЭУ находится на отметке 6,2 % (в 2019 году — 4,44 %) при минимальном пороговом значении 1 % [22]. В УрГЭУ действует Подготовительный факультет для иностранных граждан. В 2019–2020 году в УрГЭУ по программам обмена обучаются 52 иностранных студентов (в 2019 году — 38). С 2014 года на базе экономического университета работает Центр тестирования для иностранных граждан, позволяющий жителям зарубежных стран совершенствовать свои знания языка, истории и законодательства России, а также адаптироваться для работы и постоянного проживания на территории страны. Для адаптации студентов в новой социально-языковой и культурной среде организуются выездные мероприятия, посещения музеев и знаковых исторических мест города Екатеринбурга и Свердловской области. На протяжении всего обучения на факультете студенты углубленно изучают русский язык, начиная с нулевого уровня подготовки, знакомятся с традициями, культурой и особенностями жизни в России.

С целью продвижения образовательных услуг УрГЭУ за рубежом осуществляются выезды представителей вуза с целью посещения организаций, вовлеченных в образовательные процессы. Среди них: выезды в Казахстан, Узбекистан, Таджикистан (представительство Россотрудничества, школы, образовательные выставки), Кыргызстан (Министерство образования и науки Кыргызстана, школы, гимназии), Таиланд (Университет при торгово-промышленной палате Таиланда, университет Рамканхаен, корпоративный университет Ranyarawat Institute of Manegment), Турцию (образовательная выставка), Чехию (Институт технологи и бизнеса г. Чешске-Будиувице), Польшу (Представительство Россотрудничества в Польше, Российский центр науки и культуры), Францию (Университет Лион-3 имени Жана Мулена г. Лион), Китай (образовательная выставка), Болгарию (университет Менеджмента г. Варна). Оба вуза ведут активную работу по привлечению иностранной молодежи. Иностранные студенты принимают активное участие в организации и проведении ряда международных мероприятий, таких как Всероссийская спортивная олимпиада среди иностранных студентов вузов РФ; ежегодный «Евразийский экономический форум молодежи: Азия — Россия — Африка: экономика будущего», Российско-Китайский конгресс молодых предпринимателей в рамках работы Российско-Китайского ЭКСПО.

Результаты и обсуждение

Для выявления взаимосвязи между транслируемыми официальными СМИ брендовыми характеристиками г. Екатеринбурга и критериями выбора вуза был проведен онлайн-опрос иностранных студентов УрФУ и УрГУ с помощью сервиса Google Формы в период с 14 по 21 марта 2020 года. Выборка случайная, квотированная. Генеральная совокупность составила 5 468 студентов. Выборка составила 5 % от генеральной совокупности, то есть 274 иностранных студента. Из них: студенты УрФУ — 215 чел., студенты УрГЭУ — 59 чел. Участники опроса — граждане Казахстана, Туркменистана, Азербайджана, Армении, Индии, Китая, Италии, Южной Кореи, Турции, Франции, Мексики, Гамбии, Замбии, Либерии, Судана, Болгарии и других стран.

В первом вопросе задача была выяснить, когда студенты начали изучать русский язык: до поступления в российский вуз или с начала учебы в вузе. 100 % респондентов ответили, что приехали в Екатеринбург, уже зная русский язык. В результате было выявлено, что студенты, которые решили поступать в российские вузы, целенаправленно изучают русский язык задолго до приезда в Россию, то есть выбор не случаен, 78 % обучались на подготовительных курсах, 85 % посещают дополнительные курсы русского языка в период учебы в вузе. На вопрос об источнике информации об университете на Урале ответы распределились следующим образом: интернет (100 %), Чемпионат мира по футболу (91 %). Согласно исследованию компании «PR news» в 2018 году с начала мундиала частота упоминания города Екатеринбурга в зарубежных СМИ выросла в 7,3 раза. В мае 2018 г. мировые медиа написали всего 228 материалов со словом «Екатеринбург», в июне таких сообщений стало уже 1 662. Далее перечисляются встречи с представителями вуза в своей стране (59 %), международные мероприятия, которые проходят в г. Екатеринбурге (56 %), рекомендации родственников, друзей и знакомых (32 %). На вопрос о том, почему был выбран данный вуз, были получены ответы: диплом вуза признан в нашей стране (100 %), интерес к России и региону, в котором расположен вуз (92 %), учусь в рамках программы обмена (4 %), рекомендации родственников, друзей и знакомых (32 %), получил грант Правительства РФ (2 %). Рассматривают возможность трудоустройства в регионе (43 %). В основном, это студенты из стран СНГ и Китая. Для связи между транслируемыми характеристиками геобренда Екатеринбурга и выбором вуза, студентам были заданы два вопроса (таблица 3): какие характеристики города Екатеринбурга Вы изучали перед выбором вуза для обучения; какие характеристики города для Вас наиболее важны.

Таблица 3. Характеристики города Екатеринбурга, повлиявшие на выбор вуза в регионе

Характеристика города Екатеринбурга	Изучали характеристику, % ответов	Повлияли на выбор, % ответов
Культурный	100	100
Образовательный	100	100
Развивающийся, инновационный	100	100
Молодежный	100	100
Международный	100	90
Спортивный	92	92
Безопасный	90	90
Развитая инфраструктура	86	86
Туристический	80	74
Исторический	80	80
Научный	80	80
Торговый	74	52
Экономически привлекательный	68	68
Социальный	58	44
Медицина	54	44
Промышленный, производственный	24	24
Строящийся	15	10
Религиозный	10	10

Таким образом, при выборе вуза, иностранные студенты изучают публикации о культурных, спортивных, научных, образовательных, международных мероприятиях, которые проходят в Екатеринбурге. Актуальными являются вопросы о жизни молодежи, развития инфраструктуры, инноваций, безопасности. Многие студенты любят путешествовать и хотят познакомиться с жизнью и историей Уральского региона. Поэтому для них данный аспект привлекателен. Меньше всего иностранные абитуриенты интересуются строительством, промышленностью, религиозными структурами, расположенными в городе.

Выводы

1. В связи с необходимой конкуренцией на мировом уровне и необходимостью развития региона, на сегодняшний день происходит геотрансформация имиджа г. Екатеринбурга как общеуральского горнозаводского центра в образ развитого центра промышленного региона и столичный город, открытый для коммуникационных процессов

2. Усиление тренда образовательной миграции в г. Екатеринбурге напрямую связано с геотрансформацией его образа. Привлекательным становится образ культурной, спортивной столицы с развитой инфраструктурой и активной вовлеченностью в международное сотрудничество.

3. Основными источниками для получения информации о городе являются публикации, связанные с крупными международными мероприятиями и событиями. Таким образом, характеристики геобренда Екатеринбурга, которые транслируются официальными СМИ, влияют на решение иностранных студентов при выборе вуза для обучения в России.

4. Грамотно выстроенная информационная политика официальных СМИ и политика продвижения двух ведущих вузов региона, УрФУ и УрГЭУ, позволяет развивать экспортный потенциал российской системы образования.

Библиографический список

- [1] Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/28013/> (дата обращения: 26.05.2020).
- [2] Стратегия развития международных и внешнеэкономических связей Свердловской области на период до 2035 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvs.midural.ru/strategiya-razvitiya-mezhdunarodnykh-i-vneshneekon> (дата обращения: 02.05.2020).
- [3] Бритвина И.Б., Старостова Л.Э. Брендинг территории: проблема поиска ценностных оснований // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 3(129). – С. 163–171.
- [4] Попова О.И., Григорьева Е.С., Морозова И.Ю. Геобрендинг Екатеринбурга для внешних и внутренних целевых аудиторий: анализ социологических исследований // Дискурс-Пи. – 2015. – № 2(19). – С. 102–121.
- [5] Lebedeva T., Assadel A., Kormanovskaya T., Epshtein L. Geobranding: Practical communication in promoting territories. – Paris: L'Harmattan Publishing, 2014. – 245 p.
- [6] Паршин П.Б. Территория как бренд: маркетинговая метафора, идентичность и конкуренция. – Москва: МГИМО, 2015. – С. 144–151.
- [7] Грошев И.В., Степанычева Е.В. Факторы, влияющие на формирование бренда города // Маркетинг в России и за рубежом. – 2013. – № 4(96). – С. 83–96.
- [8] Логунцова И.В. Уникальность геобрендов, построенных на основе культурных ценностей: российский подход // Бренд-менеджмент. – 2017. – № 4. – С. 290–299.
- [9] Houghton J.P., Stevens A. City branding and stakeholder engagement // City branding: Theory and cases / Ed. by K. Dinnie. – Basingstoke: Palgrave-Macmillan, 2011. – P. 45–53.

- [10] Кучеров В.И. Концепция развития моногородов как стратегический ресурс геобрендинга в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 11(139). – С. 175–179.
- [11] Языкова П.В. Социально-экономический аспект развития потенциала геобрендинга малых и средних городов // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 10(32). – С. 240–242.
- [12] Официальный портал Екатеринбурга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://екатеринбург.рф/> (дата обращения: 02.05.2020).
- [13] Официальный сайт Правительства Свердловской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://midural.ru> (дата обращения: 10.05.2020).
- [14] Законодательное собрание Свердловской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zssso.ru> (дата обращения: 08.05.2020).
- [15] Екатеринбургская городская дума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.egd.ru> (дата обращения: 13.05.2020).
- [16] Администрация Ленинского района [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ленинский.екатеринбург.рф> (дата обращения: 03.05.2020).
- [17] Kalyuzhnaia E., Popova O. Media image of the city in the context of digital culture // III post mass media in the modern informational society (PMMIS) Journalistic text in a new technological environment: Achievements and problems / Ed. by Z.M. Viktorovna. – Chelyabinsk: FUTURE ACAD. – P. 397–405.
- [18] Пулькина В.А., Коршунов Г.В. Роль геобрендинга в развитии международных связей вуза // Высшее образование в России. – 2013. – № 5. – С. 81–86.
- [19] Gariants G.G. The methodology of creating a territory brand: Concerning the geo-brand value calculation // Tourism: Technologies and trends: Materials of the III student scientific-practical conference. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2017. – P. 41–51.
- [20] Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации: Статистический сборник. Вып. 16 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; сост. А.Л. Арефьев. – Москва: Центр социологических исследований, 2019. – 208 с.
- [21] Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Вып. 9 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; сост. А.Л. Арефьев. – Москва: Центр социологических исследований, 2019. – 536 с.
- [22] Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/> (дата обращения: 02.02.2020).

References

- [1] Passport of the priority project “Development of the export potential of the Russian education system”. (2017). Retrieved from <http://government.ru/news/28013/>.
- [2] Strategy for the development of international and foreign economic relations of the Sverdlovsk Region to 2035. (2019). Retrieved from <http://mvs.midural.ru/strategiya-razvitiya-mezhdunarodnykh-i-vneshneekon>.
- [3] Britvina, I.B., & Starostova, L.E. (2014). Area branding: Problem of finding valuable bases. *Bulletin of the Ural Federal University. Series I: Problems of Education, Science and Culture*, 3(129), 163–171.
- [4] Popova, O.I., Grigoryeva, E.S., & Morozova, I.Yu. (2015). Geobranding of Yekaterinburg for external and internal target audiences: Analysis of sociological research. *Discourse-Pi*, 12(2), 102–121.
- [5] Lebedeva, T., Assadel, A., Kormanovskaya, T., & Epshtein, L. (2014). *Geobranding: Practical communication in promoting territories*. Paris: L'Harmattan Publishing.

- [6] Parshin, P.B. (2015). *Territory as a brand: Marketing metaphor, identity and competition*. Moscow: MGIMO.
- [7] Groshev, I.V., & Stepanycheva, E.V. (2013). Factors influencing the formation of the city brand. *Marketing in Russia and Abroad*, 4(96), 83–95.
- [8] Loguntsova, I.V. (2017). Uniqueness of geobrends built on the basis of cultural values: Russian approach. *Brand Management*, 4, 290–299.
- [9] Houghton, J.P., & Stevens, A. (2011). City branding and stakeholder engagement. In K. Dinnie (Ed.), *City branding: Theory and cases* (pp. 45–53). Basingstoke: Palgrave-Macmillan.
- [10] Kucherov, V.I. (2014). Concept of single-industry towns' development as strategic resource of geobranding in Russia. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 11(139), 175–179.
- [11] Yazikova, P.V. (2011). Socio-economic aspect of development of potential of geobranding of small and medium-sized cities. *Socio-economic Phenomena and Processes*, 10(32), 240–242.
- [12] Official portal of Yekaterinburg. Retrieved from <https://екатеринбург.рф/>.
- [13] Official site of the Government of the Sverdlovsk region. Retrieved from <http://midural.ru>.
- [14] Legislative Assembly of the Sverdlovsk Region. Retrieved from <http://zssso.ru>.
- [15] Yekaterinburg City Duma. Retrieved from <https://www.egd.ru>.
- [16] Administration of the Leninsky district. Retrieved from <http://ленинский.екатеринбург.рф>.
- [17] Kalyuzhnaya, E., & Popova, O. (2019). Media image of the city in the context of digital culture. In Z.M. Viktorovna (Ed.), *III post mass media in the modern informational society (PMMIS) Journalistic text in a new technological environment: Achievements and problems* (pp. 397–405). Chelyabinsk: FUTURE ACAD.
- [18] Pulkina, V.A., & Korshunov, G.V. (2013). The role of territory branding in university development of international relations. *Higher Education in Russia*, (5), 81–86.
- [19] Gariants, G.G. (2017). The methodology of creating a territory brand: Concerning the geo-brand value calculation. In *Tourism: Technologies and trends: materials of the III student scientific-practical conference* (pp. 41–51). Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University.
- [20] Arefiev, A.L. (2019). *Education of foreign citizens in the higher educational institutions of the Russian Federation: Statistical collection, Issue 16*. Moscow: Center for Sociological Research.
- [21] Arefiev, A.L. (2019). *Export of Russian educational services: Statistical Collection, Issue 9*. Moscow: Center for Sociological Research.
- [22] Information-analytical materials on the results of monitoring the effectiveness of educational institutions of higher education 2019. (2019). Retrieved from <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/>.

Получена / Submitted: 03/07/2020

Доработана / Revised: 10/08/2020

Принята к публикации / Accepted: 20/08/2020

УДК 316.334

О МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В РОССИЙСКОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Гарольд Ефимович Зборовский¹, Полина Анатольевна Амбарова¹

¹*Кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу модели и механизмов формирования доверия в системе российского высшего образования и университетских организациях. Цель статьи состоит в раскрытии содержания модели формирования доверия как взаимосвязи различных социальных механизмов его установления и рассмотрении возможностей реализации этой модели в практиках отечественного высшего образования. Представлена авторская методология исследования доверия в высшем образовании, включающая в себя управленческое, общественное и ресурсное измерение. Эмпирической базой статьи послужили результаты двух социологических исследований, реализованных в 2017 и 2019 гг. в Уральском федеральном округе. На их основе были получены результаты, характеризующие кризис доверительных отношений между ключевыми образовательными и управленческими общностями. Показано, что разрушение доверия в высшей школе происходит на фоне резкого снижения доверия к основным социальным институтам общества и трансформации модели управления высшим образованием и вузами. В статье представлены семь социальных механизмов, которые в своей взаимосвязи создают основу для модели восстановления доверия в отечественном высшем образовании.

Ключевые слова: доверие в высшем образовании, модель университета, модель университетского управления, механизмы формирования доверия, образовательные общности.

On the Model of Formation of the Trust in Russian Higher Education

Garold E. Zborovsky¹, Polina A. Ambarova¹

¹*Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the model and mechanisms of formation of the trust in the Russian higher education system and universities. The purpose of the article is to reveal the content of the model of formation of the trust as a relationship between various social mechanisms of its establishment. The authors consider the possibilities of implementing this model in the practices of Russian higher education. The author presents the methodology of research on trust in higher education, which includes management, community and resource dimensions. The article is based on the results of two sociological studies carried out in 2017 and 2019 in the Ural Federal district. Based on these data, we obtained results that characterize the crisis of trust relations between key educational and managerial communities. The article shows that the destruction of trust in higher education occurs against the background of a sharp decline in trust in the main social institutions of society. The article presents seven social mechanisms that in their interrelation create the basis for a model of restoring trust in Russian higher education.

Keywords: trust in higher education, university model, model of university management, mechanisms of trust formation, educational communities.

Введение

В последние годы в отечественной науке все больше внимания уделяется анализу доверия как важного нематериального фактора и ресурса развития высшего образования. Об этом свидетельствует количество проведенных исследований и опубликованных работ [1; 2]. Несмотря на то, что среди них нет пока крупных монографических трудов, постановки

проблем и их исследовательские решения не оставляют сомнения в стремлении авторов выявить реальный потенциал доверия в высшем образовании. Актуальность проблемы доверия в российской высшей школе обусловлена его глубоким кризисом, возникшим в начале нового столетия и усиливающимся на протяжении последних 10–15 лет. Доверие в вузах, бывшее нормой отношений в системе высшего образования СССР, осталось в прошлом. О нем сейчас вспоминает лишь та часть научно-педагогического сообщества, которой пришлось работать в вузах до начала 1990-х гг. Что касается молодого и среднего поколений, то они сталкиваются в своей профессиональной деятельности с иными отношениями и взаимодействиями между образовательными и управленческими общностями, которые нельзя в полной мере назвать доверительными.

Мы не будем сейчас касаться предпосылок, причин и факторов происшедших перемен (им посвящены работы [3–5]). Здесь мы просто констатируем трансформацию доверия в высшей школе. О ней свидетельствует изменение установок в системе управления страной, высшим образованием и конкретными вузами: на смену господствовавшему ранее принципу «доверяй, но проверяй» пришел новый — «не доверяй и проверяй». О некоторых последствиях этих изменений далее в статье пойдет речь. Среди широкого круга теоретических и эмпирических проблем исследования доверия наш интерес привлек вопрос о модели его формирования в новых условиях деятельности высшей школы. Его значимость обусловлена необходимостью поиска путей и механизмов формирования доверия не только в целом в системе российского высшего образования, но и в конкретных его образовательных организациях. Целью статьи является определение содержания модели формирования доверия сквозь призму механизмов его установления и возможностей ее реализации в практиках отечественного высшего образования.

Материалы и методы

В методологическом плане исследование модели формирования доверия опирается на использование авторского подхода, который включает в себя три измерения доверия: управленческое, общностное и ресурсное. Рассматривая первый, необходимо отметить, что создание и внедрение модели формирования доверия в высшем образовании зависит в значительной степени от воли менеджмента, как на уровне конкретного вуза, так и в рамках системы высшей школы. Вопрос состоит в том, будет ли принята менеджментом модель формирования доверия вообще и, если да, то какая. Учитывая специфику власти и управления в стране в целом, в системе высшего образования в частности, осознавая роль «вертикали власти» как сквозного принципа управления в России, выдвигается предположение, что анализ возможного управленческого решения рассматриваемой проблемы является одной из основных методологических опор исследования, а затем и практического внедрения. Это важно отметить и потому, что управленческое измерение тесно связано с другими методологическими измерениями, прежде всего общностным, ведь в данном исследовании трактуется и используется управленческий подход сквозь призму деятельности тех общностей, для которых управление — основной (или один из основных) вид профессионального труда.

Сегодня управление в высшем образовании приобрело самостоятельный и самодовлеющий характер. Самодостаточность в нашем понимании означает превращение управленческого персонала в особую общность работников, обладающих широкими функциями и возможностями, наделенных разрастающимися полномочиями. Наличие таких функций, возможностей и полномочий превращает общность управленческих работников в категорию людей, все более дистанцирующихся от основных образовательных общностей в системе высшей школы — студенчества и научно-педагогического сообщества. Ощущение самостоятельности (а зачастую и безнаказанности, связанной с ней) приводит управленцев к осознанию самодовлеющего характера собственной деятельности, к ее гипертрофированию и

абсолютизации. Отсюда следует вопрос, превращающийся в серьезную проблему: насколько быстрое развитие управленческой общности в системе высшего образования может способствовать росту доверия к ней со стороны других вузовских общностей?

Из сказанного выше следует, что значимую роль в исследовании играет и второе методологическое измерение — общностное. До недавнего времени, рассматривая общностную структуру в системе высшей школы, в данной статье выделялись лишь две основные общности: студенчество и научно-педагогических работников. Сегодня, в силу названных выше причин, необходимо рассмотреть третью общность — управленцев. Она не такая однородная по характеру основной деятельности, как образовательные общности студентов и научно-педагогических работников. Одной частью управленческой общности является руководящий персонал: ректоры, проректоры, их многочисленные службы и структуры, которые растут как грибы после дождя. В своем подавляющем большинстве этот руководящий персонал занимается исключительно административной деятельностью, крайне редко — научными исследованиями и преподаванием (не более чем на 0,1–0,2 ставки). Другой частью управленческой общности, осуществляющей в вузах управленческую деятельность, являются такие группы работников, как директора институтов, их многочисленные заместители, директора департаментов, деканы и их заместители, заведующие кафедрами. Особенность профессиональной занятости этих людей состоит в том, что в ней сочетаются элементы управленческого и научно-педагогического труда. Объем учебных поручений у многих из них колеблется в пределах 0,5–1,0 ставки. Примерные подсчеты (в связи с отсутствием по некоторым категориям управленческих работников точных статистических данных) показывают, что суммарно менеджерской деятельностью в вузах занимается около 100 тыс. человек [6]. Причем, если обратиться к выявлению количественной динамики вузовской управленческой общности, то в глаза бросается ее быстрый рост, особенно на фоне сокращения численности профессорско-преподавательского состава. В этом смысле ситуация роста числа управленцев и снижения численности научно-педагогического сообщества напоминает сообщающиеся сосуды. Видят это не только исследователи, но и рядовые преподаватели, на глазах у которых происходит, с одной стороны, уменьшение количества ставок, повышение объема педагогической нагрузки, сокращение и объединение кафедр, а с другой стороны и в то же время — численный рост управленческой общности. Отсюда понятно, что рассмотрение доверия в вузе по необходимости затрагивает отношение к названной общности. Сочетание управленческих и научно-педагогических функций обуславливает определенные статусные и поведенческие сложности, особенно во взаимоотношениях с коллегами и студентами. Это не может не сказаться как на внутриобщностном, так и на межобщностном доверии.

Само же общностное доверие в высшем образовании трактуется в данном исследовании как социальное взаимодействие образовательных общностей в вузах, ориентированное на достижение взаимно ожидаемых результатов во всех сферах совместно осуществляемой деятельности. На общностное доверие накладывает печать сопряженное с ним моральное доверие. Под моральным (нравственным) доверием будем понимать убежденность субъектов высшего образования в честности, искренности, добросовестности тех, кто несет ответственность за выполнение своих функций и социальных ролей, связанных с деятельностью по организации и осуществлению образовательного и научно-исследовательского процессов [7].

Третье из обозначенных методологических измерений — ресурсное. Применительно к доверию его изучение означает, что само доверие входит в группу тех оснований, которые характеризуют отношения как между общностями людей, так и между конкретными индивидами. Рассматриваемая трактовка основана на двуедином понимании доверия — как ресурса высшего образования, с одной стороны, и совокупности ресурсов самого доверия, с другой. В рамках первого аспекта ресурсное измерение связано с трактовкой доверия как

базовой характеристики отношений между общностями, которая позволяет им открыто взаимодействовать в интересах каждой из них, свободно использовать возможности и механизмы такого взаимодействия, не опасаясь применения санкций и репрессивных мер. В этом смысле доверие выступает как проявление высокой степени уверенности в правильности совершаемых действий и взаимодействий. Противоположная характеристика — недоверие — резко ограничивает возможности свободного выбора траекторий деятельности общностей или их групп. Недоверие подавляет активность, выступает сигналом, ограничивающим инициативу и инновационность предложений по совершенствованию образовательного и научно-исследовательского процессов. В этом случае ресурсные возможности доверия превращаются в барьеры недоверия, реальные риски, уязвимости и потери образовательных общностей и их участников.

Что касается второго аспекта — ресурсов самого доверия, — то они как раз и скрываются в механизмах и модели установления доверия, которые во многом зависят от выбранной модели поведения управленческой общности, создания ею благоприятных условий для успешной деятельности и солидарного взаимодействия образовательных общностей. Его механизмы определяются теми социальными, управленческими, педагогическими, научно-образовательными технологиями, которые используются как в системе высшего образования в целом, так и в конкретных образовательных организациях. Говоря о ресурсах доверия, назовем среди них взаимное уважение всех участников образовательной, научно-исследовательской, воспитательной деятельности, ответственность каждого из них, партисипативность внутривузовского управления на всех его уровнях, отказ от обмана, имитации, симулякров и так далее.

Эмпирическая база статьи включает в себя результаты авторских исследований, реализованных с помощью методов анализа статистики по высшему образованию, вторичного анализа данных, массового опроса студентов и преподавателей. С 2017 по 2019 гг. было проведено два массовых опроса по проблемам высшего образования в Уральском федеральном округе (УрФО). Первый был осуществлен в январе–марте 2017 года исследовательским коллективом Уральского федерального университета под руководством одного из авторов статьи среди студентов и преподавателей вузов УрФО. Генеральную совокупность составили 53 вуза округа. Использовалась квотная выборка, сформированная на основе статистических данных об образовательных общностях регионов УрФО (Свердловской, Челябинской, Тюменской, Курганской областей, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры). Внутри каждого региона осуществлялось квотирование по направлениям подготовки (инженерно-техническому, естественно-научному, гуманитарному, социально-экономическому). Объем выборочной совокупности составил: преподавателей — 810 чел., студентов (были опрошены студенты 3–4 курсов) — 1 860 чел.

Второй массовый опрос был проведен в марте–апреле 2019 года среди студентов и преподавателей 7 университетов г. Екатеринбурга. В ходе исследования была реализована квотная выборка, как и в первом опросе. Она формировалась на основе статистических данных об образовательных общностях студентов и преподавателей этих университетов (размер квот в выборках преподавателей и студентов идентичен, поскольку расчет штатных единиц профессорско-преподавательского состава осуществлялся в соответствии с количеством студентов). Квотирование осуществлялось, как и в первом опросе, по направлениям подготовки (инженерно-техническое, естественно-научное, гуманитарное, социально-экономическое), уровням подготовки (бакалавриат, специалитет, магистратура), типам вузов (была использована типология вузов, разработанная авторским коллективом [8]). Для расчета использовалась открытая информация, размещенная на сайтах вузов. Объем выборочной совокупности студентов составил 368 чел., преподавателей — 392 чел. Предельная ошибка выборки не превышала 5 %.

В обоих исследованиях программы составлялись таким образом, чтобы можно было реализовать один из их основных методологических принципов — принцип парности образовательных общностей. Речь идет о студентах и преподавателях как взаимосвязанной диаде. В методике и практиках исследований это означало, что значительная часть вопросов в анкете (более 80 %) была общей для студентов и преподавателей, что позволило сравнить их взгляды и оценки по самым разным аспектам доверия в высшей школе. В статье были использованы научные труды, связанные с компаративными исследованиями социальных общностей, в которых была установлена эффективность названного принципа [9; 10].

Результаты и обсуждение

Первый результат исследования состоял в диагностировании кризиса доверия к институту и системе высшего образования со стороны двух основных вузовских общностей — студентов и научно-педагогического сообщества — и связи его с кризисом доверительных отношений к другим основным социальным институтам в стране. Это тем более важно отметить в связи с тем, что на протяжении достаточно долгого времени доверие к образованию, в том числе к высшему, лидировало в системе институционального доверия, существующего в российском обществе. Результаты исходили из представлений о существовании трех основных типов доверия: внутри вузов, внутри системы высшего образования, внутри системы общества. Между этими типами доверия существует взаимосвязь, которую не всегда осознают субъекты высшего образования, но в состоянии выявить исследователи его проблем. Одна из задач исследования заключалась в том, чтобы эту взаимосвязь обнаружить и показать ее в виде зависимости между внутри- и межобщностным доверием, доверием образовательных общностей к вузовскому управлению, управлению в системе высшего образования, наконец, к управлению в обществе и государстве.

Наши исследования последних лет зафиксировали наличие явных признаков серьезного и все более углубляющегося кризиса доверия как к другим социальным институтам, так и к образованию [11–15]. Внутренние тенденции недоверия в высшем образовании тесно переплелись с внешним недоверием со стороны родителей, работодателей, академических и неакадемических партнеров вузов, органов власти. В связи с этим, весьма показательным было сопоставление уровня доверия/недоверия в высшем образовании (вузах) и уровня доверия / недоверия к другим основным социальным институтам российского общества (таблица 1).

Таблица 1. Доверие студентов и преподавателей вузов к основным социальным институтам (в % от числа опрошенных)

Если говорить о доверии в целом, то Вы доверяете...	Скорее да		Скорее нет	
	Студенты	Преподаватели	Студенты	Преподаватели
Государству, в котором живете	32,3	35,8	67,7	39,4
Президенту	36,7	35,2	63,3	34,2
Правительству	21,1	16,1	78,9	54,7
Государственной думе	19,2	9,4	80,8	58,8
Чиновникам (государственным и муниципальным служащим)	16,5	12,0	83,5	55,7
Государственным организациям	37,0	22,9	63,0	43,8
Армии, полиции	42,5	32,8	57,5	33,9
СМИ	18,6	7,8	81,4	63,5

Партиям, политическим движениям	16,7	9,9	83,3	61,5
Профсоюзам	33,2	20,8	66,8	49,0
Церкви	35,7	27,1	64,3	39,6
Общественным организациям	48,6	28,6	51,4	38,1
Судебной системе	45,9	26,6	54,1	45,3
Банковской системе	44,0	20,3	56,0	49,0
Бизнес-сообществам	39,0	21,9	61,0	40,1
Работодателям выпускников высшей школы	52,5	28,6	47,5	34,4

Данные таблицы 1 показывают широкий масштаб недоверия студентов и преподавателей к ключевым социальным институтам нашего общества. В подавляющем большинстве позиций он «зашкаливает» за 50 %, а иногда и значительно больше, особенно у студентов. Не таким жестким, как у студенчества, но не менее критичным является отношение преподавателей к институтам общества и государства: почти по всем тем же самым позициям (СМИ, политические партии, правительство, чиновники) недоверие проявляет достаточно большая часть научно-педагогического сообщества. Обращает на себя внимание тот факт, что доверяют всем институтам и структурам меньше половины как студентов, так и преподавателей, а таким институтам, как Государственная дума, чиновники (государственные и муниципальные), СМИ, партии, политические движения, — меньше 20 %.

Второй результат исследований касается взаимоотношений преподавателей и управленческих работников разного уровня. Они приобретают все более сложный характер, поскольку недоверие становится обоюдным: сверхбюрократизированное управление не доверяет преподавателям, преподаватели не доверяют управлению. Составление гигантского количества чаще всего ненужных документов, их проверка и контроль (обращаем внимание: проверка и контроль не качества образования, а бумаг) вызывают негативную реакцию преподавателей и их отчуждение от управления. Именно в такой логике развивается кризис межобщественного доверия в отечественных вузах и в целом в высшем образовании страны. При этом преподаватели уверены, что управленцы не испытывают к ним доверия, даже не стараясь этого скрывать.

Соответственно, большинство представителей научно-педагогического сообщества строят свои поведенческие стратегии по принципу «как аукнется, так и откликнется». Доверяют руководству вуза и его политике от 42 до 45 % вузовских преподавателей, а в целом политике высшей школы по отношению к преподавателям — только 33 %, то есть только третья часть всего педагогического сообщества. Отсюда следует полученный в ходе проведенных исследований третий результат, который состоит в обнаружении прямой зависимости между уровнем доверия научно-педагогического сообщества к системе управления высшим образованием и уровнем доверия к политике высшей школы по отношению к преподавательскому сообществу.

Рассматривая мнения студентов относительно их доверительных отношений к тем или иным субъектам образования в вузах, было обращено внимание на то, с кем студенты стремятся установить доверительные, партнерские отношения. На 1-м месте оказались преподаватели (89,3 %), на 2-м — студенты (87,1 %). Но далее разрыв резко увеличивается: 3-е место принадлежит работникам кафедры (66,8 %), 4-е — работникам деканата (59,3 %). «Обрушение» студенческого доверия происходит тогда, когда в качестве партнеров по его установлению выступают представители администрации деканата/института (43,4 %), работники административных отделов вуза (41,4 %), представители администрации вуза, ректората (40,2 %). Полученные эмпирические данные ярко характеризуют ядро

университетской среды, в котором зарождается доверие в вузе. Таким ядром выступают отношения в нем между ключевыми образовательными общностями – студенчеством и научно-педагогическим сообществом. Наряду с высоким уровнем доверия, оказываемого студентами преподавателям, заметно значительное его снижение в отношении таких университетских структур, как деканаты факультетов, департаменты, институты, ректорат. Конечно, можно объяснить данное явление тем, что контакты студенчества с названными управленческими структурами не так часты и активны, как с преподавателями. Но на самом деле причины кроются в усиливающемся дистанцировании управленческих структур и занятых в них работников от студенчества. Формализм и бюрократизм, присущие управленческим работникам, проявляются прежде и больше всего в их отношении к студентам, в нежелании активно взаимодействовать с ними, знать их нужды и стремления, стараться удовлетворять их потребности.

Четвертый результат, полученный в исследованиях, свидетельствует о том, что доверие как принцип отношений не вписано в структуру университетской жизни и не является необходимым элементом модели самой вузовской организации и управления ею. Анализируя данные социологических исследований и практики высшего образования, не было получено достаточных аргументов для утверждения, что благодаря использованию принципа доверия решались и тем более были решены какие-то серьезные задачи образовательного процесса, научных изысканий, управления жизнью вуза, привлечения к нему представителей профессорско-преподавательского и студенческого сообществ.

Конечно, в вузах существуют формальные практики, якобы основанные на доверии к представителям научно-педагогического сообщества, которые можно назвать привлечением их к работе различных ученых советов и комиссий. Но их реальная роль в университетском управлении, как правило, весьма ограниченная, причем дело не только в личностях участников, их активной или пассивной социальной позиции. Доверительные отношения и взаимодействия «не предусмотрены» моделью управления в отечественных вузах и не вписаны в ее функционал. Точно так же они не вписаны и в миссии российских университетов.

Пятый результат исследования является продолжением четвертого. Только он касается не отечественного, а зарубежного опыта создания таких моделей и механизмов управления, в которых доверие занимает соответствующее и достойное его возможностей место. Данный результат содержит ответы на два вопроса: во-первых, существуют ли за рубежом модели университетов и управления в них, в структуры которых было бы «имплантировано» доверие; во-вторых, какие из этих моделей можно было бы использовать в отечественном высшем образовании.

Известно достаточно большое количество моделей зарубежных университетов и управления ими. Достаточно назвать самую распространенную среди них — модель предпринимательского университета, набирающую хороший темп развития модель исследовательского университета, а также такие модели, как государственная, частная, экономическая, олигархическая, рациональная, академическая, азиатская, западная, постмодернистская, плюралистическая и другие [16; 17]. Однако, во-первых, далеко не в каждой из них присутствует доверие как элемент модели. Во-вторых, почти ни одна из названных моделей (даже олигархическая) не подходит для отечественной системы высшего образования и управления в ней в силу фундаментальных особенностей, присущих им. Отсутствие свободы и полная зависимость государственных вузов от вышестоящих структур, существующая в высшем образовании вертикаль власти и управления делают невозможным преобразование доверия в один из базовых принципов новой модели российского университета. Что касается негосударственных вузов, то их роль и возможности в создании особой российской модели университета очень невелики. Они давно уже, в отличие от западных частных вузов, потеряли свое самостоятельное значение и характеризуются не восходящей, а нисходящей траекторией развития.

В связи с этим возникает вопрос: что значит включить доверие в модель университета и управления им? В самом первом приближении это значит сделать доверие принципом миссии и корпоративной культуры, принятой и существующей в образовательной организации. Это значит превратить доверие в принцип ее внутренней и внешней политики — внутренней по отношению к образовательным и иным социальным общностям в самом вузе, внешней по отношению к стейкхолдерам, абитуриентам, их родителям, управленческим и властным структурам, а также вузам и организациям, с которыми университет взаимодействует.

Сложность проблемы включения доверия в модель вуза состоит в том, что оно не есть нечто материальное, то, что можно потрогать руками, передвинуть с места на место, откуда-то вынуть и куда-то вставить. Доверие — это особая ткань отношений, которой противопоказаны обман, манипуляции, страх, имитации. Доверие существует как реальность только тогда, когда оправдываются ожидания людей, выполняются обещания, им данные. Доверие предполагает открытость, честность и прозрачность отношений, выступающих как взаимодействие заинтересованных в решении общих проблем участников этого процесса. Замена взаимодействия в качестве принципа отношений принципом воздействия одной стороны на другую сужает возможности имплантации доверия в модель университета.

Важнейшим ресурсом и характеристикой доверия является уважение, точнее взаимоуважение участников образовательного процесса. Его отсутствие — это фактор, тормозящий формирование доверия. Доверие может выступать сквозной и ключевой характеристикой социального и социально-психологического климата в университете. Чтобы превратить доверие в элемент модели управления университетом, необходимо «очистить» эту модель от ее существенных обременений. В таком качестве выступают очень развитая бюрократизация жизни вуза, отсутствие в массе своей по-настоящему профессиональных менеджеров, полная самодостаточность высшего эшелона управленческих кадров. Проведенное социологическое исследование позволило представить модель формирования доверия в высшем образовании сквозь призму различных социальных механизмов.

Под социальным механизмом формирования доверия в высшем образовании рассматривается комплекс интегрированных между собой социальных структур и процессов, взаимодействие которых обеспечивает возникновение, развитие и сохранение доверительных отношений между субъектами высшего образования на всех его уровнях (личностном, общностном, организационном, институциональном, системном). Конфигурация и характер действия социальных механизмов установления доверия в высшей школе и в вузах зависит от социального контекста, который сложился на данный момент в системе высшего образования. Поскольку в данной статье диагностируется кризис доверия в российской высшей школе, постольку возникает необходимость в социальных механизмах восстановления утраченного или деформированного доверия. В их определении необходимо исходить из выводов проведенного эмпирического исследования, обозначивших основные причины истощения ресурса доверия в высшем образовании. В соответствии с ними моделируются социальные механизмы восстановления доверительных отношений.

Первый механизм условно можно назвать *дебюрократизацией отношений и процессов в высшем образовании*. Сверхбюрократизация как аномалия высшего образования формирует в нем культуру недоверия. Соответственно, действие первого механизма направлено на восстановление рациональной модели образовательной бюрократии, которая, с одной стороны, необходима для организации ключевых процессов в высшей школе, с другой стороны, не мешает развитию и действию доверия как способа регулирования отношений в ней. Дебюрократизация предполагает исключение из практик высшей школы избыточных видов письменной и устной отчетности, сопроводительной документации, контрольных мероприятий, которые увеличивают социальные дистанции между взаимодействующими субъектами и уменьшают время для их непосредственного общения в ходе выполнения основных профессиональных функций, связанных с преподаванием и проведением научных исследований.

В механизм деbüroкратизации интегрированы процессы не только сокращения бюрократического «обременения», но и реформатирования системы статусов и ролей разных групп университетского сообщества. Поскольку сверхbüroкратизация есть инструмент университетского управления и один из способов повышения статуса и расширения властных ролей менеджмента в системе высшего образования, то обязательным условием деbüroкратизации является изменение баланса организационных и институциональных статусов «академиков» и «администраторов».

Второй механизм восстановления доверия в высшей школе — это *возвращение и культивирование в ней норм и практик, обеспечивающих систему взаимной ответственности* всех ее субъектов. Этот механизм соответствует одной из ипостасей доверия — уверенности в том, что в будущем будут выполнены обещания, данные в прошлом или настоящем. В условиях социальной неопределенности, или «текучей» современности, — это «реликтовый» механизм. Но он необходим для обеспечения таких сущностных характеристик социального института высшего образования, как стабильность и целостность [13]. К сожалению, отечественная высшая школа сегодня теряет эти характеристики в силу разрушения всей системы гарантий. Преподавателям никто реально не гарантирует хороших условий труда и занятости, в силу чего происходит прекаризация их труда. Студентам не гарантированы в полной мере качество и вариативность образования, многие иные образовательные блага, обещанные им при поступлении в вуз. Ни студенты, ни преподаватели не могут гарантировать университетскому менеджменту возврат инвестиций, которые в них были сделаны.

Механизм взаимной ответственности включает в себя не только нормы и паттерны поведения, обеспечивающие выполнение обещаний и гарантий, но и комплекс позитивных и негативных санкций (формальных и неформальных), регулирующих отклонение от этих норм. Формально и декларативно нормы и санкции существуют, но в реальности действие их парализовано или столь слабо, что они не могут обеспечить условий для формирования доверительных отношений внутри системы высшего образования и между основными его образовательными общностями. Механизм взаимной ответственности в высшей школе, в силу ее организационной и институциональной специфики, может быть выстроен не только на формальных нормативно-правовых структурах, но и на укреплении роли и силы профсоюзных организаций, морально-этических норм традиционной академической культуры, создании университетских кодексов поведения, то есть на тех элементах высшей школы, которые подверглись серьезной деформации в процессе структурной и административной ее трансформации последних лет. Обязательным условием действенности данного механизма является ресурсное обеспечение выполнения тех взаимных обещаний, которые закреплены за каждой образовательной структурой и образовательной общностью.

Третий социальный механизм, способный укрепить доверие в отечественном высшем образовании, — это *отказ от имитационности и восстановление «подлинности» процессов, связей, взаимодействий*, осуществляющихся в нем. Образовательные симулякры, симулякры научной и управленческой деятельности осложняют кризис высшей школы не только своим наличием и глубоким проращением в ткань социальных отношений. Их «злокачественность» заключается в том, что они порождают имитационную демонстрацию веры в их подлинность. Это означает, что многие субъекты высшего образования, включенные в имитационные практики, осознают природу этих симулякров, но демонстрируют (или вынуждены демонстрировать) в публичном пространстве свою веру в их подлинность и нормальность.

Отказ от имитаций — чрезвычайно болезненный процесс, потому что заставляет открыто признавать наличие сложных проблем, противоречий, дисфункций, слабостей высшего образования. Действие данного механизма может быть затруднено системным характером симулякров. С одной стороны, это сопротивление «сильных» акторов высшей школы, чьи

доминантные статусы, ресурсы и возможности определяются главным образом способностью к имитациям. С другой стороны, это заинтересованность в симулякрах «слабых» акторов, которые используют их для защиты своих уязвимых статусных позиций и компенсации ресурсных дефицитов.

Действие четвертого механизма формирования доверия направлено на снижение уровня социальных страхов в академической среде, вызванных манипулятивным характером управления в университетах и высшей школе в целом. Одна из современных управленческих стратегий, направленных на преодоление сопротивлений в высшей школе, — это манипуляции через страх увольнения, сокращения ставок, наказания невыгодными условиями труда и многие другие угрозы. В условиях высокого уровня социальных страхов и репрессивного характера управления, доверительные отношения не могут возникать и сохраняться. Данный механизм включает в себя *процессы по укоренению в университетском управлении норм и моделей управленческой деятельности, принципиально исключающих манипулирование академическим сообществом через страхи*. Применение манипулятивных стратегий свидетельствует о слабости и непрофессионализме университетского управления. В силу этого обстоятельства у высококвалифицированного академического сообщества такой менеджмент не может вызвать доверия. Известный американский социолог высшего образования J.W. Meyer пишет, что современный университетский менеджер, считающий себя профессионалом, использует в управлении университетом не управленческие (административные) ресурсы, а прежде всего лидерские компетенции. Именно такой руководитель может вызвать доверие и способен эффективно решать сложные задачи во «враждебном» академическом окружении [18].

Профессионализация и легитимизация университетского менеджмента и представителей управления высшим образованием рассматриваются в статье как важнейший пятый механизм установления доверия между академическим и управленческим сообществами. Обобщение опыта зарубежных университетов позволяет рассматривать в качестве таковых получение руководителями и администраторами различного уровня «смешанного» образования (академического по той ли иной специальности и управленческого), «смешанного» профессионального опыта (производственного, управленческого, преподавательского и исследовательского в той сфере, которую они курируют), обучение неакадемических профессионалов в магистратуре и аспирантуре по образовательным программам, связанным с менеджментом в высшем образовании, получение ученой степени [19]. Обладая таким образованием и профессиональным опытом, включаясь активно в подготовку заявок на гранты, поиск финансирования для академических проектов, выполняя иные «смешанные» (административно-академические функции), управленцы определенным образом могут «оправдать» свой высокий статус, полномочия, заработную плату, большой штат и вызвать тем самым доверие к себе [20].

Шестым механизмом установления доверия (универсальным), в равной степени действенным в любом социальном контексте высшего образования, являются *эффективные коммуникации*, выстроенные на принципах обратной связи, транспарентности, толерантности, сокращения социальной дистанции («живое» общение, «face-to-face») как по горизонтали, так и по вертикали. Данный механизм основан на установке социальных субъектов доверять тем, кого они могут наблюдать непосредственно, взаимодействие с кем не отягощено многочисленными опосредующими факторами. Непосредственные, «живые» коммуникации определяют возможности формирования, прежде всего, межличностного, внутри- и межобщностного, а также организационного доверия. Однако эти виды доверия служат базой для установления институционального доверия в высшем образовании. Необходимость мобилизации коммуникативного ресурса для восстановления доверия в отечественных университетах и в целом в системе высшего образования очевидна. Потеря адекватных коммуникативных связей и возможностей информационного обмена на всех уровнях

приводит к фрагментации академического, управленческого и студенческого сообществ, искажению информационной среды, в которой разворачиваются их действия и взаимодействия. Непременным условием эффективности коммуникативного механизма установления доверия является наличие достаточного ресурса времени. Это будет способствовать замене «одноразовых», фрагментарных коммуникативных событий на постоянные, развивающиеся процессы, способные наращивать доверие в высшей школе.

С ресурсами времени связан седьмой — *темпоральный* — механизм восстановления доверия. В нем задействованным оказывается такая характеристика социального времени, как динамика или скорость изменений в высшем образовании. Доверие предполагает долговременные и долгосрочные временные инвестиции в социальные отношения. Напротив, «текучесть», «одноразовость», быстрые изменения — то, что противопоказано действиям, направленным на формирование доверия. Между тем, в условиях социальной и экономической неопределенности институты и организации высшего образования стали чрезвычайно нестабильными, а сфера высшего образования подвергается масштабным и глубоким институциональным изменениям. Действие темпорального механизма связано со снижением динамики институциональных и организационных изменений в высшем образовании, что представляет собой на самом деле серьезную проблему. С одной стороны, необходимость таких изменений вызвана объективными обстоятельствами сохранения конкурентоспособности института высшей школы и вузов в международном и национальном образовательном пространстве. А это возможно в том числе за счет быстрых изменений в стремительно меняющемся социальном контексте и конкурентной среде. С другой стороны, есть и субъективные факторы, запускающие необоснованно тотальные и избыточные трансформационные процессы в высшем образовании. Они затрагивают те сегменты институциональной матрицы высшего образования и те структуры внутривузовской жизни, которые должны оставаться традиционными, константными, поскольку отвечают за воспроизводство всей системы, в том числе такого ее элемента, как доверие.

Представленные семь механизмов восстановления доверия в отечественной высшей школе тесно связаны между собой. Действие одного механизма влечет за собой запуск других и в то же время обусловлено влиянием этих механизмов. Закономерно, что фундаментальную проблему необходимо решать путем разработки и применения сложных социальных подходов. Подчеркнем, что данные механизмы включают в себя не просто структуры, процессы, нормы. Запуск их действия связан с реконфигурацией связей и отношений (в каком-то смысле и сознания) ключевых вузовских общностей: менеджмента, «академиков» и студентов. Только таким образом описанные здесь механизмы смогут превратиться в реальную модель формирования, развития и сохранения доверия.

Выводы

Преодоление кризиса доверия в отечественной высшей школе возможно при двух основных условиях. Первое — осознание всеми его субъектами доверия как ключевого фактора, обеспечивающего целостность высшего образования и солидарность вузовского сообщества при имеющемся дефиците иных ресурсов. Второе — понимание конкретных механизмов сохранения доверия или его восстановления в тех сферах университетской жизни, где оно подверглось наибольшей деформации. Проведенные исследования показывают, что истощение доверия в высшей школе обусловлено двумя тенденциями: снижением уровня доверия россиян к основным социальным институтам, в том числе к образованию, а также глубокой трансформацией управления системой высшего образования в стране и университетского управления. Первая тенденция создает общие предпосылки возникновения недоверия. Вторая, за счет формирования разрыва и конфликта между научно-педагогическим, студенческим и управленческим сообществом, разрушает глубинные структуры, продуцирующие доверительные отношения.

Восстановление доверия в отечественной высшей школе может и должно проходить по нескольким направлениям, затрагивающим различные ее элементы, практики, нормы деятельности, принципы взаимоотношений и взаимодействий. В данном исследовании, в анализе модели формирования и сохранения доверия, понятие социального механизма используется не случайно — он включает в себя комплекс структур и процессов, взаимодействие которых обеспечивает условия возникновения, развития и сохранения доверительных отношений на личностном, общественном, организационном, институциональном, системном уровне.

Результаты исследования позволили прийти к выводу, что успешно решить проблему формирования доверия в высшем образовании можно задействуя такую систему механизмов: деbüroкратизации, отказа от имитаций, манипулятивных стратегий, выстраивания эффективных коммуникаций, снижения динамики изменений, установления взаимной ответственности субъектов высшего образования, профессионализации университетского менеджмента. Именно благодаря этим механизмам, действующим во взаимосвязи, можно выстроить работающую модель формирования доверия.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00158 «Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования».

Библиографический список

- [1] Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Доверие к высшему образованию: социологические подходы к исследованию проблемы // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2018. – № 3. – С. 21–35.
- [2] Токарева С.Б., Голубь О.В., Горина Т.С., Калашникова Н.А. Институциональное доверие в высшей школе и качество образования. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2015. – 142 с.
- [3] Шуклина Е.А., Широкова Е.А. Доверие к институциональным нормам высшей школы в оценках преподавателей // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2019. – Т. 25, № 3. – С. 241–250.
- [4] Шаброва Н.В. Доверие и бюрократия в вузах // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 5. – С. 224–232.
- [5] Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Доверие в высшем образовании как социологическая проблема // Социологический журнал. – 2018. – Т. 24, № 4. – С. 93–112.
- [6] Бондаренко Н.В., Гохберг Л.М., Ковалева Н.В., Кузнецова В.И., Озерова О.К., Саутина Е.В., Шугаль Н.Б. Индикаторы образования 2018: статистический сборник. – Москва: НИУ ВШЭ, 2018. – 400 с.
- [7] Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Как превратить доверие в нематериальный актив развития высшей школы // Высшее образование в России. – 2018. – Т. 27, № 6. – С. 96–107.
- [8] Нелинейная модель высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности / Под ред. Г.Е. Зборовского. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. – 336 с.
- [9] Зборовский Г.Е. Теория социальной общности. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. – 304 с.
- [10] Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Учителство как социально-профессиональная общность: проблемы методологии и методики исследования. – Сургут: РИО СурГПУ, 2012. – 161 с.

- [11] Колобкова А.А. Формирование репродуктивного поведения студенческой молодежи в процессе изучения гуманитарных дисциплин // Педагогический журнал. – 2019. – Т. 9. – № 5-2. – С. 806–814.
- [12] Шаброва Н.В. Доверие родителей к системе высшего образования // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2019. – № 1. – С. 76–84.
- [13] Амбарова П.А., Зборовский Г.Е., Шаброва Н.В. «Старое» и «новое» доверие в высшем образовании // Образование и наука. – 2019. – Т. 21, № 1. – С. 9–36.
- [14] Шаброва Н.В. Доверие родительского сообщества к школе и высшему образованию // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века: сб. ст. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. – С. 361–366.
- [15] Шуклина Е.А. Культура доверия как фактор формирования сетевых взаимодействий вузов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2019. – № 1. – С. 174–184.
- [16] Clark B.R. Creating entrepreneurial universities: Organizational pathways of transformation. – New York: Emerald Publishing Limited, 1998. – 200 p.
- [17] Altbach P. Global perspectives on higher education. – Baltimore: John Hopkins University Press, 2016. – 332 p.
- [18] Interview with John W. Meyer: «If you study organizations you should not believe in them» (interviewed by Elena Gudova) // Journal of Economic Sociology. – 2020. – Vol. 21, No 1. – P. 127–139. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/interview-with-john-w-meyer-if-you-study-organizations-you-should-not-believe-in-them> (accessed date: 03/01/2020).
- [19] Moran E., Misra D. Professional doctorates: A pathway to legitimacy for non-academic HE professionals? // London Review of Education. – 2018. – Vol. 16, No 1. – P. 75–89.
- [20] Shelley L. Research managers uncovered: Changing roles and “shifting arenas” in the academy // Higher Education Quarterly. – 2010. – Vol. 64, No 1. – P. 41–64.

References

- [1] Zborovsky, G.E., & Ambarova, P.A. (2018). Trust in higher education: Sociological approaches to the study of the problem. *Bulletin of PNRPU. Social and Economic Sciences*, 3, 21–35.
- [2] Tokareva, S.B., Golub, O.V., Gorina, T.S., & Kalashnikova, N.A. (2015). *Institutional trust in higher education and the quality of education*. Volgograd: Publishing house of Volgograd State University.
- [3] Shuklina, E.A., & Shirokova, E.A. (2019). Trust in institutional norms of higher education in teacher’s assessments. *Izvestia of Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 25(3), 241–250.
- [4] Shabrova, N.V. (2019). Trust and bureaucracy in universities. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 5, 224–232.
- [5] Zborovsky, G.E., & Ambarova, P.A. (2018). Trust in higher education as a sociological problem. *Sociological Journal*, 24(4), 93–112.
- [6] Bondarenko, N.V., Gokhberg, L.M., Kovaleva, N.V., Kuznetsova, V.I., Ozerova, O.K., Sautina, E.V., & Shugal, N.B. (2018). *Education indicators 2018: statistical book*. Moscow: HSE.
- [7] Zborovsky, G.E., & Ambarova, P.A. (2018). How to turn trust into non-material asset of higher education. *Higher Education in Russia*, 27(6), 96–107.
- [8] Zborovsky, G.E. (Ed.). (2016). *Nonlinear model of higher education in the macroregion: theoretical concept and practical possibilities*. Yekaterinburg: Liberal Arts University.
- [9] Zborovsky, G.E. (2009). *Theory of social community*. Yekaterinburg: Liberal Arts University.
- [10] Zasyupkin, V.P., Zborovsky, G.E., & Shuklina, E.A. (2012). *Teaching as a socio-professional community: Problems of methodology and research methods*. Surgut: Publisher SGPU.

- [11] Kolobkova, A.A. (2019). Formation of reproductive behavior of student youth in the process of studying the humanities. *Pedagogical Journal*, 9(5-2), 806-814.
- [12] Shabrova, N.V. (2019). The parents trust to the system of higher education. *News from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, 1, 76–84.
- [13] Ambarova, P.A., Zborovsky, G.E., & Shabrova, N.V. (2019). «Old» and «New» trust in higher education. *The Education and Science Journal*, 21(1), 9–36.
- [14] Shabrova, N.V. (2018). The trust of the parents to school and higher education. In *Higher education in Russian regions: Challenges of the XXI century* (pp. 361–366). Yekaterinburg: Study scholar.
- [15] Shuklina, E.A. (2019). Trust culture as a form factor of network interactions between high schools. *Izvestia of Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 25(1), 174–184.
- [16] Clark, B.R. (1998). *Creating entrepreneurial universities: Organizational pathways of transformation*. New York: Emerald Publishing Limited.
- [17] Altbach, P. (2016). *Global perspectives on higher education*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- [18] Interview with John W. Meyer: «If you study organizations you should not believe in them» (interviewed by Elena Gudova). (2020). *Journal of Economic Sociology*, 21(1), 127–139. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/interview-with-john-w-meyer-if-you-study-organizations-you-should-not-believe-in-them>.
- [19] Moran, E., & Misra, D. (2018). Professional doctorates: A pathway to legitimacy for non-academic HE professionals? *London Review of Education*, 16(1), 75–89.
- [20] Shelley, L. (2010). Research Managers Uncovered: Changing Roles and ‘Shifting Arenas’ in the Academy. *Higher Education Quarterly*, 64(1), 41–64.

Получена / Submitted: 07/07/2020

Доработана / Revised: 01/08/2020

Принята к публикации / Accepted: 25/08/2020

УДК 332.025

ПРОЦЕССЫ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ В 2010–2019 ГОДАХ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИТОГИ

Евгений Викторович Рожков¹

¹АО АКИБ «Почтобанк», Пермь, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется вопрос о необходимости проведения национализации и ее сущности, как в европейских странах, так и в России. Определены формы и виды национализации, характерные для последнего десятилетия. Выявлены методы проведения национализации. Автором рассмотрены причины проведения национализации, в первую очередь определенной начавшимся очередным циклом «национализация — приватизация»; очередным мировым экономическим кризисом; экономической необходимостью проведения национализации и политических решений. Автор обращает внимание на необходимости только законного изменения прав собственности (передача частной собственности в собственность государства) и определяет, что наличие законодательства «О национализации» в России будет иметь свою национальную специфику, которая позволит определиться с национализацией «социально неэффективных» предприятий, а именно: при массовых увольнениях работников; наличие задолженности по выплате заработной платы работникам; нарушение правил охраны труда и охраны окружающей среды; предбанкротное или банкротное состояние.

Ключевые слова: методы проведения национализации, экономическая составляющая, процесс, частная собственность.

The Nationalisation in 2010–2019: Social Results

Evgeniy V. Rozhkov¹

¹JSCIB Postobank, Perm, Russian Federation

Abstract. The article provides the analysis regarding the need for nationalization and its essence, both within European countries and in Russia. The forms and types of nationalization characteristic of the last decade are defined in. The methods of nationalization implementing are revealed. The author considers the reasons for nationalization, determined primarily by the beginning of the next cycle of "nationalization — privatization"; the next world economic crisis; the economic necessity of nationalization and political decisions. The author draws his attention to the need for legal changes in property rights only (transfer of private property into the state ownership) and determines that the existence of "Nationalization" Legislation in Russia will have its own national specifics, which will allow to determine the nationalization of "socially inefficient" enterprises list, namely: upon mass employees dismissals and lay-offs; under the existence of debt on payment of employees wages and salaries; violation of rules of labour safety and environmental protection (H&S Regulations); pre-bankruptcy or bankrupt state.

Keywords: methods of nationalization, economic component, process, private property.

Введение

В последние годы в разных странах все чаще ставятся под сомнение положительные результаты приватизации промышленных предприятий, и во многих странах были предприняты попытки национализации [1]. Методология, изложенная в статье, предполагает использование сравнительного анализа научных работ, посвященных причинам национализации [2].

Актуальность статьи заключается в отсутствии сформулированных итогов национализации различного рода предприятий как процесса воздействия на общественное благо.

В 2020 году в экономике страны, как и в мировой экономике, во всех отраслях произошел резкий спад или падение. Произошло это вследствие катастрофического снижения

потребительского спроса. Несмотря на то, что спад экономического развития 2020 года еще подлежит анализу, автор статьи делает попытку проведения анализа процессов национализации до 2020 года.

Цель данного исследования заключается в выявлении характерных особенностей и последствий национализации в европейских странах, а также в России с учетом общественных итогов.

Задачи исследования заключаются в следующем:

- сопоставление форм и видов национализации в 2010–2019 годах;
- определение общих методов проведения национализации в странах Европы;
- определение экономической эффективности проведения национализации в России.

Литературный обзор

Современный анализ преобразований собственности, рассматриваемый в данной статье на примере проходящей национализации в последние два десятилетия в европейских странах, базируется на работах российских ученых, таких как Е.В. Богданов [3], Е.С. Болтанова [4], В.В. Букреев [5], Н.А. Бултакова [6], В.И. Гришин [7], Ю.А. Дорофеева [8], А.И. Коновалов [9], Г.А. Оспанова [10], А.А. Саурин [11], И.Г. Шелудякова [12], Ю.А. Шушакова [13], Л.В. Щенникова [14] и другие, а также зарубежных: S. Banner [15], Y.-Ch. Chang [16], X. Li, X.L. Wang [17], P. Mahdavi [18], M.S. Shepard [19] и другие. Согласно международной правовой доктрине, принудительное изъятие иностранной собственности требует соблюдения ряда условий в соответствии с установленным национальным законодательством порядком [20]. Проведение национализации частных компаний (предприятий) для общественного блага страны — это одно из нескольких элементов концепции развития гражданского законодательства о национализации. Общественное благо — хороший критерий проверки наличия оснований для изъятия собственности, чем какой-либо закрытый перечень таких случаев [21]. Новые тенденции проведения национализации не возникают сами по себе и опираются на этап, проходящий ранее. От этого и возникают различные проблемы современной администрации, которые сохраняют в себе элементы системы власти-собственности [22].

Начнем с решения первой из поставленных задач. В зарубежной литературе одно из понятий «национализация» дано М.С. Шепардом. «Национализация» — принятие контроля или владения частной собственностью государством [19]. Также в международной практике при принудительном изъятии иностранной собственности, кроме понятия «национализация» применяют такие понятия, как «экспроприация», «реквизиция» и «конфискация» [23].

В.В. Букреев и Э.И. Рудык в своей работе «Национализация в России: актуальность и риски» определяют, что национализация должна проводиться на основании закона, определяющего цели, основания и порядок национализации конкретного имущества [5].

Национализация — это 1) национализация земли и 2) национализация фабрик и заводов [24]. Проходящая национализация в России и в странах Восточной Европы имеет как схожесть процессов, так и их различие. Европейской конвенцией по правам человека признано право государства лишить то или иное лицо его собственности [5]. Так, например, в России большая часть собственности находится у государства [22]. В последние годы это стало существенно заметно, и автор статьи, проведя исследование, свел данные в таблицу 1.

Причины национализации:

- первая причина увеличения количества предприятий и компаний, национализированных в европейских странах, — исторически начавшийся цикл национализации экономического колебания «национализация — приватизация» [2];
- вторая причина — мировой экономический кризис;
- третья причина — необходимость национализации предприятий и компаний как по экономической, так и социальной необходимости.

Материалы и методы

Рассмотрим экономическую часть национализации как процесса. Исторические формы национализации — социалистическая и капиталистическая. При изучении моделей национализации в первую очередь рассматриваются условия ее проведения, то есть национализация проводится без возмещения стоимости национализированных активов. Кроме термина «национализация» экономистами используются и другие термины, такие как «экспроприация», «конфискация» и так далее. Кроме понятия «конфискация» используется понятие «отчуждение собственности». «Конфискация» — это безвозмездное отчуждение собственности. Другое определение: «конфискация» — это и мера ответственности, и иная, как санкционная, так и предупредительная или обеспечительная мера принуждения. Также вместе с термином «конфискация» в законодательстве прописаны смежные категории: «безвозмездное изъятие имущества» и «обращение имущества в государственную собственность» [25]. Общественное благо — хороший критерий проверки наличия оснований для изъятия собственности, чем какой-либо закрытый перечень таких случаев. К таким случаям можно отнести организацию территории общего пользования (улиц, дорог и так далее). Также такие случаи характерны для зарубежных стран, в которых суды признавали в качестве общего блага, обосновывающего изъятие, необходимость «экономической санации», развитие территории [21].

В Европе Европейской конвенцией по правам человека признано право государства лишить то или иное лицо его собственности «в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом». Национализация предприятий стала отголоском или наследием социалистической идеологии о приоритете государственного управления экономикой и производством. Суть этой идеологии заключается в том, что частная собственность не заботится и не обеспечивает общественного блага. Особенно последствия этой идеологии проявляются в России. В России, например, проведение национализации частных компаний (предприятий) для общественного блага страны может быть одним из нескольких элементов концепции развития гражданского законодательства о национализации.

Кроме того, О.А. Кузнецова и В.В. Степанов в своей работе «Межотраслевая правовая природа конфискации имущества» разъясняют понятие конфискации. По их мнению, «конфискация» — это одно из оснований прекращения права собственности. Авторы предлагают ввести понятие «отобрание». «Отобрание» — принудительное безвозмездное изъятие имущества [25].

Некоторые ученые считают, что, если изъятие следует только в силу государственных или муниципальных нужд и в отношении земельных участков, находящихся в собственности у частных лиц, оно требует учета правил о выкупе [6]. Если национализация земельных участков в нашей стране как на федеральном, так и на региональном уровнях проводится в соответствии с действующим законодательством, то национализация предприятий (компаний) или их активов проводится зачастую с нарушением законов и в ущерб как собственникам и руководителей, так и работников этих предприятий (компаний).

«Катапультирование» — это форма национализации, при которой правительство временно контролирует большую часть компании и ее активов. В таких ситуациях частные акционеры компании могут остаться, но правительство также становится акционером. Следовательно, национализация может происходить путем передачи активов компании государству или передачи акционерного капитала, в результате чего компания может осуществлять свою деятельность под контролем государства [19].

К методам научного экономического исследования относятся несколько типов: генетические, эмпирические, математические и теоретические. В данной статье автор рассматривает генетический метод (исторический и эволюционный методы в экономике) [26]. Генетический метод, направленный на выявление механизма формирования причин возникновения национализации, более подробно рассматривался И.Г. Шелудяковой в статье,

опубликованной в журнале «Фундаментальные исследования» в 2015 году, где говорится о неизбежности прохождения национализации, как экономического процесса, после прошедшей приватизации во многих странах Восточной Европы [2]. Также при проведении данного исследования автор не исключает возможности применения системного подхода. Например, по мнению И.Г. Шелудяковой и С.А. Дукарт, системный подход может быть рассмотрен в качестве основного при изучении процессов национализации частной собственности [2].

Как упоминалось ранее, анализ экономических причин проведения национализации очень важен, основная причина проведения национализации — спад в экономике в целом, а также в отдельных отраслях. Соответственно, чтобы коммерческие (частные) компании и предприятия не были обанкрочены и закрыты в период упадка, государству необходимо не только рассмотреть возможность их национализации, но и на законных основаниях иметь право их национализировать. В современной мировой экономике Россия не развивается и не может развиваться отдельно и независимо от других стран. И если кризис происходит в Восточной Европе, в Центральной Европе или во всем мире, то и в российской экономике происходит спад. И если не считать экономический кризис 2020 года, за последние десять лет произошли несколько спадов в экономике (2012 год и 2016 год). Соответствующим образом менялось и количество работающих предприятий в России. Общее количество предприятий в России с 2012 по 2018 годы представлено в таблице 1.

Таблица 1. Количество предприятий в Российской Федерации в 2012–2018 годах

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Кол-во предприятий	4 886 432	4 843 393	4 886 000	5 043 600	4 764 500	4 561 700	Нет данных

Источник: составлено по данным Росстат (Россия в цифрах 2012–2018 годы).

В таблице 1 представлены показатели по количеству предприятий в России за последние несколько лет. Как видно из количественных показателей, количество предприятий в стране в 2017 году (4 561 700) уменьшилось по сравнению с 2016 годом на 4 % (4 764 500), по сравнению с 2015 годом на 10 % (5 043 600), по сравнению с 2012 годом на 6,7 % (4 886 432), что в свою очередь показывает реальную экономическую ситуацию в стране.

Результаты и обсуждение

Происходящая национализация в странах Европы является лишь циклической волной, следующей за приватизацией. Придерживаясь данной теории, автор статьи более подробно рассмотрит модель национализации в новой экономической политике (таблица 2).

Таблица 2. Национализированные фирмы (сектора экономики) в странах Европы в 2010–2019 годах

Страна	Год	Фирма, компания, сектор экономики, отрасль	Форма изъятия в собственность государства (перехода частной собственности в собственность компании, подконтрольной государству)
Литва	2011	Банк «Snoras»	Национализация
Черногория	2012	Алюминиевая компания Kombinat Aluminijuma Podgocia	Национализация
Польша	2013	Активы частных пенсионных фондов	Конфискация
Венгрия	2010	Алюминиевый завод «MAL AG»	Национализация
	2013	«Венгерский Народный банк»	Национализация
	2014	Банк «Budapest Bank»	Национализация
	2019	Компания «Икарус»	Выкуп компании
Белоруссия	2013	СП ОАО «Спартак»	Национализация

	2013	ОАО «Луч»	Национализация
	2014	ОАО «Барановичидрев»	Национализация
	2018	ОАО «Керамин»	Национализация
Молдавия	2015	Banc de Economii (BEM)	Национализация
Эстония	2015	Газораспределительная сеть	Национализация
Латвия	2017	Оператор газохранилища «Сопехус»	Национализация
Украина	2016	«Приватбанк»	Национализация
	2019	Газораспределительная отрасль экономики	Национализация
Россия	2011	Компания «Тройка Диалог»	Продажа в собственность ПАО «Сбербанк» (подконтрольного государству)
	2013	АО «ТНК-ВР»	Обмен акциями с компанией, подконтрольной государству
	2014	АО «Башнефть»	Реприватизация (денационализация)
	2014–2019	Активы коммерческих банков	«Тихая национализация финансов»
	2015–2019	Активы негосударственных пенсионных фондов	«Тихая национализация финансов»
	2018–2019	Активы частных страховых компаний	«Тихая национализация финансов»
	2019	Компания «Ел+» (производство алюминия)	Обмен акциями с компанией, подконтрольной государству

Источник: составлено автором.

Как видно из таблицы 2, национализация во всех странах происходит во время мировых кризисов, и за последние десять лет это произошло в основном в странах Европы, в том числе и в России; в основном это касается банковского сектора экономики и промышленных предприятий при падении цен на тот или иной ресурс (мировые цены на нефть, газ, сталь и так далее). Из таблицы 1 видно, что в последние несколько лет в нашей стране усиливается роль государства во всех сферах экономики, в том числе и в финансовой. При этом в отношении тенденций национализации частной собственности, происходящих в России, явно прослеживается желание государства иметь монополию во всех отраслях экономики. В то же самое время страны Западной Европы показывают более устойчивое состояние экономики к протекающему мировому кризису, и поэтому процессы национализации в этих странах если и происходят, то они настолько незначительны и носят единичные случаи, что никак не влияют на социально-экономическое состояние в стране.

Одним из положительных результатов необходимости проведения национализации частной собственности можно считать исследование И.Г. Шелудяковой и С.А. Дукарт, в котором они рассмотрели гипотезу эффективности управления собственностью [2]. Таким примером можно считать выкуп в 2019 году государством акций компании «Икарус» (Венгрия) и, соответственно, возобновление производства автобусов. Также рядом ученых, таких как В.И. Гришин [27], в последние годы по изучению данной темы был проведен анализ национального законодательства ведущих зарубежных стран.

Есть и другие мнения. Например, некоторые из современных ученых, таких как Р. Чанг [28], считают, что стабильное управление предприятием происходит в рамках государственной собственности, в то время как большая эффективность достигается, когда право собственности и управление ресурсом находятся в частных руках.

Кроме того, одним из отрицательных моментов проведения национализации, по мнению ученых, является различие между долей в ВВП и долей в совокупных инвестициях в основной капитал предприятий. Это способствует низкой эффективности использования инвестиций в национализированном секторе экономики. За несколько последних лет процессы национализации прошли в России с крупными компаниями (предприятиями):

- подконтрольное государству АО «Газпром» приобрело контрольный пакет акций АО «Сибнефть»;
- АО «ВТБ» приобрел АО «Банк Москвы»;
- национализация АО «Татнефти» (приватизация и национализация «Татнефти», и возможная повторная приватизация).

Кроме того, необходимо отметить, что есть и практическая сторона проведения национализации, например в России, после проведенной приватизации в прошлые годы. Прошедшая приватизация в России в 90-х годах ослабила военно-стратегическое положение России, предприятия закрыты, и в оборонной промышленности были разорваны важные технологические экономические цепочки [29]. И одной из возможностей возродить военный потенциал страны является возврат оставшихся предприятий, производящих военную продукцию, в государственную собственность, то есть их национализировать (в нашей стране это происходит путем их объединения в холдинги и корпорации, подконтрольные государству). Также такой же цели национализации в нашей стране (сохранение отраслей (предприятий) для обеспечения государственной безопасности страны) придерживаются экономисты В.В. Букреев и Э.И. Рудык в своей статье «Национализация в России: актуальность и риски» [5].

Одной из опасностей проходящей национализации автор статьи считает возможность перехода национализации в соответствии с ее юридической «оформленностью» в неоформленную национализацию (*de facto*), то есть в спонтанную национализацию. Например, некоторые ученые, проведя анализ процессов национализации, придерживаются мнения, что государственные компании более эффективны в своей работе, чем коммерческие (частные) компании (на примере компаний в производстве общественных благ) [2]. Подводя итог можно сказать, что национализация в странах Восточной Европы проводится точечным методом — национализируются те или иные компании (предприятия) для достижения конкретной цели. По второму вопросу, рассмотренному автором в данной статье, определяя формы и виды национализации за последние десять лет, выявлена тенденция к увеличению их количества и появлению все новых и новых форм и видов. Национализация сегодня возможна, и в некоторых случаях с экономической точки зрения необходима, но для выработки экономической политики необходимо применять методологию институционального проектирования с учетом предпочтений предпринимателей, менеджеров и собственников имущества [21]. В соответствии с «Западной» тенденцией при национализации в обязательном порядке в соответствии с международным правом проводится возмещение лишенной стороне полной стоимости, взятой государством собственности («соответствующая компенсация»).

Также, в соответствии с проведенным анализом процессов национализации, можно сделать вывод, что эти экономические процессы являются временными и для стабильного экономического роста в странах, в том числе и в России, необходимо применять и другие инструменты. Кроме того, после кризиса в экономике 2020 года в особенности «средний бизнес» нуждается в помощи административного ресурса и поддержке государства, в том числе покрытия убытков компаний [30–32].

Выводы

Данная статья описывает только экономические вопросы и не рассматривает политические влияния на экономику страны. Кроме того, национализированные предприятия могут не только оставаться в федеральной собственности, но и передаваться как в собственность субъектов федерации, так и в муниципальную собственность.

При проведении национализации, государству необходимо:

- добиться сохранения стратегически важных отраслей;
- вывести из-под иностранного контроля объекты, обеспечивающие экономический суверенитет;

- пресечь незаконный вывод средств из страны.

В итоге институциональное проектирование должно включать не только строгие модели и методы, но и неформализованные концепции, способствующие поставленным задачам, проектирование новых институтов (правил, норм, механизмов и так далее), что может способствовать повышению продуктивности проведения национализации.

Это связано как с прошедшим кризисом (замедлением роста в экономике), так и с несовершенством федерального законодательства по поддержке промышленных предприятий, являющихся «неэффективными», а также возможности проведения национализации «социально неэффективных» предприятий, развития межрегиональных связей и инноваций.

Библиографический список

- [1] Manzano O., Monaldi F. The political economy of oil production in Latin America // *Economia, LACEA's Journal*. – 2008. – Vol. 9, No 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://servicios.iesa.edu.ve/Portal/CIEA/latinamerica_oilproduction_manzanomon_%20lacea.pdf (дата обращения: 03/04/2020).
- [2] Шелудякова И.Г., Дукарт С.А. Цикл национализация-приватизация: сравнительный анализ работ по проблеме преобразования режимов собственности // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 2–21. – С. 4737–4741.
- [3] Богданов Е.В. Договоры в сфере предпринимательства: монография. – Москва: Проспект. – 2018. – 304 с.
- [4] Болтанова Е.С. Правовое регулирование принудительного отчуждения недвижимого имущества для государственных или муниципальных нужд // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. – 2015. – № 6. – С. 6–15.
- [5] Букреев В.В., Рудык Э.Н. Национализация в России: актуальность и риски // *Управленческие науки*. – 2013. – № 2. – С. 4–17.
- [6] Бултакова Н.А. Возмещение вреда, вызванного изъятием собственности граждан и юридических лиц для государственных и общественных надобностей // *Гражданское право*. – 2015. – № 3. – С. 22–27.
- [7] Гришин В.И., Курбанов Р.А., Хасбулатов Р.И. Экономико-правовые концепции национализации: Россия и зарубежный опыт: монография. – Москва: Просвет, 2019. – 416 с.
- [8] Дорофеева Ю.А. Национализация и экспроприация как основание принудительного прекращения права частной собственности государством // *Власть закона*. – 2016. – № 2(26). – С. 59–73.
- [9] Коновалов А.И. Категории «национализация», «деприватизация» и «реприватизация» в Российском праве: проблемы соотношения // *Закон и право*. – 2015. – № 5. – С. 75–79.
- [10] Оспанова Г.А., Таламбаева Г.Е., Култанова Н.Б., Ерняязова Ж.Н. Системный подход в изучении экономического явления — кластера // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2015. – № 5–2. – С. 308–310.
- [11] Саурин А.А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые реализации и ограничения: монография. – Москва: Статут, 2014. – 351 с.
- [12] Шелудякова И.Г., Дукарт С.А. Сравнительный анализ издержек и выгод национализации и приватизации как инструментов государственного регулирования национальной экономики // *Научное обозрение. Экономические науки*. – 2014. – № 2. – С. 141–142.
- [13] Шушакова Ю.А. Деприватизация предприятий как мера господдержки // «Россия молодая»: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Под ред. С.Г. Костюка. – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачёва, 2017. – 56 с.

- [14] Щенникова Л.В. Гражданско-правовая наука о национализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – Вып. 4, № 18. – С. 179–186.
- [15] Banner S. American property: A history of how, why and what we own. – Cambridge: Harvard University Press, 2011. – 384 p.
- [16] Chang Y.-Ch., Smith H.E. An economic analysis of civil versus common law property // Notre Dame Law Review. – 2012. – Vol. 88, No 1. – P. 1–55.
- [17] Li X., Liu X., Wang X.L. A model of China's state capitalism [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iems.ust.hk/assets/publications/working-papers-2015/iemswp2015-12.pdf> (дата обращения: 12/05/2020).
- [18] Mahdavi P. Why do leaders nationalize the oil industry? The politics of resource expropriation // Energy Policy. – 2014. – No 75. – P. 228–243.
- [19] Shepard M.S. Nationalization // Economic policy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/nationalization#info-article-history> (дата обращения: 17/05/2020).
- [20] International investment agreements: Key issues [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unctad.org/en/Docs/iteit200410_en.pdf (дата обращения: 08/05/2020).
- [21] Supreme Court of the United States: Case No 04–108 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/545/469.html> (дата обращения: 14/05/2020).
- [22] Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. – 2002. – № 6. – С. 10–31.
- [23] Данельян А.А. Национализация в современном международном праве // Закон. – 2014. – № 4. – С. 142–151.
- [24] Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка Ушакова. – Москва: Альта-Принт, 2012. – 300 с.
- [25] Кузнецова О.А., Степанов В.В. Межотраслевая правовая природа конфискации имущества // Журнал российского права. – 2018. – № 2(254). – С. 27–37.
- [26] Орехов А.М. Методы экономических исследований. – Москва: Экономика, 2009. – 392 с.
- [27] Гришин В.И., Курбанов Р.А., Хасбулатов Р.И. Экономико-правовые концепции национализации: Россия и зарубежный опыт: монография. – Москва: Просвет, 2019. – 416 с.
- [28] Chang R., Hevia C., Loayza N. Privatization and nationalization cycles // Macroeconomic Dynamics. – 2010. – Vol. 22, No 2. – P. 331–361.
- [29] Вилькобрисский М. Как делили Россию. История приватизации. – Москва: Питер, 2016. – 192 с.
- [30] Рожков Е.В. Состояние и перспективы инновационной деятельности на предприятиях промышленности Западного Урала // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2016. – № 1. – С. 88–96.
- [31] Рожков Е.В. Эффективность приватизации государственных предприятий в Пермском крае // Ars administrandi (Искусство управления). – 2015. – № 2. – С. 139–150.
- [32] Разорвин И.В., Рожков Е.В. Институциональные проблемы государственного управления экономикой // Вопросы управления. – 2015. – № 4(16). – С. 138–144.

References

- [1] Manzano, O., & Monaldi, F. (2008). The political economy of oil production in Latin America. *Economia, LACEA's Journal*, 9(1). Retrieved from http://servicios.iesa.edu.ve/Portal/CIEA/latinamerica_oilproduction_manzanomonaldi_%20lacea.pdf.
- [2] Sheludakova, I.G., & Dukart, S.A. (2015). Nationalisation-privatization cycle: Comparative analysis of economic researches about property regimes transformation. *Fundamental Research*, 2–21, 4737–4741.
- [3] Bogdanov, E.V. (2018). *Contracts in the field of entrepreneurship*. Moscow: Prospekt.

- [4] Boltanova, E.S. (2015). Legal regulation of compulsory alienation regarding real state for the state or municipal needs. *Property Relations in the Russian Federation*, 6, 6–15.
- [5] Bultakova, N.A. (2015). Compensation of harm appeared due to seizure of property of citizens and juridical persons for state and juridical persons for state and public needs. *Civil Right*, 3, 22–27.
- [6] Bultakova, N.A. (2015). Compensation of harm appeared due to seizure of property of citizens and juridical persons for state and juridical persons for state and public needs. *Civil Right*, 3, 22–27.
- [7] Grishin, V.I., Kurbanov, R.A., & Hasbulatov, R.I. (2019). *The economic and legal concepts of nationalization: Russia and foreign experience*. Moscow: Prosvet.
- [8] Dorofeyeva, Yu.A. (2016). Nationalization and expropriation as the basis of forced termination of private ownership right by the state. *Rule of Law*, 2(26), 59–73.
- [9] Konovalov, A.I. (2015). Categories “nationalization”, “deprivatization” and “reprivatization” in Russian law: The problems of correlation. *The Law and the Right*, 5, 75–79.
- [10] Ospanova, G.A., Talapbaeva, G.E., Kultanova, N.B., & Erniazova, Zh.N. (2015). Systematic approach to the study of economic phenomenon of a cluster. *International Journal of Applied and Fundamental Survey*, 5–2, 308–310.
- [11] Saurin, A.A. (2014). *The right of ownership in the Russian Federation: Constitutional and legal implementation and restrictions*. Moscow: Statut.
- [12] Sheludyakova, I.G., & Dukart, S.A. (2014). The comparative analysis of costs and benefits of nationalization and privatization as instruments of the state regulation in the national economics. *The Science Review. Economics Sciences*, 2, 141–142.
- [13] Shushakova, Yu.A. (2017). The deprivatization of enterprises as a measure of the state support. In “Young Russia”: materials of the 9th all-Russian scientific and practical conference of young scientists. Kemerovo: Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev.
- [14] Shchennikova, L.V. (2012). Civil law science with regard to nationalization. *Bulletin of Perm University, Legal sciences*, 4(18), 179–186.
- [15] Banner, S. (2011). *American property: A history of how, why and what we own*. Cambridge: Harvard University Press.
- [16] Chang, Y.-Ch., & Smith, H.E. (2012) An economic analysis of civil versus common law property. *Notre Dame Law Review*, 88(1), 1–55.
- [17] Li, X., Liu, X., & Wang, X.L. (2015). *A model of China’s state capitalism*. Retrieved from <https://iems.ust.hk/assets/publications/working-papers-2015/iemswp2015-12.pdf>.
- [18] Mahdavi, P. (2014). Why do leaders nationalize the oil industry? The politics of resource expropriation. *Energy Policy*, 75, 228–243.
- [19] Shepard, M.S. (2018). Nationalization. *Economic Policy*. Retrieved from <https://www.britannica.com/topic/nationalization#info-article-history>.
- [20] International investment agreements: Key issues. (2004). Retrieved from https://unctad.org/en/Docs/iteiit200410_en.pdf.
- [21] Supreme Court of the United States: Case No 04–108. (2005). Retrieved from <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/545/469.html>.
- [22] Nureev, R.M., & Runov, A.B. (2002). Russia: Is deprivatization inevitable? (The phenomenon of power-property in historical perspective). *Economic Issues*, 6, 10–31.
- [23] Danelyan, A.A. (2014). The nationalization in modern international law. *The Law*, 4, 142–151.
- [24] Ushakov, D.N. (2012). *Explanatory dictionary of the Russian language by Ushakov*. Moscow: Alta-Print.
- [25] Kuznetsova, O.A., & Stepanov, V.V. (2018). Inter-branch legal nature of the confiscation. *The Russian Law Journal*, 2(254), 27–37.
- [26] Orekhov, A.M. (2009). *The methods of economic survey*. Moscow: Economics.
- [27] Grishin, V.I., Kurbanov, R.A., & Hasbulatov, R.I. (2019). *The economic and legal concepts of nationalization: Russia and foreign experience*. Moscow: Prosvet.

- [28] Chang, R., Hevia, C., & Loayza, N. (2010). Privatization and nationalization cycles. *Macroeconomic Dynamics*, 22(02), 331–361.
- [29] Vilkobrissskiy, M. (2016). *What point is Russia. Story privatizations*. Moscow: Piter.
- [30] Rozhkov, E.V. (2016). State and perspectives of innovative activity at industrial enterprises of Western Ural. *Bulletin of PNRPU*, 1, 88–96.
- [31] Rozhkov, E.V. (2015). Efficiency of privatization of state businesses in Perm Krai. *Scientific Journal “Ars Administrandi (The Art of Management)”*, 2, 139–150.
- [32] Razorvin, I.V., & Rozhkov, E.V. (2015). Institutional problems of public management of the economy. *Management Issues*, 4(16), 138–144.

Получена / Submitted: 29/07/2020

Доработана / Revised: 07/08/2020

Принята к публикации / Accepted: 26/08/2020

УДК 316.346.32-053.6

К ВОПРОСУ ОБ ЭМИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЯХ МОЛОДЫХ РОССИЯН

Андрей Викторович Медведев¹

¹*Нижегородский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация. В предлагаемой статье проводится анализ социальных установок молодых россиян и выдвигается предположение о возможных причинах возникновения эмиграционных настроений у российской молодежи. Формулируются теоретические положения, а также разрабатываются научные выводы в сфере определения перспектив и особенностей формирования жизненных установок, негативных настроений, социальных конфликтов у молодежи на современном этапе развития российского общества. Представленный краткий литературный анализ позволил сформулировать теоретические выводы и очертить перспективы и особенности развития взглядов на вопросы регулирования и трансформации конфликтов. Доказано, что вследствие социальной незрелости современной российской студенческой молодежи с помощью применения технологии трансформации конфликта возможно оказание на нее негативного управляющего воздействия, направленного на инспирирование конфликтных проявлений по отношению к действующей власти.

Ключевые слова: российская молодежь, каналы доведения и восприятия информации, социальное взаимодействие, дистинкция, социальный конфликт, трансформация конфликта.

On the Issue of Emigration Sentiments of Young Russians

Andrey Medvedev¹

¹*Nizhny Novgorod Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Abstract. The proposed article analyses the social attitudes of young Russians and suggests the possible reasons for the emergence of emigration sentiment among Russian youth. Theoretical provisions are formulated, as well as scientific conclusions are being developed in the field of determining the prospects and features of the formation of life attitudes, negative moods, social conflicts among young people at the modern stage of the development of Russian society. The presented brief literary analysis made it possible to formulate theoretical conclusions and outline the prospects and features of developing views on issues of conflict management and transformation. It has been proved that due to the social immaturity of modern Russian student youth, using the technology of transforming the conflict, it is possible to exert a negative governing influence on it, aimed at inspiring conflict manifestations in relation to the current government.

Keywords: Russian youth, channels of communication and perception of information, social interaction, distinction, social conflict, conflict transformation.

Введение

В конце ноября 2019 года практически всеми российскими СМИ в качестве сенсационной новости были преподнесены данные социологического исследования молодых россиян, опубликованных «Левада-Центр», согласно которому 53 % опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет хотели бы уехать из России на постоянное место жительства за границу. Среди основных причин эмиграционных настроений были названы: беспокойство за будущее детей (45 %), экономическая ситуация (40 %) и внутривнутриполитическая обстановка в стране (33 %). Достаточно парадоксальным выглядит тот факт, что среди желающих эмигрировать поддерживают Президента Российской Федерации В.В. Путина 54 % (тогда как среди тех, кто не задумывается об эмиграции, — 73 %). Исследователи «Левада-Центра» [1] отмечают наличие у значительной части российской молодежи конфликтных настроений,

обусловленных, по их мнению, противоречиями между ожиданиями и возможностями, представляемыми молодым современным российским обществом. Другие исследовательские группы, проводившие исследования наличия эмиграционных настроений у молодых граждан страны, также подтвердили наметившуюся тенденцию, однако приводимые ими цифры порой отличались на порядок.

Например, результаты социологических исследований, проводимых «ВЦИОМ-Спутник» в 2011–2018 гг., выявляли практически постоянное число — 31 % молодых россиян (в возрасте 18–24 года), высказывавших желание выехать из России за границу на постоянное место жительства [2]. Однако после появления «сенсационных» цифр «Левада-Центра», ВЦИОМ в ноябре 2019 г. опубликовал результаты своего опроса, согласно которому лишь 4,8 % респондентов этой же возрастной группы хотели бы выехать на ПМЖ за рубеж [3]. Причиной подобных колебаний, на наш взгляд, является то, что в современную эпоху — эпоху Интернета и громадных объемов циркулирующей в нем информации, те гигантские возможности, которые предоставляет всемирная паутина, уже давно и вполне успешно используются для оказания на население отдельных этносов, регионов и целых стран направленного информационно-психологического воздействия [4]. Механизмы его реализации достаточно подробно описаны рядом исследователей [5].

Литературный обзор

Важные аспекты теоретической и методологической основы исследования социологии конфликта отражены в трудах отечественных и зарубежных ученых, посвященных различным вопросам возникновения, изменения содержания, регулирования конфликта и его трансформации. Рассмотрению вопросов причин возникновения конфликтов, целей и задач, преследуемых их акторами, посвящены работы Геродота, Платона, Эпикура, Томаса Гоббса, И. Канта, О. Конта, Г. Гегеля, Ч. Дарвина, и других авторов. Теоретико-методологические основания теории социальных конфликтов сформулированы Г. Спенсером, К. Марксом, Г. Зиммелем и Э. Дюркгеймом. Проблемами снижения интенсивности социальных конфликтов занимались Э. Дюркгейм, Р. Дарендорф, Л. Козер, Л. Крисберг, К. Райманн.

В отечественной конфликтологии проблемам разработки стратегий и технологий разрешения конфликтов, а также методов управления поведением их акторов в настоящее время уделяется пристальное внимание исследователей (А.К. Зайцев, В.П. Пугачев, В.А. Соснин, Е.И. Васильева и другие). Анализ существующих принципов и технологий управления конфликтами показывает, что значительная часть ученых отдает приоритет созданию условий для изменения поведения и восприятия ситуации конфликтующими сторонами, использованию процедур налаживания между ними процессов рече-языковой коммуникации, направленной на обсуждение возникшего конфликта и выработки совместных решений. Современный проблемно-ориентированный подход к управлению конфликтами основан на исследованиях Дж. Бертона и его последователей, которые показывают существенную роль выявления основных потребностей у конфликтующих сторон, и указывают на необходимость повышения адекватности восприятия конфликтных ситуаций их участниками.

Научный уровень этих работ достаточно высок. Однако, во-первых, конфликтология, как одно из направлений социологии, непрерывно развивается; во-вторых, теоретические изыскания рассматривают социальный конфликт, способы его регулирования и трансформации с целью снижения интенсивности, без изучения возможности применения методов трансформации конфликта в «реверсивном» направлении, то есть формирования и развития конфликтной ситуации между российской молодежью и властью с помощью современных технологий «подталкивания»; в-третьих, работы зарубежных авторов, в основном, отражают точку зрения на проблему конфликта, сложившуюся в западной системе социальных установок, что не всегда соответствует российской действительности. В

исследованиях, наиболее близких к рассматриваемой проблеме, лишь в общих чертах и фрагментарно затрагивались вопросы изучения конфликтного поведения социальных групп. Кроме того, во всех известных работах не акцентируется внимание на способах оказания наиболее эффективного управляющего воздействия на отдельные социальные группы и слои общества. В частности, российскими исследователями составлялся социальный портрет российской молодежи, и отмечалось наличие у нее конфликтных настроений, однако причины возникновения и нарастания противоречий не были предметом их пристального изучения.

В целом обзор научной литературы и источников по теме исследования позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на достаточное количество различных материалов по вопросам регулирования и трансформации конфликта, проблема их применения в «реверсивном» направлении — использовании данных методик с целью оказания управляющего воздействия на современную студенческую российскую молодежь, — отражения еще не нашла.

Материалы и методы

В работе использованы общенаучные и специально-научные методы. Научные методы позволили определить состояние, тенденции и перспективы развития научно-прикладных исследований в сфере формирования конфликтных настроений у молодых россиян; проанализировать природу социального конфликта, стратегии его развития, методы и технологии разрешения; изучить способы социальных воздействий, направленных на трансформацию конфликта в негативном направлении и переносу его с микрогрупп на макрогруппы.

Метод сравнительного анализа позволил определить, что в последние десятилетия одной из наиболее важных тем, которая привлекает внимание исследователей теории конфликтов, является концепция «разрешения конфликта» и его трансформации. Они определяют конфликт как феномен, непрерывно изменяющийся, трансформирующийся во что-то, переходящий из одного состояния в другое. В настоящее время интерес к теоретическому и практическому изучению конфликтов объясняется усилением напряженности в различных сферах общественной жизни, которая провоцирует конфликтные проявления разного рода. Запросы практики, требующей действенные методики снижения интенсивности конфликтов, в том числе путем их трансформации, не вполне удовлетворяются теоретическими разработками современной социологии, которая далеко не всегда находит однозначные решения по происходящим в мире процессам и зачастую не дает практических рекомендаций по работе с ними.

Диспропорция между потребностями практики и надеждами, возлагаемыми на помощь социологии, с одной стороны, и недостаточным теоретическим осмыслением проблем «трансформации конфликтов» с другой, затрудняет эффективное использование потенциала современной социологической науки в решении практических задач, связанных с трансформацией конфликтов. В силу этих обстоятельств социальное исследование трансформации конфликтов представляется актуальной научной проблемой, имеющей концептуальное, методологическое и прикладное значение.

Результаты и обсуждение

Безусловно, на процесс формирования миграционных настроений оказывает существенное влияние ситуация в экономике и политике как в России, так и в мире в целом. По данным того же «Левада-Центра», после всплеска доверия к власти, вызванного присоединением Крыма в 2014 году, этот показатель среди молодежи имеет тенденцию к постоянному снижению. Доля молодых россиян, считающих, что развитие страны идет в неправильном направлении, и выступающих за решительные перемены, выросла за период с 2017 по 2019 гг. с 42 до 59 %.

При этом информационно-пропагандистские материалы, направленные на укрепление имиджа власти, подготовленные и продвигаемые по каналам официальных СМИ, не находят

поддержки у молодежи — если в 2016 году около 75 % молодых россиян узнавали новости из телепередач, то в марте 2019 года их число не превысило 42 %. Произошло «замещение» этого канала получения информации социальными сетями, зачастую заменяющими молодым непосредственное, «живое» общение со сверстниками. Число их участников среди молодежи возросло с 40 до 64 % [1]. Социологические исследования, проведенные в России другими группами, также подтвердили наметившуюся тенденцию к возрастанию эмиграционных настроений среди молодых граждан страны. Так, результаты социологического исследования 1 600 россиян в возрасте от 18 до 24 лет, регулярно проводимых «ВЦИОМ-Спутник» в период 2011–2018 гг., показывали примерно аналогичный результат — среди участников опроса около 30 % постоянно высказывали желание уехать из России за границу на постоянное место жительства.

Почему же молодое поколение россиян не связывает свое будущее с жизнью в России? Как полагают Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин и Н.А. Зоркая, ценностные ориентиры нового поколения россиян, сформировавшегося после краха советской системы, заданы простыми координатами — по преимуществу развлекательными медиа, формирующими установку на то, что главным мерилем успеха сегодня является наличие «больших денег». Жизненные установки современной российской молодежи характеризуются отсутствием значимых идей и перспектив, сравнительно невысокими жизненными притязаниями и относительной доступностью средств их удовлетворения [6]. Особенно тяжелой по последствиям представляется деградация базовых ценностей системы образования всех уровней — от школы до университетов. Девальвированными оказались ценностные установки наиболее сложных форм социальной организации — мотивации научного познания, высокого смысла литературы, морали, человеческой солидарности.

Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин и Н.А. Зоркая считают, что сегодня в российском обществе успех, а соответственно и доходы, социальное положение, влияние и авторитет определяются не образованием, личной компетенцией, квалификацией, а чиновниками или принадлежностью к «высшей» страте. В России не выстроена система реально действующих «социальных лифтов». Отсутствие реальной конкуренции и соперничества за общественное признание, социальная стратификация общества, основанная на возможности получения определенного статуса по праву рождения или благодаря наличию нужных связей, а не в результате личных достижений, приводит к размыванию у молодежи истинных ценностей и формированию ложной жизненной цели — стремления к потребительскому гедонизму. В восприятии своего поколения у молодых россиян полностью отсутствует романтическая идеализация, у них не воспитано чувство коллективизма, желание и стремление к совместному достижению больших целей. Главными ценностными ориентирами являются желание денег, иррациональный оптимизм общих представлений о структуре социального общества, а также надежды на патерналистскую политику государства [6].

При этом желание денег, как главного мерила успеха в современной России, сталкивается с отсутствием у молодых реальной возможности заработать их честным путем. Результаты исследования ценностных ориентиров российской молодежи в возрасте от 18 до 24 лет, проведенного государственным университетом управления показали, что около 20 % респондентов оценили уровень своего материального положения как низкий (денег хватает на питание, но уже покупка одежды вызывает затруднение). Около трети респондентов (32,8 %) заявили, что для питания и приобретения одежды денег достаточно, однако купить крупную бытовую технику в данный момент (например, телевизор или холодильник) им было бы затруднительно. Еще треть опрошенных относит себя к материально благополучной группе (им хватает денег на покупку крупной бытовой техники, но не на покупку нового автомобиля), и только 4,5 % опрошенных заявили, что могут позволить себе все, в том числе приобретение объектов недвижимости. Оставшиеся (менее 10 %) на вопрос о собственном материальном положении затруднились дать конкретный ответ.

Данная оценка российской молодежью личного материального положения и материального положения своей семьи свидетельствует о высокой дифференциации населения России по экономическому показателю. При этом каждый пятый молодой россиянин оценивает свое материальное положение и материальное положение своей семьи как затруднительное, из чего ими делается вывод об отсутствии достаточных стартовых возможностей и жизненных перспектив [7]. Интересны выводы данного исследования о степени сформированности у молодых людей эмиграционных установок. Установлено, что 36,1 % опрошенных после окончания обучения хотели бы жить и работать в России в том же городе, где они сейчас учатся. Примерно столько же (35,5 %) хотели бы по окончании обучения жить и работать в России в другом городе (регионе). И только каждый пятый (20 %) выразил желание по окончании обучения уехать из России и жить за границей. Основным мотивом возможной эмиграции, по мнению опрошенных, является потребность в самореализации (73,3 % считают, что в другой стране у них будет больше возможностей реализовать себя, а в России они ощущают себя невостребованными) [8–10]. Более того, тот же «ВЦИОМ-Спутник», который в 2011–2018 гг. подавал почти постоянное (около 30 %) количество молодых россиян в возрасте 18–24 лет, высказавших желание выехать из России за границу на постоянное место жительства [2], после публикации «сенсационных» результатов «Левада-Центра» заявил, что их результаты опроса, проведенного в ноябре 2019 г., дали меньшие на порядок цифры — лишь 4,8 % молодых хотели бы выехать на ПМЖ за рубеж [3].

Попытаемся разобраться в причинах возникновения столь больших расхождений в числовых показателях, оценивающих эмиграционные настроения российской молодежи. Абстрагируясь непосредственно от количественных результатов исследований, отметим, что всеми исследовательскими группами была зарегистрирована общая тенденция — современная российская молодежь недостаточно социально зрела, у нее не сформированы чувства патриотизма, гражданской ответственности, причастности к единому обществу, а психологическая составляющая обусловлена наличием конфликтных настроений, вызванных несоответствием собственных ожиданий и реальных социальных перспектив. Представляется, что ответ на вопрос, каким образом эти конфликтные настроения трансформируются в желание уехать из России, можно дать на основании положений одного из разделов социологии — конфликтологии [11]. Ее основоположник, Льюис Козер, в своих работах «Функции социального конфликта» (1956), «Конфликт и консенсус» (1984), исследуя феномен социального конфликта, полагал, что причиной его возникновения является неустранимый дефицит ресурсов, власти, ценностей, престижа, всегда существующий в любом обществе. Ученым было выделено два основных вида конфликтов — реалистические и нереалистические [12]. Конфликты, возникающие из-за невозможности удовлетворения специфических требований по обладанию объектом, всегда направлены на достижение конкретного результата (цели) и являются реалистическими конфликтами.

В противоположность им, *нереалистические конфликты обусловлены потребностью в снятии напряжения* (снижением уровня агрессивности) у одной или у обеих противоборствующих сторон, *при этом их взаимодействие в ходе конфликта определяется не стремлением к достижению конкретного результата, а является самоцелью. Нереалистические конфликты становятся результатом трансформации изначально реалистического антагонизма, который не нашел выражения.* Таким образом, разрыв между желаниями и осознанием собственных возможностей приводит к стойкому негативизму большинства среди российской молодежи в восприятии реальности, возникновению состояния нереалистического конфликта и уходу от него в мир виртуальный — мир красивой жизни в обществе потребления, обществе «равных возможностей», который возможен только за пределами России. Что же способствует формированию подобной модели поведения?

В.С. Дунченко в своей работе «Онтосинтетическая модель конфликта» применяет понятие «дистинкция» (англ. «distinction» — «различение», «распознавание», «отличие») [13].

Дистинкция — это процесс, средство и результат синтезирования и выделения в мире отдельных предметов и вещей. Иначе дистинкцию можно рассматривать как инструмент идентификации человеком воспринимаемой реальности. Если дистинкция — это средство дифференциации и идентификации чего-либо в окружающем нас мире, логично предположить, что, оказываясь в сознании, она проецируется человеком на материальный мир в качестве образца, придает ему форму и наполнение, программируя нашу деятельность в нем.

Философ и лингвист Л. Ельмслев, создавший науку под названием «глоссематика», ввел понятие «глоссы». В качестве глосс исследователем были рассмотрены единицы языка разного уровня сложности — от всего корпуса языка до морфемы [14]. Впоследствии К. Кастанеда, ссылаясь на Т. Парсонса, определил глоссу как всеобщую систему восприятия человеком окружающего мира и совокупность соответствующих ей средств рече-звукового воспроизведения. Он приводил в качестве примера глоссы комнату, которая включает в себя серию изолированных восприятий (или дистинкций) — пол, потолок, стены, окно, освещение и так далее. «Глосса» и «дистинкция» — это не онтологические образования, а определенные функции в нашей мыслительной деятельности. Дистинкция «столкновение» маркирует некий процесс взаимодействия между разными силами в конфликте как противоборство, взаимное подавление, стремление нанести ущерб и реализовать свои интересы.

Рассматривая конфликт в целом, можно вычленил три базовые стратегии поведения человека либо группы, оказавшихся в ситуации конфликта:

- конфликтная реакция или поведение по сценарию, заложенному инициатором конфликта (ответная агрессия, негативные эмоциональные состояния, усиливающиеся по степени жесткости нападения и так далее);
- уход от конфликта, отказ от участия в нем, принесение в жертву своих интересов, предоставление инициатору конфликта того, чего он хочет, — «стратегия избегания»;
- работа с конфликтом, ведение переговоров, перевод конфликта в рациональную плоскость, использование научных методов регулирования конфликта и его разрешения, или «конструктивная стратегия» [15].

По мнению автора, именно избегание конфликта, как наиболее «легкая» стратегия поведения в конфликте, обусловленном несоответствием ожиданий молодых россиян и их собственными усилиями, направленными на достижение этих ожиданий, «подталкиваемое» извне глоссой «в этой стране жить нельзя» и способствуют формированию у российской молодежи эмиграционных настроений.

Выводы

Таким образом, наибольшее влияние на формирование эмиграционных предпочтений у молодых россиян оказывает их желание ухода от конфликта, или его трансформация. И здесь четко прослеживается попытка оказания некими силами на российскую молодежь информационно-психологического управляющего воздействия с целью формирования у нее определенной модели поведения. Это воздействие заключается в «подталкивании» социально незрелой российской молодежи к отказу от попыток самореализации в России, провоцировании возникновения у нее состояния нереалистического конфликта, обусловленного несоответствием собственных жизненных ожиданий, реальных социальных перспектив и отсутствием достаточных «стартовых» возможностей для самореализации (что можно рассматривать в качестве дистинкций глоссы «в этой стране жить нельзя»). Результатом реализации этого управляющего воздействия являются сформированные у значительной части российской молодежи эмиграционные настроения, а способом доведения данной глоссы служат публикации в предпочитаемых ею средствах массовой коммуникации (социальных сетях) и информации (различные интернет-ресурсы) «сенсационных» результатов социологических опросов, свидетельствующих о желании большей половины сверстников

эмигрировать за границу на постоянное место жительства. Косвенно данный вывод подтверждается результатами проверки популярности поискового запроса в сети Интернет «Уехать из России на ПМЖ» в различных вариантах, проведенной с использованием сервиса Google Trends — инструмента для анализа популярности сетевых поисковых запросов. Анализ частоты использования данного запроса пользователями Интернета показывает, что пик интереса приходится на июль 2008 года, затем имеются еще два экстремума (февраль и октябрь 2009 года), а начиная с 2010 года, запрос практически утрачивает популярность среди российских пользователей сети. Для сравнения, запрос «Россия без Путина» в этот же период времени был в 40–70 раз популярнее, имеет пик, приходящийся на февраль 2012 года, а затем интерес пользователей к нему также утрачивается.

Об эффективности применения данных методик трансформации конфликта свидетельствуют и сегодняшние события в США, где изначально реалистический конфликт между превысившим полномочия полицейским и задержанным им темнокожим гражданином этой страны был с помощью глоссы «black life matter» («жизнь чернокожих превыше всего») трансформирован в нереалистический конфликт между «черными» и «белыми», приведший в итоге к тотальному «покаянию» институтов власти в стране, сносу памятников, имеющих, по мнению чернокожих, непосредственное отношение к ущемлению их гражданских прав, а также к установлению полной анархии и режима безвластия в крупных городах США.

Библиографический список

- [1] ТВ-пропаганда бессильна против молодежи: больше половины россиян до 24 лет хотят переехать за границу — это десятилетний максимум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newsru.com/russia/26nov2019/younglevada.html> (дата обращения: 05.03.2020).
- [2] Эмиграционные настроения россиян 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9187> (дата обращения: 12.03.2020).
- [3] ВЦИОМ представил свою версию исследования эмиграционных настроений молодых россиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.znak.com/2019-11-27/wciom_predstavil_svoyu_versiyu_issledovaniya_emigracionnyh_nastroeniy_molodyh_rossiyan (дата обращения: 14.03.2020).
- [4] Макарова Ю.О. Особенности осуществления информационных войн в интернете // Вестник ЗабГУ. – 2014. – № 05(108). – С. 72–78. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-osuschestvleniya-informatsionnyh-voyn-v-internete/viewer> (дата обращения: 02.03.2020).
- [5] Нежданов И.Ю. Технологии информационных войн в интернете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bash.rosmu.ru/activity/attach/events/1283/01.pdf> (дата обращения – 05.03.2020).
- [6] Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России: монография // Москва: Московская школа политических исследований, 2011. – 96 с.
- [7] Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография / Под ред. С.В. Чуева. – Москва: Издательский дом ГУУ, 2017. – 131 с.
- [8] Абрамова П.А. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социс. – 2015. – № 5. – С. 61–71.
- [9] Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальные группы современной России: генезис, реальность, перспективы: монография. – Москва: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 136 с.
- [10] Ефременко Д.В. Теория модернизации о путях социально-экономического развития // Социс. – 2014. – № 6. – С. 3–12.
- [11] Меткин М.В. Конфликтология: учебное пособие. – Санкт-Петербург: СПбГУТ, 2001. – 87 с.
- [12] Козер Л.А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой; под. ред. Л.Г. Ионина. – Москва: Идея-Пресс, 2000. – 205 с.

- [13] Дудченко В.С. Трансформация конфликта. Онтосинтетическая модель конфликта // Консалтинг. – 2002. – № 1–2. – С. 53–56.
- [14] Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Пер. с англ. В.А. Звегинцев. – Москва: Ленанд, 2005. – 243 с.
- [15] Трансформация конфликта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conflictmanagement.ru/transformaciya-konflikta>. (дата обращения: 06.01.2019).

References

- [1] TV propaganda is powerless against young people: more than half of Russians under 24 want to move abroad — this is a ten-year maximum. (2019). Retrieved from <https://www.newsru.com/russia/26nov2019/younglevada.html>.
- [2] Emigration sentiment of Russians-2018. (2018). Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9187>.
- [3] VTsIOM presented its version of a study of the emigration moods of young Russians. (2019). Retrieved from https://www.znak.com/2019-11-27/vciom_predstavil_svoyu_versiyu_issledovaniya_emigracionnyh_nastroeniy_molodyh_rossiyan
- [4] Makarova, Yu.O. (2014). Internet massmedia warfare peculiarities. Features of information wars on the Internet. *Bulletin of Baikal State University*, 5(108), 72–78. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-osuschestvleniya-informatsionnyh-voyn-v-internete/viewer>.
- [5] Nezhdanov, I.Yu. (2015). *Technologies of information wars on the Internet*. Retrieved from <http://bash.rosmu.ru/activity/attach/events/1283/01.pdf>.
- [6] Gudkov, L.D., Dubin, B.V., & Zorkaya, N.A. (2011). Youth of Russia. In: monograph (p. 96) Moscow, Russian Federation: Moskovsk School of Political Studies.
- [7] Chuev, S.V. (Ed.). (2017). *Value orientations of Russian youth and implementation of state youth policy: Study results*. Moscow: GUU Publishing House.
- [8] Abramova, P.A. (2015). Temperal strategies for the behavior of social communities as a sociological problem. *Sociology*, 5, 61–71.
- [9] Golenkova, Z.T., & Igitkhanyan, E.D. (2012). *Social groups of modern Russia: Genesis, real-life, perspectives*. Moscow: Palmarium Academic Publishing.
- [10] Efremenko, D.V. (2014). Modernization theory on ways of socio-economic development. *Sociology*, 6, 3–12.
- [11] Metkin, M.V. (2001). *Conflictology*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Telecommunications.
- [12] Coser, L.A. (2000). *The functions of social conflict*. Moscow: Ideya-Press.
- [13] Dudchenko, V.S. (2002). Transformation of the conflict. Ontosynthetic conflict model. *Consulting*, 1–2, 53–56.
- [14] Elmslev, L. (2005). *Prolegomena to the theory of language*. Moscow: Lenand.
- [15] Transformation of the conflict. Retrieved from <http://conflictmanagement.ru/transformaciya-konflikta>.

Получена / Submitted: 02/07/2020

Доработана / Revised: 30/07/2020

Принята к публикации / Accepted: 23/08/2020

Подписано в печать 28.09.2020. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 9,49. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 500. Заказ № 1927
Центр развития публикационной активности
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.